ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 50 ДЕКАБРЬ 1981

В президиуме торжественного заседания в Кремлевском Дворце съездов.

ПОДВИГ НАРОД

А БЕССМЕРТЕН

В зале заседания.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Пройдут века, но в благодарной памяти советского народа никогда не померкнут героизм и доблесть защитников Москвы в суровые годы Великой Отечественной войны. Вся страна оказывала помощь и поддержку тем, кто стоял насмерть на легендарных московских рубежах.

Победа Советской Армии под Москвой стала началом коренного поворота в ходе Великой Отечественной, всей второй мировой войны.

Кремлевский Дворец съездов — в праздничном убранстве. 4 декабря здесь состоялось торжественное заседание Московского городского и Московского областного Советов народных депутатов, МГК и МК КПСС совместно с представителями трудящихся Москвы и Московской области и воинов Московского гарнизона, посвященное 40-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

В зале — ветераны Великой Отечественной войны и труда, представители трудящихся, Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя встречают собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, К. В. Русанова.

В президиуме вместе с ними — первый секретарь Московского обкома КПСС В. И. Конотоп, члены бюро МГК и МК КПСС, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков, первый заместитель министра обороны СССР — Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза В. Г. Куликов, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, командующий войсками ордена Ленина Московского военного округа генерал армии П. Г. Лушев, другие видные военачальники, герои битвы под Москвой, передовики социалистического соревнования, деятели науки и культуры, представители общественных организаций.

Торжественное заседание открыл председатель исполкома Моссовета В. Ф. Промыслов.

С речью на заседании выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии В. В. Гришин. Он, в частности, сказал:

— Разгром немецко-фашистских войск под Москвой вызвал огромный политический подъем и энтузиазм во всей нашей стране. И советский народ, его доблестная армия под руководством партии, пройдя через тяжелейшие испытания четырех лет войны, совершили немеркнущий в истории подвиг — с честью пронесли знамя победы от Москвы до Берлина, от Волги до Эльбы, отстояли свободу и независимость нашей Родины, избавили народы Европы от фашистского порабощения.

От имени ветеранов-воинов — участников битвы под Москвой выступил дважды Герой Советского Союза генерал армии А. П. Белобородов.

Затем выступил бывший командир боевой группы Уваровского партизанского отряда Московской области И. Е. Цыганков.

Ветеран труда военных лет работница Московского производственного объединения «Станкостроительный завод» имени Серго Орджоникидзе А. М. Хромова рассказала о трудовом подвиге рабочих столицы в годы Великой Отечественной войны.

Со словом приветствия выступили представители молодежи Москвы и Подмосковья — передовые рабочие столичных предприятий, бойцы студенческих строительных отрядов, молодые ученые, труженики полей, комсомольцы — школьники, учащиеся ПТУ.

На трибуне — секретарь комитета ВЛКСМ курсантского батальона Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР старший лейтенант А. А. Буров.

От имени советских воинов он обратился со словами сыновней признательности к нашей ленинской партии, товарищу Л. И. Брежневу за большую заботу о дальнейшем укреплении оборонного могущества нашей Родины, боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

Участники заседания единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2839)

12 ДЕКАБРЯ 1981

Перед началом беседы.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ ЧЛЕНОВ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ ОБОРОНЫ ГОСУДАРСТВ— УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

4 декабря Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял членов Комитета Министров обороны государств — участников Варшавского Договора.

Между Л. И. Брежневым и министрами обороны состоялась теплая беседа. Л. И. Брежнев выразил удовлетворение проделанной Комитетом работой и пожелал министрам новых успехов в укреплении обороноспособности государств — участников Варшавского Договора.

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

На беседе присутствовали начальник Генерального штаба Вооруженных Сил — первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков, Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами Маршал Советского Союза В. Г. Куликов, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев и начальник Штаба Объединенных Вооруженных Сил генерал армии А. И. Грибков.

7 декабря в Будапеште состоялись переговоры прибывшего в ВНР с официальным дружественным визитом по приглашению ЦК ВСРП и венгерского правительства члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова с членом Политбюро ЦК ВСРП, Председателем Совета Министров ВНР Д. Лазаром.

Центральное место на переговорах заняли вопросы дальнейшего расширения и углубления братской дружбы и всестороннего сотрудничества между СССР и ВНР. В этой связи была особо отмечена исключительная важность встреч и бесед между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и Первым секретарем ЦК ВСРП Я. Кадаром, имеющих определяющее значение для решения узловых вопросов сотрудничества обеих стран, для согласования их позиций по актуальным международным проблемам.

В переговорах участвовали: с советской стороны — Председатель Совета Министров Молдавской ССР И. Г. Устиян, первые заместители министров СССР В. Ф. Мальцев и Н. Д. Комаров, заместитель председателя Госплана СССР Н. Н. Иноземцев, посол СССР в ВНР В. Я. Павлов, заведующий 5-м европейским отделом МИД СССР В. Ф. Грубяков; с венгерской стороны — заместитель Председателя Совета Министров ВНР Й. Марьяи, министр иностранных дел ВНР Ф. Пуйя, министр внешней торговли ВНР П. Вереш, государственный секретарь государственного планового управления ВНР Я. Хоош, государственный секретарь министерства промышленности ВНР Л. Капойи, заместитель министра иностранных дел ВНР И. Рошка, посол ВНР в СССР М. Сюреш.

Во время переговоров.
Телефото В. Будана (ТАСС)

ЕДИНСТВЕННО ВОЗМОЖНЫЙ ПУТЬ

Ю. ПОПОВ

Начавшиеся 30 ноября в Женеве советско-американские переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе привлекли к себе внимание самых широких кругов мировой общественности и прессы. Это и понятно, так как вопросы европейской политики, вопросы европейской безопасности затрагивают судьбы не только этого континента, но и всей планеты и всего человечества. Следует напомнить, что именно в Европе вспыхнул пожар двух мировых войн. Именно над Европой нависла сейчас новая опасность в связи с американскими планами размещения в ряде европейских государств новых видов американских ракет средней дальности, в результате чего сложившийся здесь баланс сил нарушается в пользу блока НАТО.

Никто не ожидает, что переговоры в Женеве будут скорыми и легкими. Но трудности бывают разными. Одно дело искренние поиски взаимоприемлемых решений, направленных на укрепление мира в Европе. Совершенно другое, когда трудности создаются искусственно и нагромождаются препятствия на пути работы конференции с тем, чтобы добиться односторонних преимуществ для себя. Еще накануне открытия конференции президент США Рейган выступил с «инициативой» о так называемом «нулевом решении» вопроса о ядерном вооружении в Европе. Предложенное Рейганом «решение» призвано обеспечить военное превосходство Соединенным Штатам без развертывания новых ракет — в обмен на отказ Советского Союза от размещения своих ракет средней дальности в Европе. Фактически речь идет об одностороннем разоружении Советского Союза.

Следует сказать, что администрация Рейгана с самых первых дней своего пребывания у руля государственного правления повела курс на то, чтобы сближение между СССР и США, которое имело место на протяжении предыдущих лет, было приостановлено. Новая администрация стремилась и стремится подорвать саму идею разрядки международной напряженности. Волна антисоветской истерии, захлестнувшая Соединенные Штаты, в первую очередь рассчитана на то, чтобы оправдать новый виток в гонке вооружений, предпринимаемой американской администрацией.

Как известно, Л. И. Брежнев во время пребывания в ФРГ выдвинул ряд конкретных предложений, направленных на укрепление безопасности в Европе, представляющих собой, по сути дела, программу свертывания ядерных вооружений.

К чему сводятся эти предложения? Во-первых, Советский Союз существенно дополнил выдвигавшиеся им ранее предложения о мораторий, то есть о том, чтобы, пока ведутся переговоры, обе стороны воздерживались развертывать новые и модернизировать имеющиеся ядерные средства средней дальности, дабы облегчить диалог, создать для него благоприятную атмосферу. Теперь Советский Союз выразил готовность пойти дальше. В случае согласия другой стороны на мораторий он мог бы в качестве акта доброй воли в одностороннем порядке сокращать некоторую часть своих ядерных вооружений средней дальности в Европейской части СССР, то есть сделать это как бы авансом, двигаясь к тому более низкому уровню, о котором СССР и США могут условиться в ходе переговоров.

Затем, Советский Союз подчеркнул, что он намерен выступать в Женеве за радикальное сокращение ядерных средств средней дальности, за то, чтобы обе стороны уменьшили их число не на десятки, а на сотни единиц, учитывая при этом как американские средства передового базирования, так и соответствующие ядерные средства Англии и Франции.

В-третьих, СССР был бы готов договориться о полном отказе обеих сторон — Запада и Востока от всех видов ядерного оружия средней дальности, нацеленных на объекты в Европе. Выступая в Бонне, Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы вообще за то, чтобы в конечном счете Европа стала свободной от ядерного оружия — и средней дальности, и тактического. Вот это было бы настоящее «нулевое решение», справедливое для всех сторон».

Новые предложения Советского Союза, направленные на укрепление мира в Европе, получили поддержку и одобрение со стороны всех, кто хочет избежать ядерной конфронтации. Профессор Гарвардского университета А. Карнсейл отмечал, что «гарантии безопасности Америки не в новых программах наращивания стратегических ядерных сил, не в поисках нового «сверхоружия», а в переговорах между СССР и США, в достижении договоренности об ограничении и дальнейшем сокращении стратегических вооружений».

Заявления в поддержку новых советских мирных инициатив, направленных на снижение уровней военного противостояния между Востоком и Западом в Европе, опубликовал целый ряд общественных организаций Соединенных Штатов. Сан-францисское отделение организации «Женщины за мир» подчеркивает, что конструктивные предложения Советского Союза в равной мере учитывают интересы безопасности всех стран и являются очередным свидетельством приверженности СССР идеям военной разрядки на европейском континенте.

Задача, стоящая перед участниками переговоров в Женеве, заключается в поисках взаимоприемлемой договоренности с целью избавить Европу от опасности ядерного пожара. Необходимо выработать конкретные положения и обязательства, которыми руководствовались бы стороны в своей практической деятельности с тем, чтобы был соблюден принцип равенства и одинаковой безопасности. Для человечества есть единственно возможный путь — это поиски разумного и прочного мира. Альтернативой этому может быть лишь гибель цивилизации.

•НОВОСТИ•ИНТЕРВЬЮ•РЕПОРТАЖ•

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

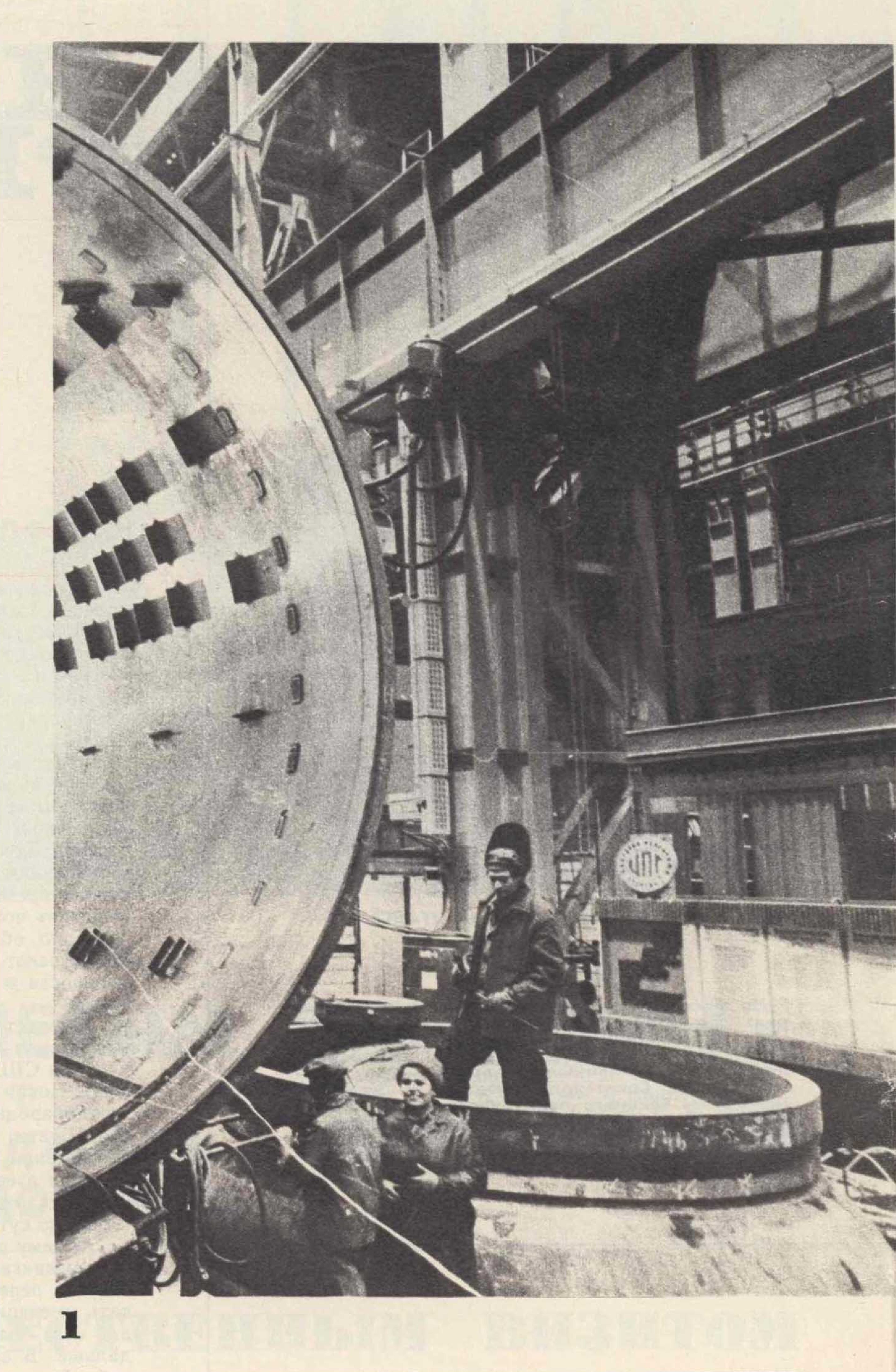
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

РАСТУТ МОЩНОСТИ АТОММАША

Коллектив объединения Атоммаш принял обязательство дать Родине уже в нынешней пятилетке 7 комплектов оборудования АЭС, в том числе один сверхплановый. Десятки бригад включились здесь в социалистическое соревнование за достойную встречу славной даты — 60-летия образования СССР. На календаре сорока пяти из них уже 1982 год. Первый корпус реактора уже покинул завод. Он будет работать на Южно-Украинской АЭС.

На снимке: в цехе парогенераторов.

Фото Майи Скурихиной

1

2

ПОБЕДИТЕЛИ

Выставка «40 лет победы под Москвой» начинается уже на ступеньках Центрального выставочного зала столицы: здесь установлены противотанковые ежи, на стенах — плакаты военной поры, лозунги и призывы. Мощно и грозно гремит музыка — звучит мелодия «Священной войны».

А в вестибюле звон медалей, блеск орденов, объятия, слезы, поцелуи: сотни ветеранов — участников битвы под Москвой пришли на открытие выставки. Здесь же подтянутые, не по годам серьезные молодые солдаты и офицеры Московского гарнизона.

Устроители выставки, а в ней участвуют все творческие союзы, задумали создать коллективный портрет защитников Москвы. И он удался! Более тысячи произведений искусства и документов представлено в Центральном выставочном зале. Встречает посетителей скульптура А. Бичукова «Победитель» — застывший в бронзе солдат с высоко поднятым знаменем. Но как долог и труден был путь этого солдата... Об этом пути, полном горьких поражений, славных побед, потерь друзей, высоких подвигов, рассказывают полотна известных художников, написанные по горячим следам событий и в послевоенные годы. Кто не знает такие вошедшие в историю картины, как «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года» К. Юона, «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 г.» А. Дейнеки, «Салют» Б. Иогансона, «Таня» Кукрыниксов. Но есть на выставке и совсем новые полотна, написанные совсем недавно: «Яхромские высоты» И. Обросова, «Здесь остановили Гитлера» Ю. Павлова и другие.

Огромную документальную ценность представляют фотографии, сделанные в грозную осень и зиму сорок первого, — их здесь немало.

Большой раздел выставки посвящен деятельности товарища Л. И. Брежнева, его неустанной борьбе за мир.

Будни нынешней армии, в которой служат сыновья и внуки участников войны, в том числе и защитников столицы, тоже представлены в многочисленных фотографиях и полотнах живописцев.

...Гремит музыка, звенят медали, сияют ордена. На портретах и фотографиях — рядовые и сержанты, офицеры и генералы. Многих уже нет в живых. Но в зале — их друзья. Скорбна и прекрасна эта встреча — встреча победителей!

Б. СОПЕЛЬНЯК

На снимке: в залах выставки «40 лет победы под Москвой».

Фото М. Савина

3

КРЫМ

ПАМЯТНИК У МОРЯ

Еще один монумент украсил старинную Феодосию: памятник герою гражданской войны, большевику Ивану Андреевичу Назукину.

Иван Назукин родился в 1892 году на Урале, в селе Пермской губернии. С юности познал нелегкий труд. Сначала работал молотобойцем, потом кузнецом. Осенью 1913 года был призван на военную службу. Море Балтийское, Кронштадт — здесь он служит в отряде подводного плавания. А весной 1914-го И. Назукина переводят на Черноморский флот. Севастопольский рейд и подводная лодка «Судак» стали его домом на три года. Так в его жизнь до конца дней вошли Черное море и Крым...

Вскоре после Февральской революции И. Назукин становится большевиком и принимает активнейшее участие в становлении Советской власти в Крыму. В июне 1917 года он — один из организаторов Севастопольского комитета РСДРП(б), по заданию которого проводит большую агитационно-массовую работу в Балаклаве и ее окрестностях, формирует там и отряды Красной гвардии.

Весной 1918 года трудящиеся Балаклавы избирают его председателем городского Совета рабочих и крестьянских депутатов. И. Назукин — делегат пятого Всероссийского съезда Советов, где избирается членом ВЦИКа.

В июле 1919 года Крым захватывают белогвардейцы. Большевики уходят в подполье. По заданию ЦК партии И. Назукин возглавляет подпольную организацию.

Большевики готовят восстание.

Но деникинская контрразведка пронюхала, что под личиной простодушного мещанина Алексея Андреева скрывается Назукин. Накануне восстания он и его товарищи были схвачены контрразведкой. В ночь на 24 февраля 1920 года Иван Андреевич Назукин был расстрелян на феодосийском кладбище. Так оборвалась недолгая, но славная жизнь...

Памятник из серого диорита воздвигнут в центре города, недалеко от моря, между фонтаном И. Айвазовского и древней башней Константина. И это символично: прошлое города смыкается с нашим веком.

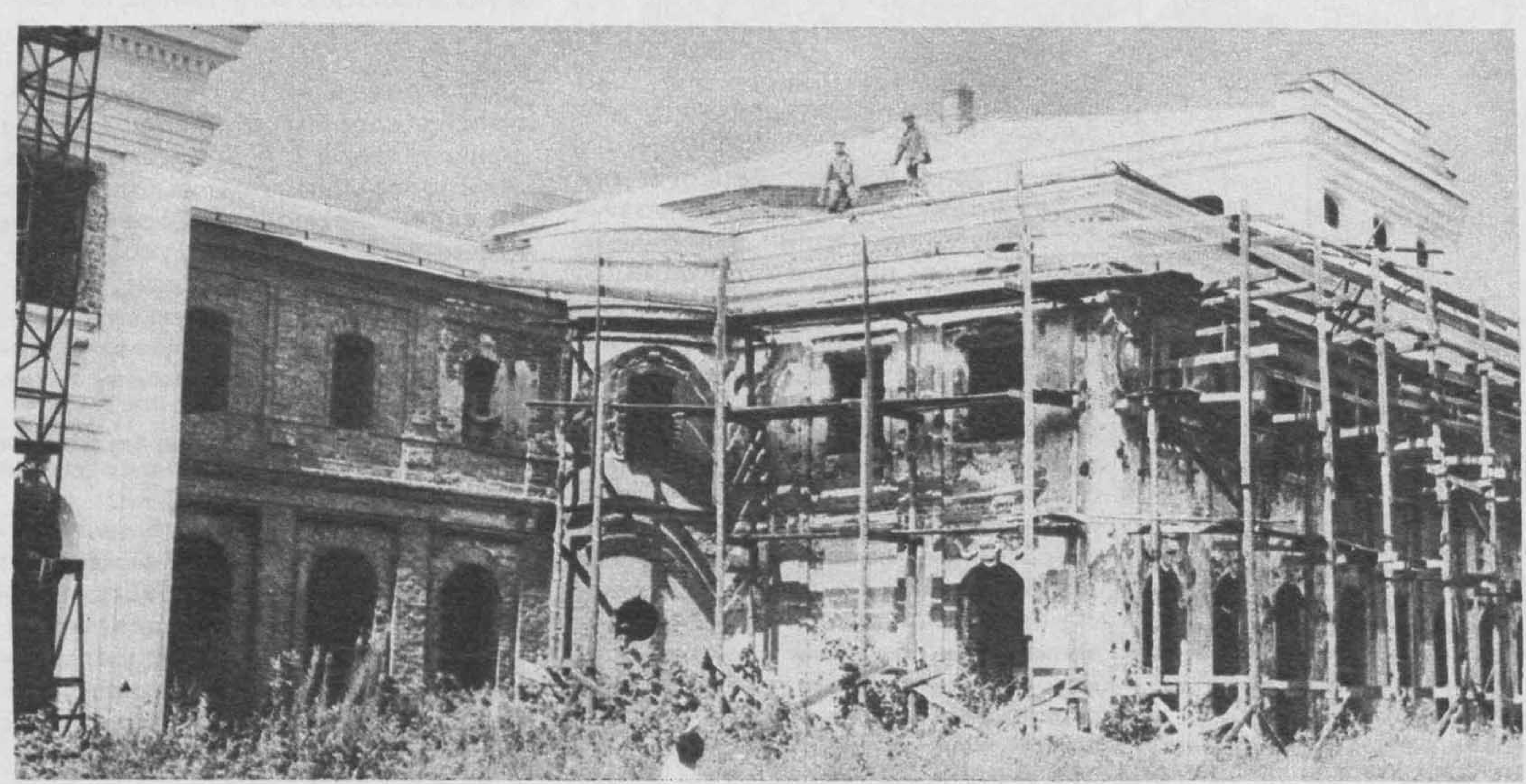
Ю. КОТЛЯР

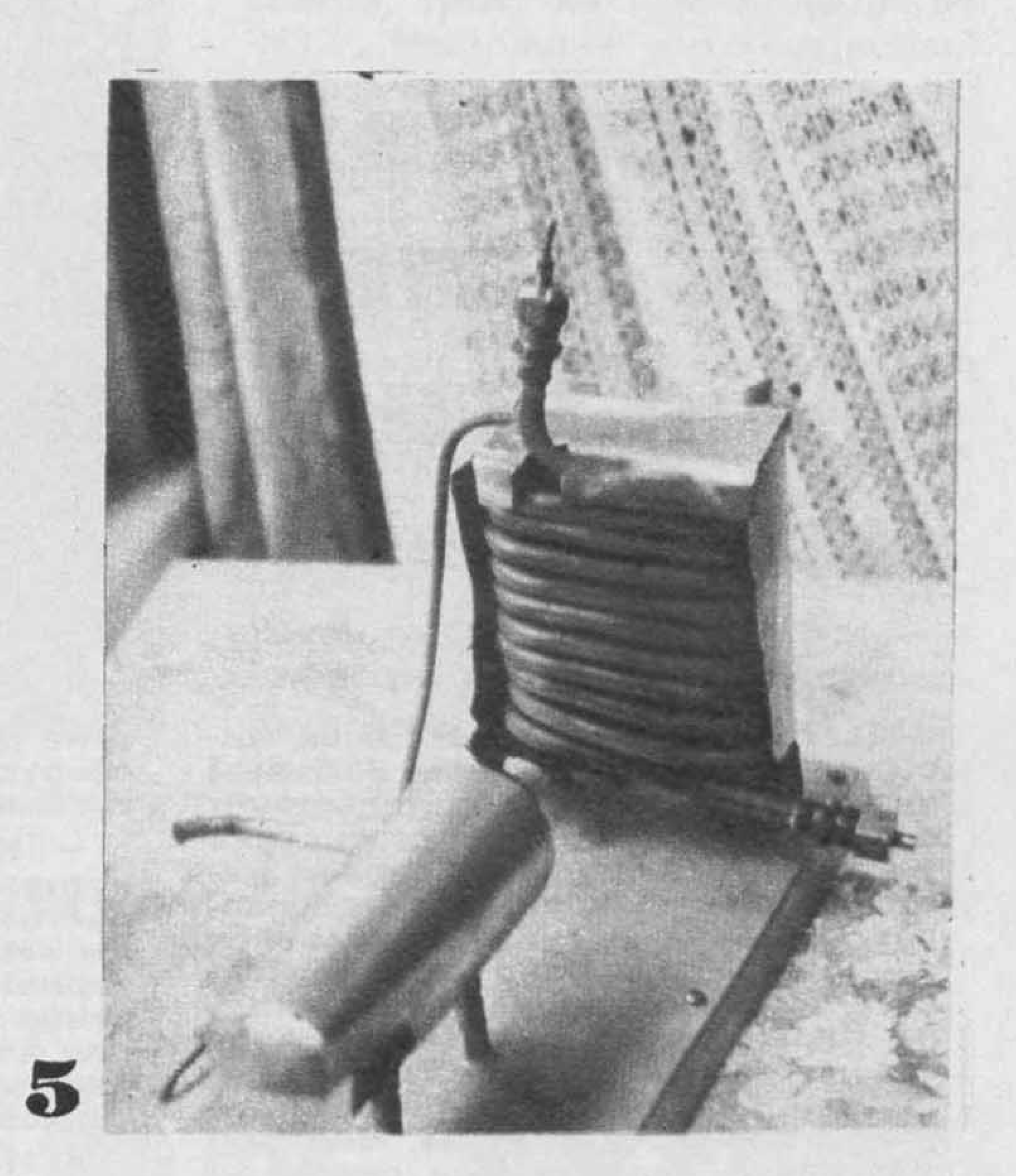
3

2

4

5

«РУССКИЙ ВЕРСАЛЬ» 4

...Осень 1941 года. Под Москвой, на волоколамском направлении, идут кровопролитные бои. На захваченной территории бесчинствуют фашисты. Специальные подразделения занимаются сбором и отправкой в Германию художественных ценностей. Одно из таких подразделений прибыло в село Ярополец, где была расположена усадьба Чернышевых — великолепный дворцовый ансамбль, по праву получивший название «Русский Версаль». По свидетельству очевидцев, «специалисты по искусству» несколько дней, тщательно, комната за комнатой, этаж за этажом, исследовали жилой дом, хозяйственные постройки, парк и водоемы в поисках ключей от Бранденбургских ворот...

Граф Захар Григорьевич Чернышев, участвуя в Семилетней войне, вместе со своим корпусом захватил Берлин. Как знак признания особых военных заслуг ключи от Бранденбургских ворот Берлина были отданы З. Г. Чернышеву на вечное хранение. При жизни известного полководца и сложился изумительный дворцовый ансамбль.

Создатели «Русского Версаля» — Матвей Казаков и Петр Никитин. Красотой его восхищался А. С. Пушкин — он бывал в Яропольце. В 1903 году Ярополец посетил В. А. Гиляровский. Пораженный увиденным, он писал: «Я любовался дворцом, этим интереснейшим зданием с его колоннадой и лепными работами снаружи... А кругом дворца высокие красные стены с рядом громадных, причудливых башен, производят впечатление древнего замка».

— Ключей от Бранденбургских ворот Берлина фашисты не нашли,— говорит главный архитектор треста «Мособлстройреставрация» Ю. Д. Беляев.— А отступая, варварски взорвали значительную часть дворца, почти полностью уничтожили парк, вывезли убранство комнат, статуи, обелиски.

Для восстановления «Русского Версаля» разработан подробный проект и создана специальная производственная база в городе Истре. Практические работы начались в 1977 году. В 1982 году коллектив реставраторов, возглавляемый начальником участка В. И. Ромкиным, планирует полностью закончить восстановление дворца и хозяйственных построек.

М. ГЕРАСИМЕНКО

На снимке: реставрация усадьбы Чернышевых.
Фото Ф. Комарова

ДЕЛАЕТ ЧИЩЕ АТМОСФЕРУ, ЭКОНОМИТ ГОРЮЧЕЕ 5

Выбросы выхлопных газов миллионов двигателей — бич многих крупнейших городов мира. Вместе с тем остро стоит вопрос об экономии горючего. Решению обеих проблем в огромной степени способствует вода, обыкновенная и всем доступная.

Идея использовать воду в качестве катализатора процесса горения не нова. Еще в 1956 году известный советский изобретатель А. Г. Пресняков добавлял воду в двигатель автомобиля «Победа». Результат — безукоризненная работа мотора, экономия горючего до 15 процентов, очистка выхлопных газов от вредных примесей. Более того — особенно эффективно применение морской воды, содержащей соли и планктон. Объяснение этого явления — химическая структура воды и ее способность легко переходить в газообразное состояние в виде пара.

Оригинально и на высоком уровне идея использования воды в качестве компонента горения воплощена в инжекционной горелке, созданной А. Г. Пресняковым и В. М. Шишиным, руководителем СКБ Института металлургии АН СССР имени А. А. Байкова. В ней как бы два узла: собственно горелка и трубчатый парогенератор с плотно прилегающим к нему медным перфорированным экраном.

Устройство горелки обеспечивает максимальное воздействие воды как катализатора горения и уменьшения выброса остатков горючего и отравления атмосферы.

Горелка уже получила высокую оценку многих крупных специалистов. Ее использование может быть весьма эффективно как в промышленности и сельском хозяйстве, так и в сфере быта. Горелка очень легка в изготовлении, и при желании может быть в кратчайший срок налажено ее массовое производство.

А. ВАЙСМАН

На снимке: модель горелки.

В президиуме собрания. Фото Э. Эттингера

СОЧИНЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА НА ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Да, он и сейчас «живее всех живых». Вот факты. Ленин — самый читаемый автор, свидетельствует беспристрастная статистика ЮНЕСКО. Его труды на первом месте в мире по количеству переводов. Недавно к ним прибавился еще один. Завершено издание Полного собрания сочинений Владимира Ильича на вьетнамском языке. Это — первое полное издание на иностранном языке трудов основателя нашего государства. Оно осуществлено вьетнамским издательством «Ши тхат» и советским — «Прогресс».

Пятьдесят пять томов с синими латинскими буквами «Ленин» на глянцевых белых обложках я увидел на стенде в Московском доме политического просвещения. Чан Тяу Тхань листал один из томов.

— Ищу «Великий почин»,— сказал Тхань, студент четвертого курса Московского института нефтехимической и газовой промышленности,— первую ленинскую статью, которую я прочитал. Это было в 1975 году, в восьмом классе. Всем классом мы и читали ее. Ту брошюру я взял из отцовской библиотеки, в ней почти все книги Ленина, выходившие во Вьетнаме. Отец — бывший железнодорожник, сейчас — политработник, часто выступает на заводах, в кооперативах. Когда готовится к этим встречам и какой-нибудь вопрос ему неясен, говорит: «Спросим у Ленина!» — и подходит к любимой полке.

Ленинское слово. За тысячи километров его слышали, по нему сверяли жизнь поколения вьетнамских патриотов. В тюрьмах, в подполье переводили на родной язык статьи Ильича, чтобы стала оружием масс правда великих идей. «Правда» — «Ши тхат» — так было названо издательство, основанное в 1946 году в джунглях Вьетбака, на одной из партизанских баз. Товарищ Ха Бак, коммунист с более чем 30-летним стажем, редактор отдела партийных документов, один из старейших сотрудников издательства, хорошо помнит те годы. В соломенной хижине, на примитивной печатной технике размножались труды Ленина, Хо Ши Мина, книги по истории СССР. Сегодня это самое крупное издательство во Вьетнаме. Типографские цеха оснащены современным оборудованием из ГДР и Советского Союза.

— На протяжении всей своей истории Коммунистическая партия Вьетнама черпала из сокровищницы ленинской мысли,— говорит товарищ Ха Бак.— Для нас произведения Ленина, как не раз повторял Хо Ши Мин,— это солнце, озаряющее путь к конечной победе — социализму и коммунизму.

К 1970 году «Ши тхат» завершило предыдущее, четвертое издание Сочинений Ленина. Перевод был двойной — с французского, сверенного, при возможности, с английским вариантом. Новое издание отличается поэтому не только полнотой. Все произведения переведены с языка оригинала. Перевод делали в Ханое, затем рукопись отправляли в СССР. Здесь вместе с учеными Института марксизма-ленинизма над ней работали лучшие переводчики и редакторы «Ши тхат», командированные в Москву.

Собрание общественности, посвященное завершению этой большой работы, состоялось 1 декабря в Московском доме политпросвещения.

В нашей стране, как сообщил в своем выступлении председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин, книги Ленина выпущены на 53 иностранных языках общим тиражом более 60 миллионов экземпляров. Успешно продолжается совместная работа с вьетнамскими коллегами. В Москве и Ханое начато издание 8-томного сборника трудов Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Ленинским курсом».

Выступивший на собрании временный поверенный в делах СРВ в СССР Ву Хоан выразил сердечную признательность КПСС, ее Центральному Комитету во главе с товарищем Л. И. Брежневым, правительству СССР, всем рабочим и служащим, которые принимали участие в издании трудов В. И. Ленина.

В работе собрания участвовал заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС Е. М. Тяжельников.

Б. ВАСИЛЬЕВ

Года три тому назад в издательстве АПН была опубликована статья, в которой говорилось, что в Москве под руководством профессора С. Федорова проводятся операции по устранению близорукости новым методом. Когда статью прочитал известный глазной хирург из ФРГ Тебурцнус, он не поверил и выступил с публичным заявлением, что русские пустили «утку». Узнав об этом, Святослав Николаевич Федоров, директор Московского института микрохирургии глаза, нашел возможным сделать такие операции нескольким гражданам ФРГ, временно находившимся у нас в стране. Прооперированы были трое — шофер, преподаватель, дипломат. Операции прошли успешно, пациенты уехали к себе на родину без очков.

Вскоре в клинику московского института обратилась сотрудница посольства ФРГ в Советском Союзе Дорис Шенк. Она увлекалась горными лыжами, но без очков не могла кататься — не позволяла близорукость. И она пришла к советским хирургам с просьбой избавить ее от очков. После операции она получила нормальное зрение. Находясь под большим впечатлением от результатов операции, Дорис Шенк предложила министерству здравоохранения ФРГ перенять опыт. И через несколько месяцев С. Федорову пришло приглашение из ФРГ — приехать и рассказать немецким офтальмологам о достижениях советских врачей, ознакомиться с методикой немецких хирургов.

Недавно С. Федоров вернулся из этой поездки. Редакция обратилась к нему с просьбой поделиться своими впечатлениями.

ВЫГОДНО ОБЕИМ СТРАНАМ

— Святослав Николаевич, чем была интересна эта поездка для вас как хирурга?

— Я увидел много нового для себя: неизвестную мне аппаратуру, инструментарий. Например, электронный прибор для определения электропотенциалов сетчатки. Наши аналогичные приборы пока уступают немецким.

Мне было очень интересно побывать на предприятиях, где изготовляются электронные микроскопы, приборы для фотографирования глазного дна и другое сверхточное оборудование. Весьма полезными оказались встречи с разработчиками этого оборудования. Мы обсудили возможность изготовления новых приборов, необходимых нам в Москве для наших новых операций. Оказалось, что немецкие специалисты сумели бы во многом нам помочь, если мы станем развивать с ними сотрудничество. Уже сейчас мы могли бы закупить у них партию микроманипуляторов, крайне необходимых нам для наших операций. Эти приспособления исключают возможные ошибки хирурга, делают его движения намного точнее, мягче, позволяют абсолютно верно дозировать разрезы глаза. Конечно, когда счет идет на доли миллиметра, такие приборы очень нужны.

Для операций на роговице я попросил сделать два специальных манипулятора с учетом специфики этой операции. Мы их опробуем в деле, возможно, предложим что-то изменить или усовершенствовать, а потом, наверное, сможем заказать большую партию. Думаю, что любому глазному хирургу необходимо иметь такие манипуляторы.

— А немецкие офтальмологи применяют эти приборы во время своих операций?

— В подавляющем большинстве они так же, как и мы, делают операции вручную. Приборы эти они используют лишь для хирургии стекловидного тела. Но в последнее время их все чаще применяют и для других операций

— В ФРГ имплантируют искусственный хрусталик?

— Да, там начали делать эти операции года три назад. Некоторые врачи сделали по сорок — пятьдесят операций, один хирург в Бонне, Дарден, делает более тысячи в год. Но это исключение. Сейчас в ФРГ вставляют голландские хрусталики. Но сотрудники фирмы «Оптон», которая поставляет нашей клинике микроскопы и другое хирургическое оборудование, нередко бывают у нас, видят наших пациентов, видят операции, и поэтому они могли убе-

Профессор С. Федоров (второй слева) в гостях у доктора Й. Дрегера.

диться в преимуществах наших хрусталиков.

Кроме того, недавно в ФРГ вышла моя книга по имплантации искусственного хрусталика, многие немецкие хирурги читали ее, и теперь они проявляют интерес к нашим хрусталикам, хотят вставлять именно их. Об этом, в частности, мне говорили врачи глазной клиники в Мюнхене, которой руководит профессор Отто Эрик Лунд.

— В каких еще городах вы побывали?

— С большой пользой и интересом я посетил крупнейшую клинику профессора Мейер-Швикерата в Эссене. Это родоначальник лазерных методов лечения сетчатки глаза. В результате его исследований были созданы многие аппараты лазерной хирургии глаза. В его клинике сейчас ведутся очень интересные работы по лечению отслойки сетчатки. Я с удовольствием посмотрел операции по поводу помутнения стекловидного тела. Особенно меня поразили оригинальные присасывающиеся линзы, которые позволяют видеть все, что происходит внутри глаза во время операции. Мы договорились о поставках этих линз в нашу клинику. Уверен, что они сослужат нам хорошую службу.

В Гамбурге профессор Й. Дрегер предложил мне провести операцию имплантации по нашей методике. Я удалил катаракту и имплантировал пожилой немке искусственный хрусталик, изготовленный у нас в клинике. Операция прошла успешно, на другой день пациентка уже стала видеть прооперированным глазом.

— Святослав Николаевич, вы выступали перед немецкими хирургами с лекциями о ваших новых операциях. Как эти лекции ими были восприняты?

— Мне показалось — с большим интересом. Откровенно говоря, я ожидал, что будет скепсис, возможно, даже насмешки. Но ничего подобного не было. Все мои сообщения — и об имплантации искусственного хрусталика, и о хирургическом лечении близорукости, и о хирургии глаукомы на ранних ее стадиях — слушались заинтересованно; задавались десятки деловых вопросов; чувствовалось, что врачи собрались в аудитории не из праздного любопытства, что эти лекции имеют для них практический смысл.

Особый интерес проявляли молодые врачи, это и неудивительно: они понимают, что за такими операциями будущее, а значит, в скором времени им придется их осваивать.

Немецкие офтальмологи хотят перенять наш опыт, потому что мы во многом опередили их. И они не скрывают желания сотрудничать. Нам будут предоставлены страницы их центрального офтальмологического журнала, чтобы мы смогли опубликовать там несколько статей о наших новых операциях. Немецкие хирурги выразили пожелание организовать для них в нашей клинике курсы по обучению нашим операциям. И вот уже в январе будущего года к нам в клинику приедет хирург из Бонна Энгельс, в течение месяца он будет изучать наш опыт. Это первая ласточка, но думаю, что сотрудничество между нашими врачами и хирургами ФРГ очень скоро примет весьма интенсивный характер. Это, уверен, послужит и сближению наших стран, наших народов.

Беседу вел Сергей ВЛАСОВ.

Профессор Т. Х. Маргулова и ее коллеги из ГДР Рудольф Нич и Юрген Штайнкопф в лаборатории реакторной физики.

Фото Э. Эттингера

НАС ПОДРУЖИЛ МЭИ

ЭСТАФЕТА МИРНОГО АТОМА

Мирный атом. Он отсчитывает самое точное время и измеряет детали, лечит больных и поднимает урожаи полей. Но основная работа мирного атома — давать нам свет и тепло. Страны СЭВ приняли грандиозную программу совместного развития атомной энергетики. К 1990 году намечено построить в европейских странах содружества и Республике Куба атомные электростанции общей мощностью 37 миллионов киловатт. Это — самое масштабное совместное начинание за всю историю СЭВ. «Огонек» расскажет о том, как оно воплощается в жизнь. Наш первый репортаж — с кафедры атомных электростанций Московского энергетического института, где проходят подготовку будущие энергетики-атомщики.

Б. ЛАБУТИН

Сосредоточенная тишина. Слышно лишь пощелкивание приборов да шелест бумаги. В лаборатории нейтронной физики... Впрочем, прежде чем войти сюда, давайте вспомним, что мы знаем об атоме.

Это самый крохотный «кирпичик» вещества, полагали древние греки, так и назвав его: «атом» — «неделимый». Лишь в начале нашего века физики проникли в тайны строения атома. Он оказался... пустым. Представьте себе шар. Его поверхность — оболочка атома, в центре шара — ядро, состоящее из крохотных частиц — протонов и нейтронов. Так вот, если увеличить атом до размеров Земли, диаметр его ядра будет всего 130 метров. Огромные внутренние силы, словно пружина, сжимают ядро. Было подсчитано, что один грамм вещества теоретически мог бы высвободить энергию, равную 25 миллионам киловатт-часов. Найти способ расщепить ядро атома — и человечество получит колоссальный источник энергии...

Итак, в лаборатории нейтронной физики ведет работу четвертый курс, группа Ф-78. Опыты, которые ставили крупнейшие ученые, повторяют вчерашние школьники. Худощавый, маленького роста Ле Динь Чунг приехал из вьетнамской деревни под городом Винь. Чунг опускает тонкую серебряную пластинку в воду и объясняет мне:

— Здесь, в этом баке, находится источник нейтронов. Теперь вынимаем пластинку и помещаем вот в эту камеру со свинцовыми стенками. Включаю счетчик. Видишь, заплясали цифры на шкале? Еще замер, на другом расстоянии от источника. Так мы определяем, как распространяются в толще воды нейтроны. Тем, кто будет работать на АЭС, знать это необходимо.

— Но во Вьетнаме нет атомных электростанций!

— Обязательно будут,— вполголоса, словно боясь распугать эти загадочные нейтроны, отвечает Чунг. — В Ханойском центре ядерных исследований уже ведутся работы. Там двое выпускников нашей кафедры. Третьим буду я.

Его сосед, Хельмут Тилински из ГДР, собирается преподавать в высшей инженерной школе в Циттау. Венгр Янош Пинцеш мечтает, конечно, об атомной станции «Пакш». В группе 12 советских студентов, пятеро вьетнамцев, три венгра, трое из ГДР и двое из ЧССР. Настоящий интернационал!

Интернациональной стала сама атомная энергетика. Она требует больших затрат, высокого уровня науки и производства. Создавать ее отдельно каждой стране и сложно и дорого. Иное дело — сообща, как и решили члены Совета Экономической Взаимопомощи. Поэтому, скажем, венгерская «Пакш» строится по советскому проекту, а реактор для нее изготовлен в Чехословакии, оборудование биологической защиты — в Болгарии, краны — из ГДР, теплообменники — из Польши. И судьбы тех, кому воплощать эти планы в жизнь, пересеклись со студенческой скамьи. На этой кафедре сегодня обучается самое большое число иностранных студентов МЭИ. 280 человек из Болгарии, Венгрии, Вьетнама, ГДР, Кубы, Польши, Чехословакии. Будущие энергетики-атомщики. В их распоряжении современные ЭВМ и рентгеновская установка, электронный микроскоп и...

На двери табличка: «Пол в зоне сборки вымыт трижды. Просим без спецобуви не входить». Вхожу в пластиковых галошах и белом халате. В этом зале собрана учебная установка, имитирующая реактор.

Как работает атомная электростанция? У меня в руках небольшая, но увесистая металлическая капсула в два пальца толщиной и длиной с карандаш. За алюминиевой оболочкой — уран. Всего 50 лет назад можно было прочесть в энциклопедии: «Уран практического значения не имеет». Но именно уран, самый тяжелый из естественных элементов, подтвердил предположение ученых об огромной энергии, заключенной в атомном ядре. При облучении потоком нейтронов ядра атомов урана распадаются, выделяя колоссальное количество тепла. Это и происходит в атомной «печке» — реакторе, который заряжают такими

капсулами. Он нагревает воду, она, превратившись в пар, крутит турбину — и вот уже бежит по проводам электрический ток.

Первыми приготовили завтрак на энергии расщепленного урана жители подмосковного Обнинска. 27 июня 1954 года здесь дала ток первая в мире АЭС. От сегодняшних она отличалась, как телевизор «КВН» от современного цветного, но уже тогда было ясно: за ядерной энергетикой — будущее. И первым в мире учебным заведением, где началась подготовка специалистов новой профессии, стал Московский энергетический институт. В 1956 году здесь открылась кафедра для подготовки инженеров по проектированию, наладке и эксплуатации атомных электростанций.

Сегодня ей двадцать пять. На юбилей съехались выпускники разных лет, и стали вдруг тесными просторные аудитории. 1200 инженеров — питомцы кафедры, треть — из зарубежных стран — членов СЭВ.

— Мы занимались по самодельным плакатам да схемам,— вспоминает Борис Яковлевич Прушинский, один из первых выпускников, заместитель главного инженера Смоленской АЭС.— Но как занимались! Сегодня звучит буднично — «работаю на АЭС». А тогда профессия была новой, загадочной, и приходили сюда люди, увлеченные мечтой.

Его сокурсник Клаус-Дитер Шульц сейчас заместитель директора АЭС «Норд» в ГДР, Ян Томек — на первой чехословацкой АЭС «Ясловские Богуницы», поляк Станислав Скиба в Москве, в «Интератомэнерго»...

— Знаете, что интересно? Мы как будто не расставались. Работаем в одной отрасли, часто встречаемся по делам. Я был у Яна, когда участвовал в пуске чехословацкой станции, он и Клаус не раз приезжали в Москву.

Каталин Михай приехала из Будапешта. Она входила в аудитории и лаборатории, как входят в родной дом после долгой разлуки: заглядывая в каждый уголок, замечая и радуясь каждой новинке. И каждый, кто видел ее, встречал радостным: «А, Каталин! А как дела у Томаша?» Десять лет назад в Будапештском техническом университете вступил в строй учебный реактор, и Каталин приехала сюда на стажировку, а еще через два года поступила в МЭИ в аспирантуру.

— Да, да, здесь родные мне люди! — восклицает Каталин.— Тереза Христофоровна Маргулова, Георгий Георгиевич Бартоломей, Семен Абрамович Теплин — все, все! Я благодарна им не только за самые современные знания. Томашу, сыну, было десять лет, когда мы приехали, так сложилось, что я не могла оставить его дома. Учился здесь в школе. В первый день вернулся чуть не плача: «Мама, здесь даже кошка не понимает по-венгерски!» На кафедре организовали для него специальный курс русского. Так было и со мной, когда я начала слушать лекции. Однажды мы заблудились в центре Москвы, спросили у прохожих, как добраться до МЭИ. Трое незнакомых ребят проводили нас до самого института. Как-то поднимаемся по эскалатору метро — и пожилой военный, спускавшийся по другой лестнице, услышав венгерскую речь, машет рукой: «Передайте привет Будапешту, я его освобождал!» Разве такое забыть?! Томаш, когда вернулся в Будапешт, написал в школьной стенгазете: «Советский человек — это настоящий товарищ!» Сейчас он уже взрослый, заканчивает медицинский институт. Каждый год к нам приезжают на практику студенты из МЭИ, и он — их первый гид... Уроки душевной щедрости, теплоты, подлинной дружбы я и мой сын пронесем через всю жизнь.

На всех строящихся и действующих АЭС в странах нашего содружества, в проектных и научно-исследовательских организациях работают выпускники кафедры. Министерством высшего и среднего специального образования и Министерством энергетики и электрификации СССР она утверждена базовой для подготовки энергетиков-атомщиков для Советского Союза и других стран — членов СЭВ.

А двадцать пять лет назад... Профессор Маргулова вспоминает ту пору.

Тереза Христофоровна окончила Бакинский индустриальный институт, в тридцать седьмом поступила в аспирантуру в МЭИ, на кафедру котельных установок. В 1951 году стала первой в стране женщиной — доктором технических наук. И вдруг: «Создать и возглавить кафедру атомных электростанций...» Все с начала, с нуля? Нет времени раздумывать, инженеры АЭС нужны сегодня, сейчас! Она ездит по предприятиям, учреждениям, в Обнинск, достает оборудование для кафедры, собирает материалы для лекций, которые еще никто никогда не читал. Потом они стали учебником, и сегодня единственным в мире: «Атомные электрические станции». Он удостоен Государственной премии СССР, переведен на немецкий, венгерский, французский, английский.

Все забывается — хлопоты, трудности первых лет. Осталась кафедра — ее детище, ее гордость, ее второй дом. Сегодня это крупный учебно-научный комплекс. Создана стройная система дисциплин. Их читают известные ученые, среди которых лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Н. М. Синев, лауреат Ленинской премии А. С. Коченов, лауреаты Государственной премии СССР В. А. Сидоренко, Л. М. Воронин.

Атом так стремительно ворвался в наш век, что мы еще окружаем его неким таинственным ореолом. А здесь он в рабочей спецовке. «Рентабельность», «себестоимость» — слышу я в разговорах. Это о нем. Как удешевить строительство атомных электростанций, совершенствовать их технологию, конструкции, материалы? Результаты многих исследований, выполненных на кафедре, внедрены в производство, принесли большой экономический эффект. Например, применение комплексонов для удаления отложений со стенок труб, по которым циркулирует вода. Оказалось, комплексоны, давно известный химикам особый класс веществ, дают возможность растворить отложения и вывести наружу, не останавливая станцию. Авторам работы Т. Х. Маргуловой, Н. Г. Рассохину, А. С. Монахову присуждена Государственная премия СССР.

В 1959 году Маргулову пригласили в Дрезден. В Дрезденском техническом университете начиналась подготовка специалистов по атомной энергетике для ГДР. В Берлине почему-то никто не встречал. Она подошла к справочной аэропорта, назвала себя — и тут же ее окружили: «Так вы и есть тот знаменитый профессор из Москвы?! А мы встречали мужчину...» Так состоялось знакомство с коллегами из ГДР. В день, когда я пришел на кафедру, здесь принимали немецких гостей — профессоров Высшей инженерной школы в Циттау Рудольфа Нича и Юргена Штайнкопфа. «Мы с рабочим визитом,— уточнил Р. Нич.— У нас вводятся новые предметы, которые здесь уже преподают. Как всегда в таких случаях, друзья охотно делятся своими учебными планами, методиками». Кроме Дрездена и Циттау, кафедры атомных электростанций появились в Пражском и Гаванском политехнических институтах. Помощь в их становлении оказали сотрудники родственной кафедры МЭИ. Организована стажировка преподавателей, обменная практика студентов. Сообща ведется и научный поиск. На один из методов применения комплексонов, исследовавшийся на электростанциях ГДР, Маргулова и ряд ее немецких коллег получили совместный патент. В будущем году в Москве и Берлине выходит совместно подготовленное пособие для студентов «Экономичность и безопасность атомных электростанций».

— Безопасны ли АЭС? — говорит Тереза Христофоровна.— С первых лет ученые исследуют их воздействие на окружающую среду и убедились, что они не наносят вреда. Надежные системы обеспечивают радиационную защиту. Допустимая годовая доза облучения на АЭС меньше, чем получает человек при одном обследовании в рентгеновском кабинете! По сравнению с другими атомные электростанции обладают многими преимуществами. Потребляя сравнительно небольшое количество ядерного горючего, АЭС практически не связана с топливными базами. То есть ей не страшна удаленность от сырьевых источников и сооружать ее можно как раз там, где велика потребность в электроэнергии. Станции во многом можно автоматизировать, мощность их практически не ограничена. По всем показателям энергия атомных электростанций в основном сейчас выгоднее, чем тепловых. Себестоимость ее ниже. АЭС не засоряют атмосферу золой, серой и другими продуктами сгорания. В решениях XXVI съезда КПСС говорится о необходимости быстрее развивать атомную энергетику. Она прошла очень короткий путь, предстоит немало работы, чтобы атом еще надежнее служил человеку. Скоро он будет, например, и обогревать наши квартиры: под Горьким, Воронежем и Москвой строятся первые станции теплоснабжения на ядерном горючем.

...В Ботевграде каждый знает биографию своего великого земляка, национального героя Болгарии Христо Ботева. Знал и Владимир Вушев, что в селе Козлодуй на Дунае Ботев высадился с отрядом смельчаков, чтобы принести свободу родине. Но и не подозревал Владимир, как много будет значить в его судьбе это село. Увлекался математикой и литературой. «И физик и лирик!» — смеется Вушев и рассказывает, как в год 50-летия Октября в Болгарии был организован конкурс на знание Советской страны и команда их школы вышла в финал. Он был капитаном. В Софии на заключительном туре ему достался вопрос — по заголовкам произведений советских писателей определить, кто их авторы. В награду команда получила двухнедельную путевку в Одессу и Ялту. Вторая встреча с Советским Союзом растянулась на пять лет — годы учебы в МЭИ. «Незабываемые,— говорит Владимир.— Лекции нам читали ведущие ученые — Рассохин, Дементьев, Герасимов. На втором курсе я два месяца лежал в больнице. Ни дня не был одинок — приходили советские ребята из группы, наш куратор Вера Петровна Воронова. Экзамены сдал вместе со всеми на «четыре» и «пять».

И вот июльским днем 1975 года у пульта управления болгарской АЭС «Козлодуй» стоял молодой черноволосый парень. Уже работал первый блок станции, уже не узнать было глухое село, встретившее тучами пыли и комаров строителей нынешней атомной столицы Болгарии, и сам он, инженер Вушев, уже год как здесь работал, но лишь сегодня, можно сказать, начиналась его биография: ему предстояло самостоятельно провести разгон реактора второго блока, то есть вывести с «нуля» на заданную мощность. Тысячу раз все было прорепетировано и здесь, и в институте, и на практике на Нововоронежской АЭС, и все-таки он волновался. Но вот Милан Костадинов, дежурный по станции, дал команду, и Владимир повернул тумблер. Постепенно, сантиметр за сантиметром, выводятся из активной зоны поглощающие стержни, чтобы в реакторе вспыхнуло и ровно разгоралось атомное «пламя»... Четыре часа продолжался пуск. Когда стрелка вздрогнула в последний раз и замерла против нужной отметки, в потолок брызнуло шампанское. Александр Золотухин, руководитель группы советских эксплуатационников, хлопнул Вушева по плечу: «Крещение состоялось!» Владимир провел рукой по мокрому лбу и широко улыбнулся. Таким его и запечатлели репортеры на снимке, который появился в болгарских газетах.

В Козлодуе лирик Вушев организовал «Клуб выпускников МЭИ». За самоваром, как раньше на кафедре, они спорили о новинках советской литературы. Питомцы кафедры — почти весь персонал станции, от директора до оператора. А физик Вушев работал на станции и преподавал в техникуме ядерной энергетики, единственном на Балканах. Год назад снова приехал в Москву.

— Вы знаете, о чем я подумал, стоя тогда у пульта? Я вспомнил американского пилота, который сбросил бомбу на Хиросиму. Не знаю, что он испытывал в тот миг... А я испытывал гордость и такую силу, будто я великан. Это необыкновенное чувство — быть хозяином мирного атома!

«Мирный атом»,— говорим мы. Потому что знаем цену войны. Десять лет воевал отец вьетнамца Ле Динь Чунга. 21 июня 1941 года состоялся выпускной вечер в 437-й московской школе, а на следующий день пришли в военкомат все мальчишки десятого «А». Был среди них и Николай Рассохин, ныне профессор, лауреат Государственной премии СССР, заведующий кафедрой.

— Да, из нашей памяти не вычеркнуть Хиросимы,— говорит Николай Георгиевич.— К сожалению, о разрушительной силе атома мир узнал прежде, чем о его способности созидать. Я хорошо помню тот день. Мы, вчерашние фронтовики, выступали на митингах, распространяли воззвания с призывом запретить новое оружие. Увы, это не остановило горячие головы. Изобретена нейтронная бомба...

— Само открытие энергии атома,— продолжает профессор,— было бы невозможно без вклада ученых разных стран. Пусть же сегодня он сближает, а не разделяет народы. Такой пример вновь подают человечеству социалистические страны, выполняя совместную программу освоения мирного, рабочего атома.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

К 75-летию со дня рождения

Фото В. Мусаэльяна.

ЖИТЬ ДОСТОЙНО

Мы хорошо знаем и любим вышедшие ранее книги Л. И. Брежнева. Вот и эта — «Воспоминания» — полюбилась. Особенно близка она нам, рабочим. Читаю строки, где Леонид Ильич делится наблюдениями о лучших чертах рабочего человека: «Он великий труженик, ему присуще неиссякаемое терпение, он знает свое дело и привык делать его хорошо... Почти все богатства, накопленные человечеством, созданы его мускулистыми руками, но сам он не привязан к собственности, душа его не убита корыстным расчетом, а живы в ней широта, удаль и вечная тяга к справедливости. Он находчив, смекалист, наделен живым умом и юмором. Он решителен, смел, верен дружбе, готов в любой момент прийти на помощь товарищам». Читаю и думаю: здесь рассказывается не только о минувших днях, об истории Днепровского завода, тут прямое обращение к современному рабочему — помни свои героические традиции, работай вдумчиво, организованно!

Написанная в форме воспоминаний, книга эта — задушевный, но принципиальный разговор о сегодняшнем дне: о Родине, об ответственности за нее, обо всем том, что не может не волновать советского человека. А как проникновенно и искренне сказано в ней о хлебе! «Сейчас в столовых, в кафе и булочных стали вывешивать красиво оформленные призывы беречь хлеб. Это, конечно, полезно. Однако грустно, что понадобились такие призывы...» Разве могут такие слова оставить кого-нибудь равнодушным?

Я работаю слесарем-сборщиком в одном из цехов производственного объединения «Динамо». Наша сегодняшняя продукция—магнитные контроллеры для управления башенными кранами, «шкафы» управления для «БЕЛАЗов» — уже сама по себе свидетельство тех огромных сдвигов, которые произошли в советской промышленности. И мы, естественно, горды, что работаем на одном из самых прославленных наших предприятий. Но, думается, великие свершения были бы невозможны без самоотверженного труда людей прошлых поколений, тех, о которых с такой теплотой рассказал Л. И. Брежнев. Об этом необходимо помнить и сегодня. Сейчас очень легко можно найти «объективные» оправдания любым неурядицам, недостаткам. Но каждый из нас должен спросить самого себя: «Что же я? Все ли сделал на своем рабочем месте, чтобы этого не допустить?» — прислушаться к голосу совести. И именно к этому призывает книга Леонида Ильича.

В производственном объединении «Динамо» я работаю больше двадцати лет. Завод — моя жизнь. И мне удивительно близко то, о чем пишет Л. И. Брежнев. Читаю: «...я всегда помню своих наставников и старших товарищей, с которыми работал на Днепровском заводе. Они дали мне первую профессию, учили меня сложной науке жизни, показали великую силу и духовную красоту человека труда». Читаю и думаю о своем наставнике Михаиле Степановиче Фадееве. Все написанное можно отнести и к нему. Близки мне и слова Л. И. Брежнева о сыновнем долге, об отношениях в рабочей семье.

Написаны «Воспоминания» очень простым, емким языком.

Я—москвич, потомственный рабочий. Помню, какой была Москва раньше. «Чувство родины у каждого из нас начинается с памяти детства, со своего дома, своей улицы, своего города или села. И вместе с тем живо в нас ощущение большой, великой Родины...» Убежден, что слова эти отзовутся в сердце каждого советского человека. Быть достойным наследником великих традиций героического рабочего класса, любить Отчизну, как родную мать, быть готовым встать на ее защиту учит нас эта книга.

Владимир КОСЯКОВ,
слесарь-сборщик производственного объединения «Динамо», кавалер ордена Ленина

гастроли

СТРОЕНИЕ ЭПОХИ

В одном из своих писем к Горькому — уже в советское время — Владимир Ильич Ленин писал: «...надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни...».

До чего же важными представляются сегодня, сейчас (быть может, как никогда важными) эти прозорливые ленинские слова для нашей нынешней литературы и искусства! Думается, впрямую они должны заботить, волновать деятелей литературы, театра, драматургии, кинематографа...

В полной гармонии с мудрым ленинским наказом прозвучал строгий и четкий по манере сценического воплощения, а в то же время торжественный и светлый по смыслу, по всему содержанию спектакль «Возрождение», созданный Абхазским государственным драматическим театром имени С. Чанба.

Именно работа — живое дело строения, воссоздания жизни, грубо нарушенной и, кажется, непоправимо сломленной войною, героический подвиг народа и партии, запечатленный в книге Леонида Ильича Брежнева,— вот что стало не просто лейтмотивом, но более того — единым масштабным и цельным образом спектакля, привезенного из Абхазии на гастроли в Москву... Главы из книги «Возрождение», ставшие основой инсценировки (пьеса Н. Мирошниченко, перевод на абхазский язык Н. Квициниа), посвящены восстановлению «Запорожстали».

Самый процесс этого восстановления — казалось бы, всего лишь прозаический тяжкий труд — дал, однако, театру прекрасную возможность поэтически возвышенно, а вместе с тем отнюдь не отходя от реального обозрения реальных трудностей, воспеть работу, самоотверженно проделанную людьми «внизу». И притом воспеть ее как явление эпохи.

— Мы и будем играть их подвиг, их дело, — лаконично сообщает нам театр в самом начале действия.

И мы видим перед собою огромную массу людей — тружеников, заполнивших все пространство сцены... Видим людей, плохо и бедно одетых. Видим людей, совсем уж плохо и бедно снаряженных — лопатами и тачками — для такого-то невиданного по своим объемам труда.

Режиссер-постановщик В. Терентьев, как и художник-постановщик А. Кривошеин смело шли на риск, делая и манеру актерского исполнения, воплощения образов и сценографию крайне сдержанными. Кажущаяся простота оформления, как и режиссуры, оказывается той необходимой спектаклю живой благородной средой, которая не только не мешает выявлению смысла массового подвига, но — реплика за репликой, шаг за шагом — выявляет и подчеркивает его.

Перед нами действительно — в этих пробитых, взорванных вражеским огнем стенах — заново идет строение советской жизни. Идет заново возрождение самой человеческой души.

Автор книги «Возрождение» (эту роль исполняет Алексей Ермолов) не только комментирует события — он органически включен в развитие событий. Будучи секретарем обкома партии, он энергично поддерживает смелые, подчас вроде бы даже вовсе не выполнимые начинания, от народа идущие и позволяющие резко сократить сроки восстановления «Запорожстали», пустить производство в ход...

На сцене почти все время видишь то, что чаще всего именуется «массовкой». Но как же интересно наблюдать за этой разноликой, строящей не только жизнь, но еще и самое себя массой людей! Это народ. Это его общая, нелегкая, но дружная, единая жизнь, где вдруг выхватываешь и вбираешь в сердце то один, то другой образ...

Запоминаются тут многие. Умный, серьезный Директор — его играет Нурбей Камкиа; лихой бригадир монтажников Тарасюк — Роман Сабуа; смелая обаятельная работница Василиса — Этери Когониа и такая же настойчивая, подвижная Алена-табельщица, сыгранная Тамарой Гамгиа...

Увы, невозможно назвать всех, кого замечаешь в этой массе, кипящей, переливающейся в непрерывном живом действии.

Есть тут, конечно, и такие, кто сомневается, спорит, противится... Дерзко, даже надменно ведет себя член государственной комиссии Смелянская — Софа Агумаа. Мягче держится, но сперва тоже не очень-то верит в смелый эксперимент, предложенный рабочими, представительница котлонадзора Голубь, сыгранная Ириной Когониа... В них и за ними — те конкретные препятствия, которые, наверное, неизбежны в каждом большом деле, каждом большом строении нового...

И вчера и сегодня — мы видим, как это новое строится в борьбе. Но строится, живет! И побеждает. А это — главное.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Сцена из спектакля «Возрождение» Фото В. Орлова

Ольга КОЖУХОВА

ПОКА НЕ ЗАБЫЛОСЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

В сорок первом году наша дивизия формировалась в Новохоперске, красивом казачьем городке, тихом, зеленом и белом, над красивой рекой Хопром. Дома в своем большинстве одноэтажные, каменные, снаружи беленые. Улицы вымощены булыжником. В городе был большой старый парк с разросшимися деревьями, дамба к реке, обсаженная тополями, с другой стороны городок уходил в гладчайшие степи, в ржаные поля. Лишь у самой окраины, над рекой, было нечто вроде покатой возвышенности, холма. Впрочем, может быть, это источенный временем скифский курган, кто знает? Назывался он Казачий бугор. Видимо, во времена казачества на нем проходили учения, сходки, занятия с винтовкой и конем.

А жили мы в доме-интернате для глухонемых, и располагался этот дом на немощеной широкой улице, уходящей вниз, довольно покато, к речному броду.

Когда спустя тридцать лет я приехала в Новохоперск, то в первую очередь почему-то спросила: а как же называется улица, на которой мы жили? На войне-то ведь не было обычных адресов, а просто: полевая почта или же воинская часть номер такая-то. И ничто нас, молодых, тогда не интересовало, кроме нас самих — а что же с нами будет? — да еще того, что происходило на фронте.

А улица, на которой мы жили в сорок первом году, была вся изогнутая, как лук, ее внутренняя сторона вся натянута, как тетива.

И называлась она Мамаева протока.

Протачивались сквозь русские земли войска Мамая, его армия на конях и повозках шла к броду, чтобы переправиться через Хопер в темноте, под огромными звездами и двигаться на Рязань, на Москву, на удельные княжества, грозя истребить их огнем и мечом.

Какое дивное название! Даже не верится, что за столькие годы и всякого рода потрясения оно уцелело. Это надо же, быть такой глушью и жить так памятливо, аккуратно, чтобы не забыть и через века, через целую вечность, как шел Мамай со своим войском к броду, нес с собой огонь для городов и посадов, смерть, насилие, разграбление и постыдный полон...

А мы на этой улице делали зарядку в одних галифе и мужских нижних рубашках. Отсюда мы шли на занятия на Казачий бугор, или в лес, за реку Хопер, или же на дивизионные военные учения, в поход, с полной выкладкой, с шинелями в скатках, с винтовками за плечами.

Здесь же назначали свидания у ворот.

Здесь же покупали арбузы и яблоки.

Именно здесь мы прожили страшное и прекрасное время — лето сорок первого года. Страшное оттого, что фашисты уже захватили большую часть страны. И прекрасное оттого, что мы были настолько молоды, что даже война, фронт, гибель наших товарищей и подруг — одно не ощущалось, другое не предчувствовалось. Мы об этом еще всерьез и не думали!

Сейчас вспоминаются эта улица, город, базар, церковь, дамба, ведущая к реке, старый парк в пожухлой сентябрьской листве, Казачий бугор. Будьте же вы благословенны, места, пережившие и Мамая и Гитлера!

* * *

В медсанбате я была комсоргом. Неосвобожденным. Работала, так сказать, по совместительству. Частенько приходилось и ходить и ездить в политотдел дивизии, знала всех, от начальника политотдела старшего батальонного комиссара Михаила Николаевича К. до какого-нибудь инструктора, который побаивался меня, сержантика, не за должность и не за звание, а за то, что я с начальством запанибрата. К. любил, например, поболтать о литературе, послушать, как я читаю стихи, свои и чужие, тихонечко приударял за мной, но так, платонически, полувоздушно. Улыбнуться, сказать комплимент, поцеловать руку — не больше.

В Мордовии, где мы доформировывались после Новохоперска, я часто ездила в политотдел, то на совещания, а то за наглядной агитацией, то на репетиции художественной самодеятельности. Чего только не придумаешь, чтобы из поселка, в котором мы живем, попасть в город! А какой там город — тротуары деревянные, дома одноэтажные. Только вокруг станции лепятся каменные, в два-три этажа. А все-таки тяга. Магазины. Кино. Много молодых командиров. Жизнь веселая, оживленная. Заседлают мне гнедка, и поехала я мимо мордовских деревень по заснеженным полям. Приедешь, оставишь коня у коновязи политотдела — и пошла по кабинетам, послушать да посмотреть, самой потрепаться.

Придешь к Васильеву. Он сложит бумаги и глядит без улыбки. Всегда рад. Даже смешно и тревожно как-то от его взгляда. Слишком серьезно он ко мне относился. Сразу же все дела забывал. Сяду напротив него через стол, а он говорит:

— К. приказал, как приедешь, чтобы сразу же шла к нему!

Хорошо,— отвечаю.

— Нет, не «хорошо», а иди!

Ничего. Подождет.

Проходит какое-то время. К., конечно, сразу узнал, что я приехала, присылает кого-нибудь. А я сижу, смотрю на Васильева, как он бледнеет, волнуется.

Иди же, ведь ждет.

— Подождет. Ничего не случится.

Мне с Васильевым интересно, потому что он всерьез, а К., сразу видно, немножечко мельтешит, лицемерит, и я это чувствую, поэтому мне приятно его унижать. Выдержав характер, захожу к К. Тот начинает разговаривать, не поднимая от бумаг взгляда:

— Где была?

— С ребятами разговаривала.— Для меня политотдельские старшие политруки и батальонные комиссары—ребята, я не очень-то придерживаюсь субординации. Из-за того, что я пишу стихи и даже печатаю их иногда, я со школьных времен ощущаю какую-то свою собственную обособленность от остальных. Все, кто знает меня и эту мою «внештатную» должность — «поэтесса», относятся ко мне не так, как к другим. Всегда доброе чувство, внимательность, уважение, я привыкла к этому и ни разу в душе не усомнилась в своем призвании, а главное, в своем праве на доброе отношение.

— Ну, садись, расскажи, как живешь.

— Ничего.

— Не очень-то обстоятельно отвечаешь начальству.

— Как умею.

И так далее. В том же духе.

Он достает из ящика стола свою фотографию, надписывает мне «на память». Я рассматриваю ее. На фото лицо выглядит гораздо старше, чем в жизни, видны все морщинки, мешки под глазами и эта особенная выпуклость глазного яблока, пучеглазость, которая обычно почти незаметна. Снят он в гимнастерке с накладными карманами, в пилотке, с ремнем через плечо.

Интересно, кем он был «на гражданке», ведь он же не кадровый военный. Но я не расспрашиваю. Когда-нибудь сам расскажет, и я

Окончание. См. «Огонек» № 49.

буду сидеть у него в кабинете, внимательно слушать, хорошо понимая, что за стеной, за дверями расхаживает по коридору, заложив руки за спину и волнуясь, Васильев. И мне будет весело, радостно подразнить его, посидеть здесь подольше.

Стыдно? Нет.

Мне даже сейчас, спустя сорок лет, все это не кажется чем-то стыдным, смешным. Давно умерли эти люди. Один от болезни, другой от осколка мины прямо в сердце, в первом бою, но если бы я даже знала, чем кончится это, если б знала, что доживу до конца войны, проживу уже после Победы еще много лет и стану рассудочной и угрюмой, все равно я играла бы, продолжала бы ими играть, ибо в этой игре была сама сущность жизни, то самое, что заставляет сердце биться сильней, что делает небо синее, а воздух свежей, что цветам придает невиданные прежде краски. Когда ты остываешь к подобной игре, жизнь становится серой и плоской.

Вместе с этой игрой, наверное, отпадают от твоей души и творческие, созидательные силы, начинается «бег на месте», пробуксовывание, которое завершается старостью и умиранием, этим общим, привычным, но грустным концом.

Дело прошлое, ни того, ни другого я не любила, хотя Васильев был помоложе К. и чем-то мне весьма симпатичен. Но я обошлась с ним очень сурово. Мы поссорились и не помирились до самой его гибели. Только гибель Васильева, его странная смерть, почти фантастическая, за мгновение до первого боя, до изготовки к бою, за секунды до самого главного дела жизни солдата, бойца, комиссара, произвела на меня такое впечатление, что я почувствовала себя виноватой перед ним, виноватой вечно, пока буду жива. Моя ничем не оправданная жестокость и эта игра сейчас переплавились в вечную память о человеке с прекрасной, большой и чистой душой. Душой, принимавшей все в жизни, как должное, как прямое, не знавшей ни подворотен, ни закоулков, любившей свет и не любившей тьму, а тем более полумрак...

Если бы этим чувством можно было бы воскресить Васильева, я бы с большой радостью его воскресила...

* * *

Был в моей жизни один прекрасный вечер, на котором все говорили что хотели, никакой официальщины. Еды было вдоволь, питья тоже, и люди пришли все самые лучшие, то есть те, кто захотел прийти.

Один сказал, что я, видимо, недовоевала на войне, что я и сейчас еще воюю. Это было сказано довольно точно. Хотя на войне я видела своих врагов в лицо, а вот с кем я сейчас воюю, я и сама не знаю. Одни только маски. Одни улыбки. Одни расшаркивания и целования ручек. А вот кто из поцеловавших ручку сделал подлость,— как это узнать?!

А еще одна милая молодая, прекрасная женщина — на войне она была партизанкой на Брянщине — высказала другую прекрасную мысль. (Я-то знаю, как она любит прихорошиться и пококетничать!) Так вот она сказала:

— До каких же пор уменьшать себе года? Эдак может оказаться, что мы и на войне не были. А мы никогда не отдадим из своих прожитых лет это страшное время — войну. Она с нами. Это мы победили. Это мы голодали. Это мы умирали. Неужели же для того, чтобы казаться моложе, я сейчас отрекусь от тех страшных, кровавых лет? Да ни за что. Пусть я буду выглядеть в глазах окружающих постарше. Но я прожила это время, я воевала, а те, кто моложе меня, они — нет...

По-моему, это тоже военное мужество — быть прекрасной и молодой, быть веселой, умелой, певучей, энергичной, тянуть весь семейный и служебный воз и признаться в своих годах. Да, а что же делать? Приходится признаваться, пока время не поставило свой автограф на твоих бровях, на висках, на улыбке...

А война-то была, была в наших судьбах. И от этого действительно никуда не денешься. Живи и смотри на окружающих с высоты своего пережитого, даже если никто за это не поклонится!

* * *

Улица моего генерала...

Почти каждый день хожу по улице Ефремова, одной из самых неблагоустроенных улиц Москвы. И всякий раз у меня возникает желание произвести некий эксперимент, расспросить у проходящих, знают ли они, в честь кого так названа улица, кто этот Ефремов... Долгое время я не решалась. Наконец, вижу молодую, очень милую женщину, судя по всему, вежливую и отзывчивую. И спрашиваю у нее:

— Скажите, пожалуйста, как называется эта улица?

Она удивленно приподнимает красивые брови:

— Малая Трубецкая.

— Нет, не эта, а вот эта, по которой вы идете.

Женщина молчит.

Какой-то шагающий позади нас маленький лысый человечек отвечает угрюмо и нехотя:

— Улица Ефремова.

Он идет очень быстро, но я его догоняю.

— Простите. Я вам благодарна за ваш ответ. Но кто такой Ефремов?

— Летчик. Убит на войне.

— А вы точно знаете? Может быть, это совсем не летчик, а командующий 33-й армией?

У меня дома в письменном столе лежит фотография, от которой мне всякий раз делается нехорошо. Вот он, молодой и красивый, с ослепительной улыбкой, с двумя орденами Красного Знамени на груди, обнимает шею прекраснейшего белого коня.

...И вот он, тяжело раненный, в окружении и не желающий попасть в плен, стреляет в себя...

Улица моего генерала. Хотя я ни разу своего генерала не видела в жизни. Просто знаю, что он был командармом 33-й, а я в 33-й армии прослужила почти четыре года.

И вот этот лысенький, сказавший, что Ефремов — летчик, убит на войне, в ответ на мое возражение оборачивается и с нескрываемым презрением, грубо говорит:

— Военная!

Что он этим хотел сказать, этот дурень? Ну, что из того, что я «ваенная»? Что я, качеством хуже, чем ты? Разве я не спасала десятки и сотни раненых, разве я хоть чем-нибудь причинила тебе неприятность, что ты с такой грубостью и с такой наглостью откликаешься на мои слова: «Ваенная!»

Да. Я этим горжусь. И никогда не променяю твою сытую сегодняшнюю жизнь на ту страшную, холодную и голодную. И на ту опасность смерти. На те морозные ночи на снегу при сорокаградусном морозе. И если ты мне за это сказал оскорбительное в твоих устах: «Ваенная»,— то я действительно военная и готова сражаться еще и сегодня с такими, как ты.

Я «ваенная», а ты, видимо, тыловая крыса, судя по выражению твоего лица и по тону. Ты из тех, кто завидует инвалидам войны, когда они берут хлеб и молоко без очереди.

Горжусь тем, что ты меня оскорбил, я эту твою ненависть воспринимаю как высшую награду.

* * *

Человек пришел домой, взволнованный, возбужденный, с журналом в руках.

— Впервые за сорок лет прочитал о боях на нашем участке фронта, даже обо мне упомянули...

Жена взяла журнал, раскрыла на той странице, на которой лежала закладка из свернутого вчетверо листка бумаги, и сказала:

— Я прочитаю это завтра, сегодня мне некогда.

А там было написано несусветное, невразумительное, непонятное человеку невоевавшему: «Между тем противник не прекращал атак».

А?!

Как скучно!..

Она положила журнал на столик вместе с закладкой. Прошел день, другой. Третий. Но и на четвертый день, и на пятый, и на шестой журнал лежал нетронутым, все с той же закладкой, на той же странице. Бумага повыцвела по краям, видимо, не заинтересовало, что в журнале упомянуто и его имя; те самые контратаки противника, которые «не прекращались», никого в семье не волнуют. Это в норме: вы были герои, прекрасно! Воевали себе — и на здоровье, а нам-то какое дело?!

Разве могут мирные люди подумать, что война — это там, где живых людей ни за что ни про что убивают? Что таким убитым мог быть и их муж и отец?! Что в тех самых проклятых контратаках, которые не прекращались, немецкие танки шли волнами, двадцать танков, потом тридцать, потом сорок — взамен сгоревшим. Артиллерия била так, как будто хотела переместить, переставить с места на место небо и землю. И тучи пыли плыли вверху, качаясь как будто бы над безвоздушным пространством. А он — умирал, засыпанный этой пылью, землей, страхом, болью, и столько же раз возрождался и воскресал, когда видел сквозь оседающую пыль, как загораются и взрываются танки противника.

Через несколько дней человек убрал журнал к себе в письменный стол, на самое дно самого нижнего ящика.

И никто не хватился, никто не вспомнил о том, что в журнале упомянуто имя отца. И что это были события, о которых люди будут вспоминать еще сотни лет.

Горячо и сердечно поздравляю трудящихся Узбекистана с большой трудовой победой и выражаю глубокую благодарность колхозникам, рабочим совхозов, механизаторам, руководителям и специалистам хозяйств, работникам партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и хозяйственных органов, учащимся и студентам, всем, кто принимал активное участие в борьбе за урожай первого года одиннадцатой пятилетки.

Л. И. БРЕЖНЕВ

УЗБЕКИСТАН: 6 000 000 ТОНН ХЛОПКА

Было трудно, было... И все же хлопкоробы Узбекистана одолели заветный рубеж!

Не только хлопковые поля называют «цехами под открытым небом». Но хлопковое поле, открытое губительным вторжениям разных напастей,— цех особый; именно здесь проявляются профессиональные готовность и умение противодействовать капризам погоды всей мощью техники, рабочей дисциплины, любви к земле.

Было — весной заладили холодные ливни. Шрапнельными залпами ударил по нежным посевам град, а потом с гор ринулись грязекаменные потоки. Не раз пришлось хлопкоробам республики «ремонтировать» пострадавшие поля, и каждый раз — в считанные дни. Исключительная забота о плантациях была проявлена и летом, когда в знойный период «саратан» вдруг повеяло прохладой, прошли прямо-таки северные дожди. И снова дел поприбавилось. Вместо двух-трех культиваций провели пять, а то и шесть-семь: рыхлили почву, подкармливали каждое растение. Каково было бы в такой год без техники: на каждом гектаре более сотни тысяч растений!..

Естественно, сроки вызревания коробочек удлинились, в душах хлопкоробов копилась тревога за сохранность урожая. Когда стало ясно, что на полях зреет почти такое же количество хлопка-сырца, как и в благоприятном году, настала самая ответственная пора: со снайперской точностью определить не только день, но и час начала ударной операции — освобождение хлопковых кустов от листьев. Поспешишь — потеряешь часть урожая; опоздаешь — погода испортит то, что уже есть!..

Пример всей республике показали хлопкоробы столичной области — авторы индустриальной технологии возделывания и уборки хлопка. Технологию так и называют — «ташкентская». Из года в год здесь особенно отличаются мастера Букинского и Галабинского районов. Ныне эти районы первыми в Узбекистане выполнили социалистические обязательства. В частности, букинцы, продолжая уборку и после рапорта о выполнении задания, продали государству на двадцать тысяч тонн сырца больше плана.

Огромный прилив сил придали ташкентским хлопкоробам теплые слова приветствия Леонида Ильича Брежнева. В приветственном письме отмечено: «Хлопкоробы области, широко внедрив комплексную механизацию, из года в год выращивают высокие урожаи хлопчатника, умело используют уборочную технику, что обеспечивает своевременную уборку и хорошее качество хлопка-сырца».

В чем же суть работы по-ташкентски? На этот вопрос первый секретарь Букинского райкома партии Тухтамурад Исламов ответил так:

— Важно создать условия для работы каждого труженика. Какие условия? Начиная с горячих завтраков и обедов в поле, бесперебойной работы техники на всей технологической линии «хлопковое поле — бункер машины — транспортный поезд — заготовительный пункт». И кончая культурным отдыхом на благоустроенном полевом стане. Человек нередко и на досуге возвращается мыслью к своему делу, живет им. С хлопкоробами из колхоза «Коммунизм» беседовали? Там уже к началу ноября были не только сплошь убраны все поля, но и более половины их вспахано под зябь, а урожайность — пятьдесят центнеров на круг! Побывайте в бригаде Марии Александровны Ковалевой из совхоза «Бука», где немало девушек-механизаторов — «турсунойчи» — юных воспитанниц школы передового опыта Турсуной Ахуновой. Они в этом году собрали сорок четыре центнера с гектара, что выше плановой урожайности почти на десять центнеров. Думаете, дело только в хорошей выучке?..

...Вместе с Марией Александровной Ковалевой и «турсунойчи» Уразгуль Букировой идем с поля к коттеджу, окруженному клумбами осенних цветов. В сторонке от него душевая, кухня. В спальне девичий порядок — кружевные занавески, взбитые подушки, коврики. В комнате отдыха шкаф с книгами. На столе свежие газеты, журналы. На тумбочке телевизор. «Профсоюзная премия»,— поясняет Мария Александровна.

Уразгуль собрала за сезон своим «голубым кораблем» около двухсот тонн. «Трудно было?» — «Очень! — не скрыла девушка.— Зато не было скучно,— оживилась она, — особенно по вечерам... С машины слезешь — земля из-под ног уходит. Но примешь душ, поужинаешь вкусно... Мы даже танцы устраивали!»

...Убранные поля. Красно-бурый цвет гузапаи — оголенных кустов. Никогда не было такого интенсивного цвета: без единого белого комочка на ветвях или в междурядье. В чем дело? Председатель колхоза «Коммунизм» Саидирахим Саймаков ответил загадочно:

— Весы во время уборки не на поле, а вот тут,— приложил он руку к груди.— Безнарядная система... Правление заранее определяет сумму затрат на возделывание хлопка на каждом гектаре. Чем выше урожайность, тем скорее погашаются расходы на технику, удобрения. Оплата труда растет!.. Окончательный итог — в конце сезона. Каждый со своего участка старается собрать как можно больше волокна. Вся семья заинтересована. И дети — помощники. Особенно важно подобрать опавшие на землю или застрявшие на кусте коробочки.

— Обычно осенью помогают и горожане?

— Мы обходимся без помощи со стороны. Хлопок весь собираем машинами,— с гордостью подчеркнул председатель.— Водители хлопкоуборочных машин знают это и работают лучше, потому что без ручного труда дешевле хлопок. И выше заработки колхозников.

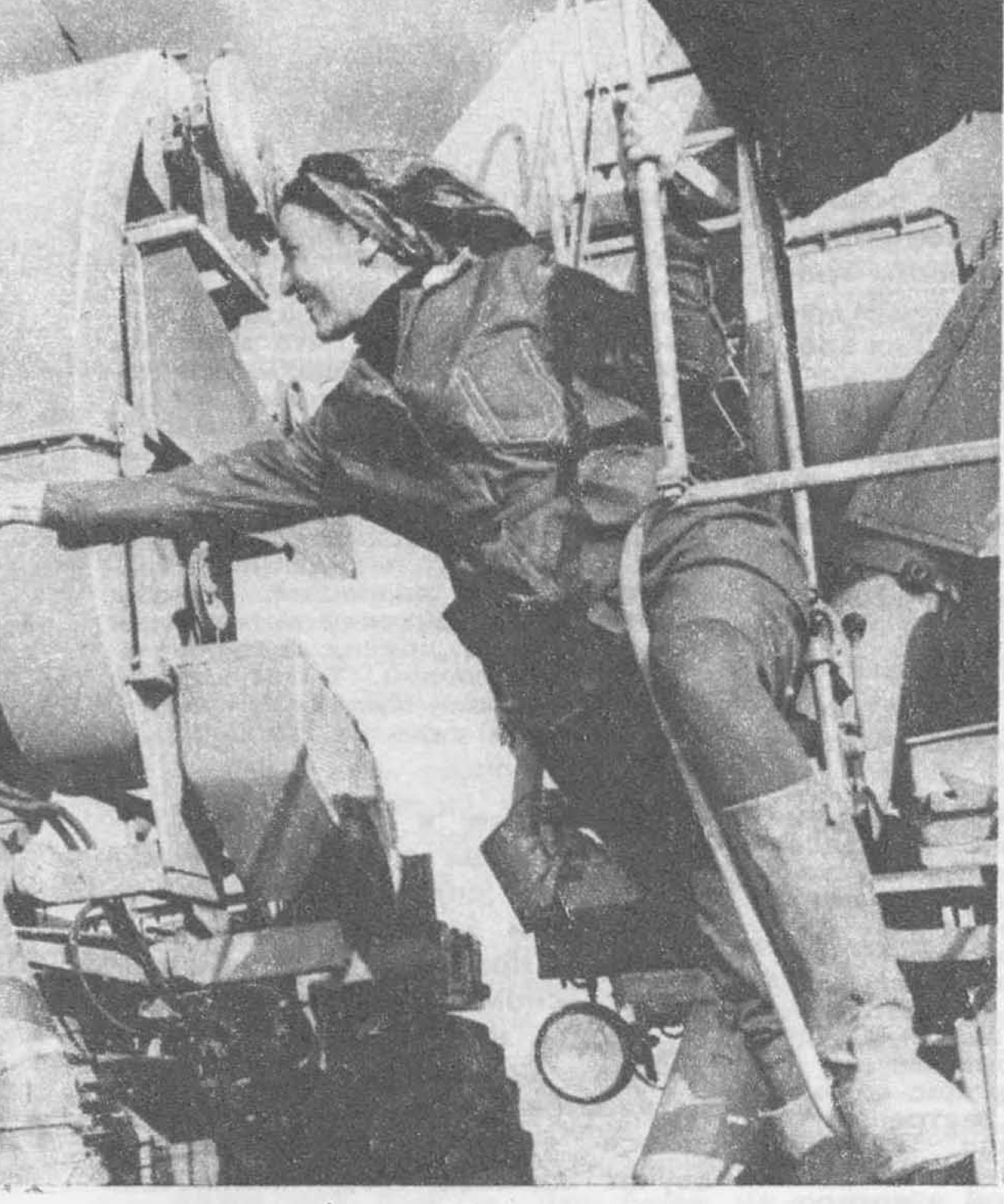
Такова основа «ташкентской технологии». В ней ключ нового успеха, открывшего путь к 6 000 000 тонн узбекского хлопка.

Вячеслав КОСТЫРЯ, фото И. ТУНКЕЛЯ, специальные корреспонденты «Огонька»

Награды победителя

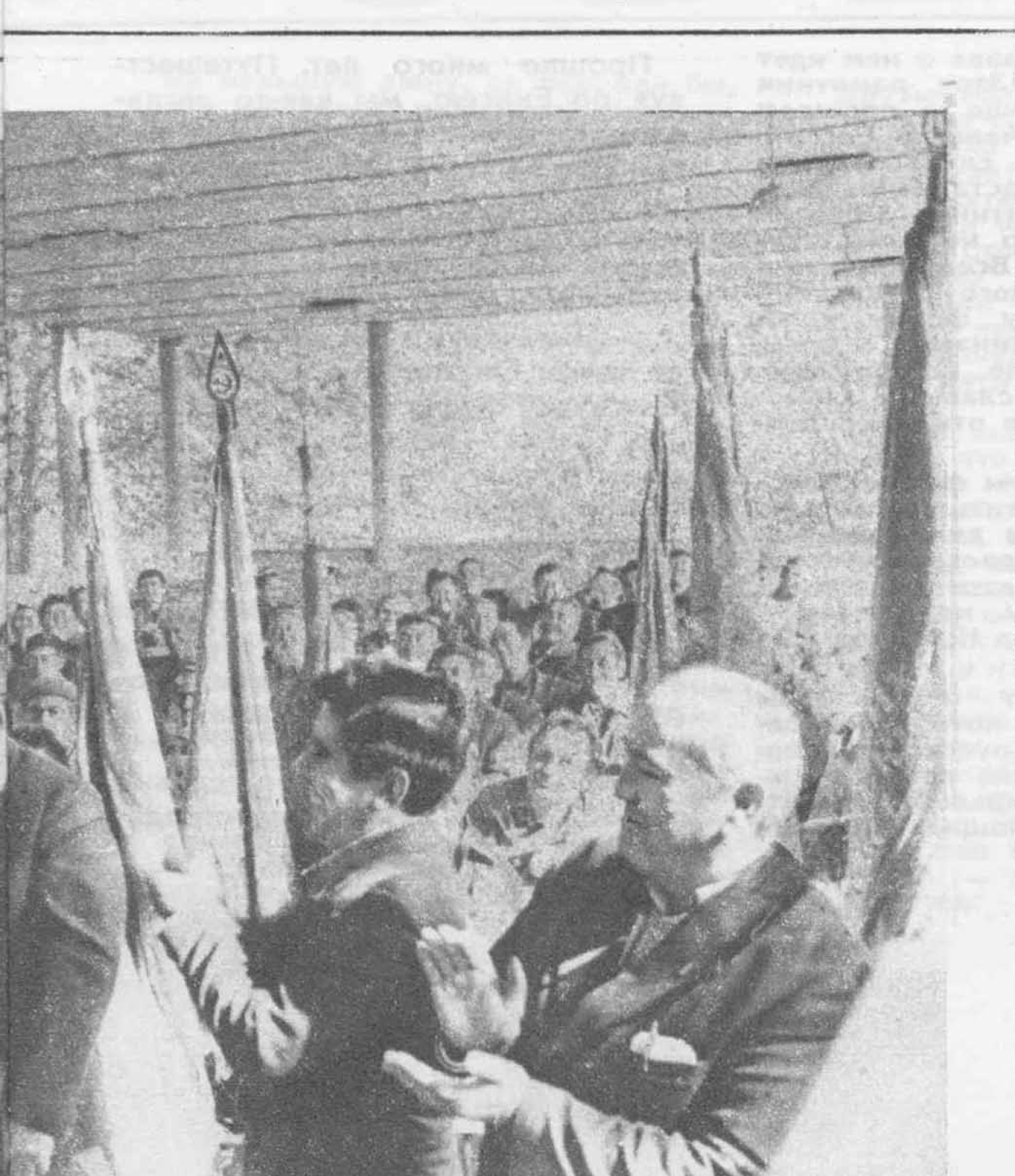

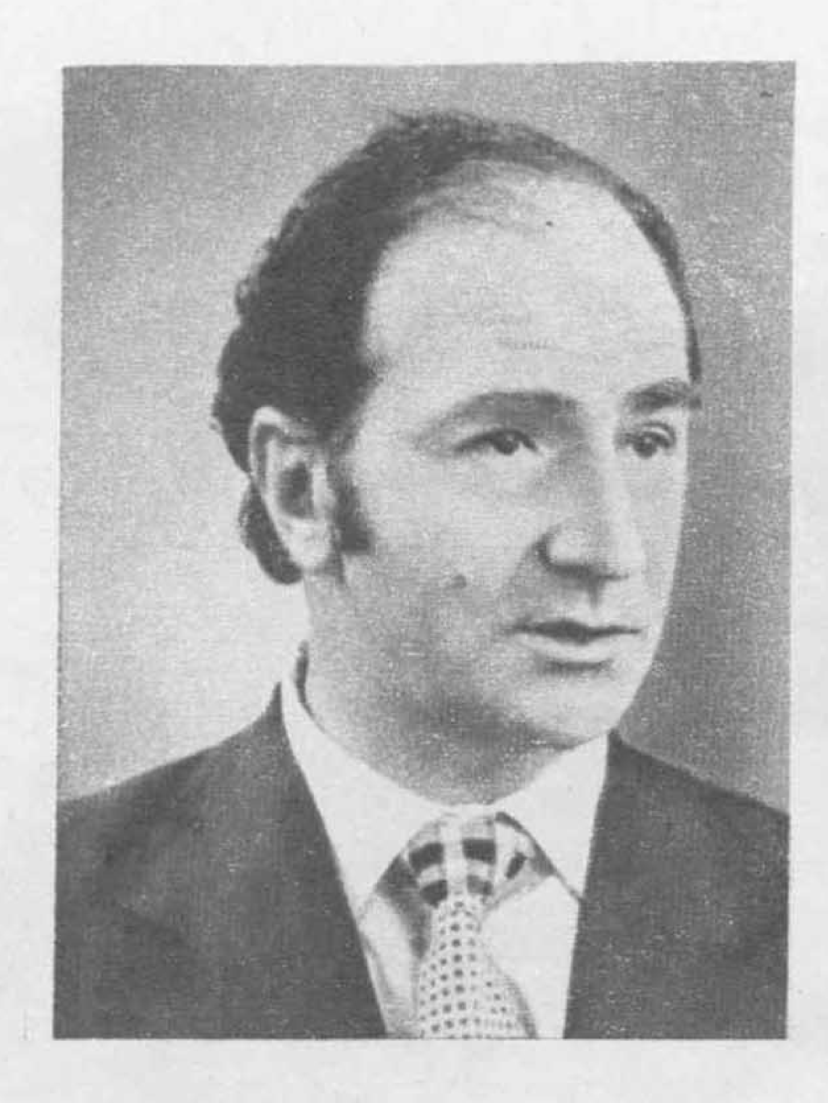
Назара Тешаева поздравляет коллегу Амана Исакова, механизатора совхоза «Бука».

Первого секретаря Букинского райкома партии Тухтамурада Исламова заботит уже пахота.

Есть в победе хлопкоробов и ее вклад — девятиклассницы Мухаббат Мусаевой.

Альбертас
ЛАУРИНЧЮКАС

Ты хочешь знать: кто я? что я?
куда я еду?
Я тот же, что и был и буду
весь мой век.
Не скот, не дерево, не раб,
но человек!..
А. Н. Радищев

Нигде не доводилось мне встречать
столько знающих себе цену людей,
как в России.
Алекс Ла Гума

ПРОСТОЙ ЧЕ

Раскинув широкие легкие крылья и гордо распушив большой пестрый хвост, кружится над дружески воркующим самоваром хитро вырезанная из дерева птица. Может, ей хотелось бы улететь подальше от пышущего жаром самовара, но она подвешена на веревочке под потолком... Немало подобных птиц повидал я на русском Севере, но такой красивой, такой элегантной и яркой встречать еще не доводилось.

— Ну то, еще по одному? — предлагает Мартын Филиппович Фатьянов, подсовывая мой опустевший стакан к кранику. Потом добавляет ароматную заварку из фарфорового чайника. Наливает и себе.

За окнами угас день. Хозяин включил свет. При электрическом освещении все краски комнаты преобразились, и только струя теплого воздуха над кипящим самоваром по-прежнему заставляла летать кругами «птицу счастья», от которой по стенам скользили легкие тени.

Я смотрел на доброе, изборожденное мелкими морщинками лицо Мартына Филипповича, на его огрубевшие от вечной работы руки, такие же выразительные, как и лицо. Руки прославили Фатьянова не только в деревне Селище, но и далеко за пределами Архангельской области.

Поделки, созданные этим народным художником из дерева и бересты, поражают своей красотой и естественностью, недаром его глухари, лебеди, тетерева странствуют по залам художественных выставок, удостоены множества медалей, почетных грамот, недаром изображения их попали в академические издания по прикладному искусству. Встречал я его работы и в Монреале, на «Экспо-67», и теперь сказал об этом мастеру.

— Труды человека, как и дети его, должны шагать дальше своих родителей,— улыбнулся он.— Вот и мои птицы далеконько разлетелись, однако я и сам в молодые годы не сидел на месте.

Мартын Филиппович достает из шкатулки свои боевые награды — солдатский Георгиевский крест и Георгиевскую медаль «За храбрость». Эти отличия получил он еще в годы первой мировой войны, когда воевал в Карпатах. После Октябрьской революции Фатьянов боролся с ее врагами здесь, на Севере. Русский Север знает не хуже, чем березовую рощу, что шумит возле его дома.

Стаканы наши снова опустели.

— Спасибо, — отказался было я.— Боюсь, пятого не осилю.

— У нас, в России, выпитых стаканов не считают,— улыбнулся он. — Пьют, пока шумит самовар да есть добрая заварка и разговор.

За окном завывал ветер. На небе ни звездочки. А в комнате было хорошо — тепло, уютно.

Мартын Филиппович повел речь о березе, без которой не мог бы, наверное, жить, а я все не сводил глаз с его рук, подчас говорящих о человеке больше, чем могут рассказать самые толстые книги. И почудилось мне, что похожи они на крепкие корни красавиц берез, повсюду растущих в России, повсюду, где только в силах уцепиться белая березка своими корнями за землю, чтобы питаться ее соками.

Вдруг хозяин умолк. Я не решался нарушить тишину, и какое-то время мы сидели молча. А ведь молчание иногда красноречивее слов. Дружелюбная воркотня самовара прекратилась, стала похожа на непрерывный шум берез за окнами. Допили...

— Пустой-то горшок завсегда громче звенит, — улыбнулся Мартын Филиппович.

Я посмотрел на часы.

— Поспешка, она жизнь сокращает, — заметив мой взгляд, сказал хозяин.

— А вы довольны своей жизнью? — спросил я и смутился, что задал такой банальный вопрос.

Глаза его прятались за толстыми поблескивающими стеклами очков, мне не удалось рассмотреть их выражения, но чувствовалось, что смотрит Мартын Филиппович не на меня, а куда-то вдаль, мимо моего плеча.

Недавно врачи вернули ему зрение. Может ли быть на старости лет большая трагедия, чем потеря зрения, когда вся жизнь отдана резьбе по дереву?

— Вы задали мне вопрос, который я мысленно все чаще и сам себе задаю. Доволен ли прожитым? Что ж, звезд с неба не хватал... Впрочем, зачем хватать-то? Пусть все светят. Я простой человек. И своей жизнью доволен, потому что знаю: наше поколение оставит детям мир краше, чем достался он нам.

Пришло время прощаться. Покидая гостеприимный фатьяновский дом, я ощущал себя богаче, чем был, переступая его порог.

Как величайшую ценность храню подаренную мне хозяином маленькую шкатулку. Художник вложил в нее частицу своего доброго сердца. Резана шкатулка из бересты, но выглядит так, словно выточена из саянского мрамора. Какой должна быть береза и какими — руки мастера, чтобы хрупкая ее кора превратилась в мраморное чудо?

Простым человеком назвал себя Мартын Филиппович. А что такое простой человек? Чем отличается он от других людей?

...В тот вечер улицы, дома и даже люди Новгорода казались мне иными, чем прежде. Я старался преодолеть свое волнение, заглушить тревогу, но не мог. Где уж тут оставаться спокойным, когда в тот вечер на сцене Новгородского театра должна была состояться премьера моей пьесы «Средняя американка»? По-литовски в известном не только у нас в республике Паневежском театре спектакль прошел хорошо. А как встретит его требовательный русский зритель, за спиной у которого — вековые театральные традиции?

Обожженные солнцем, овеянные временем и ветрами высокие красно-кирпичные стены седого Новгородского кремля. Ворота широко распахнуты. За ними — театр. Проходя через эти ворота, люди меняются. Лица становятся серьезнее, сосредоточеннее, взгляд глубже, шаг торжественнее.

После премьеры зрители вручили мне цветы. Стояла глубокая зима, а я держал в руках свежий букет ароматных роз. Разве простые люди выращивают среди зимы цветы?

...В Новгородском кремле — небольшая липовая роща. Летом тут гудят пчелы, а зимой в голых ветвях завывает ветер. Стволы лип изранены — гитлеровцы в годы оккупации города вбивали в них гвозди: расстреляют человека и тут же вбивают в дерево гвоздь. Так вели они статистику своих убийств. Рядом с рощицей красная кремлевская стена, изрешеченная пулями. Здесь происходили казни. Каждая весна устилает пространство перед стеной своим зеленым ковром, как бы прикрывая землю, впитавшую кровь. Когда идет дождь, стволы лип плачут кровавыми слезами — с ржавых гвоздей стекают вниз красные капли. Искалеченные липы делятся своей мукой с людьми, приходящими сюда поклониться памяти героев-мучеников.

Тут же, в кремле, установлен отлитый из бронзы, позеленевший от времени огромный памятник в форме колокола. Слава о нем идет далеко и широко. Этот памятник был воздвигнут еще в прошлом веке в честь тысячелетия России. Сорок виднейших скульпторов и архитекторов представили тогда свои проекты памятника. Победил никому до тех пор не известный Михаил Микешин. Всем понравился замысел молодого художника придать памятнику форму колокола. Это и напоминание о вольнолюбивом колоколе новгородского веча и символ славы и вечности. Памятник был открыт 8 сентября 1862 года.

В годы оккупации фашисты хотели было переплавить его металл, пустить на гильзы для снарядов. К кремлю была подведена узкоколейка, чтобы вывезти памятник. Однако оккупанты не успели — 20 января 1944 года Новгород был освобожден.

Колокол служит пьедесталом земному шару, на котором восседает девушка в русском национальном уборе. А по всей окружности колокола — барельеф с портретами 109 выдающихся людей России.

Обошелся памятник в пятьсот пятьдесят тысяч рублей. По тому времени — огромная сумма. Средства собирали по подписке у населения, однако император Александр II был уверен, что лишь он один имеет право решать, кто достоин быть увековеченным на барельефах. Кое-кого вычеркнул, в том числе Гоголя. Раздосадованный автор принятого проекта осмелился протестовать, написал царю письмо, и самодержец продемонстрировал невиданное «благородство» — разрешил, чтобы портрет гения русской литературы остался среди других выдающихся русских людей. Так поступил простой человек Михаил Микешин, позволивший себе не согласиться с монархом...

...В детстве я пас стадо у кулака. Однажды увидел на скамейке в его саду разрисованные тюльпанами канклес. Никогда в жизни не прикасался я еще к этому чудесному музыкальному инструменту, но уже знал, что, когда трепещут струны канклес, распахивается небо и на землю льется чудесная музыка. Когда звучат канклес, люди меняются: одни радуются, другие погружаются в раздумье, третьи утирают слезы.

Мною овладело необоримое желание взять инструмент в руки. Я прикоснулся к струне, и в моем детском воображении возник голос матери: «Люби людей и справедливость!» Тронул вторую струну. Услышал голос отца: «Люби землю и справедливость!» Тут распахнулось окно, высунулась голова хозяина, и раздался злой крик: «Канклес, видите ли, пастушонку понадобились! Этого еще не хватало!»

Осторожно, как величайшую ценность, положил я инструмент на скамейку, нежно провел пальцами по всем струнам — и попал в другой мир, где нет злых людей и никому не надо пасти чужое стадо.

Мне здорово влетело от хозяина. Всю ночь я проплакал, а утром, оставив скот на луговине возле леса, взобрался на железнодорожную насыпь, и две стальные струны — рельсы — увели меня домой. Отец удивился мне, но спокойно спросил:

— Не выдержал?

Мама обняла и заплакала.

Прошло много лет. Путешествуя по Енисею, мы как-то заглянули в охотничью избушку, сложенную из толстых бревен. Встретил нас пожилой человек, угостил молоком, хлебом и медом. На стене висели настоящие литовские канклес. Откуда?

— Недавно я побывал на могиле сына. Он погиб в Литве, сражаясь с фашистами,— рассказывал хозяин.—Местные люди всегда встречают меня душевно. Они-то и подарили эти гусли.

Я подошел, хотел было тронуть родные струны.

— Не надо! — остановил меня охотник.— Мы решили, что на них можно играть лишь дважды в году: в день рождения сына и в день, когда он погиб.

Голос хозяина дрогнул, словно струна, задетая крылом страд[illegible] ния.

ЛОВЕК

Быть может, этот сибирский охотник — простой человек? Или простым человеком был его сын, отдавший свою жизнь за освобождение моей Литвы?

...В ООН шла очередная сессия Генеральной Ассамблеи. Представители народов Земли судили колониализм. Империалисты защищались, как могли, пуская в ход ложь и демагогию. Представители африканских государств клеймили позором злодеяния империалистов в Конго. Свои слова они подкрепляли документами. Да, неоколонизаторы и их наемники вели себя в Африке так же, как фашисты не так давно действовали в Европе.

В ложе прессы я сидел рядом с московским журналистом Михаилом Харламовым.

— Вы, наверное, знаете писателя Йонаса Шимкуса? — спросил Харламов.— В свое время мы тоже сидели с ним по соседству в ложе для прессы. Это было на Нюрнбергском процессе, где судили главных военных преступников.

Возвратясь в Вильнюс, я навестил Йонаса Шимкуса и передал ему привет москвича.

— Как же, как же, — вспомнил писатель. — Там, в Нюрнберге, перед нашими глазами, как на киноленте, разворачивались страшные злодеяния нацистов. Такое ощущение было, словно сняли бинты и обнажились глубокие раны. Совесть народов мира требовала сурово покарать преступников, но судьи должны были руководствоваться законами, не признающими эмоций. Преступления палачей нужно было документально доказать. Тем, кто следил за этим долгим процессом, требовались крепкие нервы. Иногда я не в силах был ночью уснуть. Многие из нас, прошедшие все ужасы фронта, не выдерживали, бывали вынуждены прибегать но всяким успокоительным лекарствам... Поразил меня тогда железной волей Борис Полевой. Внимательно слушая и записывая процесс, ночами он работал, писал «Повесть о настоящем человеке».

Прошло несколько лет. С Балтики дул ветер, и в сторону Куршского залива через высокие дюны мел снег. Мы были в Литве на Неринге, но если бы кого-нибудь привезли сюда летом и с завязанными глазами доставили на Большую дюну, он подумал бы, что очутился в Сахаре! Недаром в годы оккупации вояки Роммеля готовились тут к будущим боям в настоящей Сахаре. По узкой дорожке через низкие сосняки Неринги шел вместе с нами человек из легенды — Алексей Петрович Маресьев, прототип литературного героя «Повести о настоящем человеке». Шел он, слегка косолапя, но, увидев его, никто бы не подумал, что этот человек на войне лишился ног. Никто не смел сказать этого и тогда, когда, поднявшись в воздух на своем истребителе, Маресьев сбивал вражеские самолеты.

Рядом с легендарным летчиком шагал ответственный секретарь Комитета ветеранов войны Советской Литвы Григорий Ужпалис. Недавно они вместе побывали в Финляндии, где принимали участие в работе конгресса Международной федерации борцов Сопротивления. Алексей Маресьев — вице-президент этой организации.

Вместе с ним и нашим гостем я только что ходил на катере по Куршскому заливу. День был безоблачным. Легкий ветерок рябил поверхность воды. Над катером кружили чайки. Воздух был так прозрачен, что мы видели противоположный, лежащий в двух десятках километров берег залива.

— Этот ваш залив напомнил мне детство на Волге и юность на Амуре,— сказал Алексей Петрович.

Сын Волги-матушки, он по комсомольской путевке отправился на Амур-батюшку строить Комсомольск. Взмах крыльев дальневосточной чайки заронил в душу паренька желание стать летчиком. По вечерам и в выходные дни он учился летать в местном аэроклубе. И вскоре поднялся над Амуром. Потом грянула война. История Маресьева общеизвестна. Он упал на захваченную фашистами землю. Раненный, девятнадцать суток не евший, добирался до линии фронта, до своих. Кто побеждает врага — силен, кто побеждает собственную слабость — могуч. Таков Алексей Маресьев. Лишившийся обеих ног, он, однако, сумел снова сесть за штурвал боевого самолета, снова участвовать в воздушных боях. Так, победив свою беду, он победил и врага.

Может быть, этот русский летчик и есть пример простого человека?

...С журналистом Владимиром Алексеевым мы ехали из Клайпеды в Каунас по дороге, вьющейся вдоль Немана.

— Непременно нужно навестить Ивана Ивановича Петушкова,— сказал Алексеев.— Узнает, что я проехал мимо — в жизни не простит! Старый моряк. Восемнадцать лет проплавал.

Мы подъехали к мосту через Неман. Граница Литвы и Калининградской области РСФСР. На том берегу — город Советск. В райкоме партии нам сказали, что первый секретарь Иван Иванович Петушков только что ушел обедать.

— Поехали к нему!— решительно заявил Владимир.— Теперь уж дороги назад нету. Теперь наверняка узнает, что мы были в Советске. Были и не повидались? Не простит! Знаешь, как моряки дружат?! А он двенадцать лет капитаном был.

Делать нечего, поехали разыскивать дом Ивана Ивановича. Открыли калитку. Навстречу нам вышел широкоплечий мужчина. В одной руке садовые ножницы, в другой — пурпурные розы.

— Владимир!

— Иван!

Друзья обнялись.

— Жена товарища родила сегодня мужичка — четыре двести. Надо поздравить. Хочу цветы в роддом передать.

Потащил нас обедать.

Еще за столом взглянул на часы:

— Ровно в два договорился встретиться с учителями. Вам торопиться некуда. Отдохните. Вернусь — покажу город.

— К пяти часам надо быть в Каунасе.

Друзья снова крепко обнялись.

— Ну что ж, до следующей встречи!

Экскурсию по городу мы совершили сами. На скверах и на газонах перед жилыми домами — всюду цвело множество роз. Около театра дети поливали цветы.

— Нравится наш город?— спросили они у нас.

Я сказал, что особенно украшают его цветы.

— У нас уже пятьдесят тысяч розовых кустов. В будущем году выполним план.

— И тут план?— удивился я.

— А как же! Сколько в городе жителей — столько должно цвести кустов!

— Кто же такое придумал?

— Иван Иванович.

— А кто он, этот Иван Иванович?— поинтересовался я.

— Наш первый секретарь!— гордо объявила девочка.— Он сам на скверах цветы сажает.

...Находясь в Ленинграде, я решил посетить могилу нашего поэта Юлюса Янониса. Вышел из автобуса в Пушкине и спросил у пожилой женщины, как пройти на кладбище.

— На какое?

— Хочу посетить могилу одного литовского поэта...

— Может быть, Юлюса Янониса?

— Откуда вы знаете?— удивился я.

— Вы же сказали, что ищете могилу литовского поэта! А у нас похоронен только один литовский поэт. Я вас провожу.

Подошли к могиле. Памятник. Тишина. Свежий тюльпан, видимо, недавно положенный у постамента.

— На этой могиле всегда цветы, — сказала женщина.

Те русские, что приносят цветы на могилу литовского поэта,— они что, тоже простые люди? А может быть, простые люди — те, кто превращает свой город в цветущий розарий?

...Это было в пору освоения целины. Мы везли посланцам Литвы, отправившимся работать и жить на казахстанской земле, приветствие комсомола республики и тридцать девять ящиков с подарками.

Кустанай встретил нас пургой. Мешалось небо с землей. На станции Карталы поезд застрял. Пришлось возвращаться в Троицк. Тут стали ждать поезда Москва — Алма-Ата.

Троицк — город маленький. Сотни пассажиров скопились на вокзале. Может ли человек сохранить спокойствие и хорошее настроение, толкаясь у железнодорожной кассы и не зная, когда придет поезд и вообще придет ли?

Начальник станции уступил свой кабинет матерям с детьми. В зале ожидания не всем хватало скамеек. Люди устраивались кто как мог. Пройти по залу было не легче, чем пробираться через бурелом. В углу, положив головы на футляр с гармонью, спали два молодых человека.

— Музыканты спят — не скоро пурга уймется,— пошутил кто-то.

— А что, есть такая примета?— спросил, протирая глаза, хозяин гармони.

И тут же раздались веселые переборы. Кое-кто поднялся. Гармониста окружили. Вот уже захлопали в такт, дрогнул пол от притопа и дробной чечетки.

В зале показался начальник станции.

— Ну, что тут происходит?— улыбнулся он.

Замотанный, уставший человек, на плечи которого неожиданно свалилась ответственность за настроение и спокойствие сотен людей, и сам вдруг ожил, притопнул, прихлопнул, люди отодвинули в сторону мешки, баулы и чемоданы.

Внезапно начальник станции остановился и объявил:

— Через час будет состав на Алма-Ату, через полтора — на Кустанай.

Гармонь заговорила еще громче, еще веселее.

...Русские, если надо, умеют терпеливо переносить беду, но радоваться тихо они не умеют. В минуту радости они готовы открывать свои сердца сразу всему миру.

Однако всегда ли?

В Вильнюс приехал известный американский журналист, лондонский корреспондент газеты Компартии США «Дейли уорлд» Уильям Помрой со своей супругой Целией — она секретарь прогрессивной женской организации Филиппин, действующей в эмиграции. В годы второй мировой войны Помрой был солдатом армии США, сражавшейся на Филиппинах с японцами, Целия — активной участницей филиппинского сопротивления японским оккупантам. Они полюбили друг друга, поженились. В Америку Помрой не вернулся. Молодые люди продолжали борьбу за освобождение и социальный прогресс народа Филиппин. Их арестовали, мужа и жену. Они были приговорены к смертной казни. Впоследствии смертный приговор был заменен пожизненным заключением. Уильяма и Целию объединяла общая идея, но разделяли толстые тюремные стены. Через одиннадцать лет их освободили и выслали с Филиппин. Они встретились в Англии. Там теперь и живут.

В поездке по Литве их сопровождал московский журналист Александр Филиппович Малов, сражавшийся с фашистскими оккупантами на литовской земле. В Каунасе мы посетили военное кладбище. Александр Филиппович в задумчивости переходил от могилы к могиле. Возле одного памятника он скорбно склонил голову. Бывший солдат нашел своего боевого друга. Он молчал. И казалось, что вместе с ним замолкло все кладбище и весь мир.

На следующий день, прощаясь с гостями на вильнюсском вокзале, я спросил, что им больше всего запомнилось в нашей республике. «Тишина на военном кладбище в Капсукасе»,— ответил Помрой.

Можно ли того, кто понимает глубочайший смысл этой тишины, именовать простым человеком?

...Однажды в Нью-Йорке меня пригласил редактор издающейся в этом городе на русском языке газеты «Русский голос» Виктор Александрович Яхонтов — бывший генерал царской армии. Эмигрировав на Запад, он со временем стал другом Страны Советов.

Старый военный человек выглядел подтянутым и бодрым.

— Прежде всего договоримся: пожалуйста, не обращайтесь ко мне «мистер». Я товарищ, — сказал хозяин, усаживая меня в старинное кожаное кресло.

Его комната представляла собой настоящий музей русского искусства и работ народных мастеров.

— Сувениры напоминают Родину, которая все больше влечет меня...

Заметив, что я посматриваю на горящий золотом тульский самовар, он улыбнулся:

— Подарок москвичей. Без подарка они не отпустят!

Через несколько лет я встретил Виктора Александровича в Москве. По обыкновению подтянутый, до скрупулезности аккуратный, он искренне радовался возвращению на Родину. Еще через несколько лет я узнал, что Яхонтов умер в Ленинграде на девяностом году жизни.

Может ли быть простым человеком тот, у кого есть Родина?

...Шахматы изобрели индийцы, однако сегодня многие в мире склонны считать их русской национальной игрой.

Когда выбирали место для шахматного матча на звание чемпио-

на мира между Робертом Фишером и Анатолием Карповым, свои услуги предложили Филиппины. В ту пору мне как раз довелось посетить эту страну. Естественно, что на Филиппинах все говорили тогда о шахматах, в том числе и сам президент Фердинанд Маркос и его супруга Имельда.

— Русским гораздо легче, чем другим, добиться звания чемпиона мира,— убежденно сказала Имельда Маркос.

— Это почему же? — спросил я.

— В вашей стране женщины даже в родильных домах играют в шахматы.

Такой факт был мне неизвестен, поэтому я не мог ни подтвердить, ни оспорить его. Однако действительно у нас в Советском Союзе в любом поезде дальнего следования пассажиры по первому требованию могут получить шахматную доску. А в парках и на бульварах Москвы даже в холодные зимние дни можно увидеть молодых и пожилых людей — в валенках и шубах толпятся они у скамеек, где раскрыты шахматные доски. Жар поединков крепче мороза!

...Как-то раз после войны, проведя каникулы на Кавказе, я возвращался в родной город Шяуляй и проездом впервые попал в Москву. Меня восхитило метро. Потом надо было ехать трамваем. Едва я вошел, как одна пожилая женщина поманила меня рукой и сказала:

— Садись, сынок!

— Спасибо,— ответил я.— Постою.

— Да садись же!— теперь уже громко повторила она.

— Почему, собственно, я должен занимать ваше место?— не сдавался я.

— Садитесь, садитесь!— вмешалось сразу несколько пассажиров, и я волей-неволей вынужден был сесть.

Очень неловко себя чувствовал — сижу, а женщина, да еще старше меня, стоит. Но возражать не решился. Молча смотрел себе под ноги и не мог сообразить, почему так получилось. И тут вспомнил о палке, которую вез с Кавказа как сувенир. Вот что меня подвело!

— Нет, не хочу я сидеть! Это ваше место!— вскочил я.

— Какой же вы упрямый!— Положив руку на плечо, женщина усадила меня обратно.

Я сидел красный и не знал, как быть. Казалось, все пассажиры смотрят на меня. Тут в голову пришла спасительная идея. Как только трамвай остановился, я встал и, опираясь на палку, выскочил из вагона, хотя мне и надо было ехать дальше. Когда трамвай тронулся, я не знал, куда эту палку деть.

...В окрестностях Москвы, около Химок, есть монумент в память о защитниках столицы — огромные противотанковые ежи. На этом месте были остановлены прорвавшиеся к городу фашистские танки.

В одном из приказов Гитлера по армии, наступавшей на Москву, говорилось, что город должен быть окружен так, чтобы ни один солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не смог его покинуть. Любые попытки прорвать окружение должны пресекаться силой. Все готово для того, чтобы Москву и ее окрестности с помощью гигантских устройств затопить водой. Там, где сегодня стоит Москва, возникнет огромное море, которое на все времена скроет от цивилизованного мира столицу русского народа.

Об этих чудовищных замыслах маньяка напоминают теперь только огромные бетонные противотанковые ежи у Химок.

Нет, не всем открывают москвичи свои сердца и ворота своего города. Наглых завоевателей они крепко наказывают!

...Европа должна быть благодарна русским людям за то, что они грудью своей сдержали натиск орд Чингисхана, преградили путь всадникам Тамерлана, разбили полчища Гитлера. С востока, юга и запада приходили на русские земли жадные захватчики. Немецкие псы-рыцари приняли ледовое крещение на Чудском озере. Шведы дошли до Полтавы. Чем закончились эти походы — известно каждому.

Может ли быть простым человеком тот, кто любит свою Родину и защищает ее, не щадя жизни?

...Писать о человеке в век атома и кибернетики нелегко. В детстве, шагая по деревенским дорогам, я видел лишь пахаря, бредущего за впряженной в плуг, а то и соху лошаденкой, слышал его понукания. Теперь в полях встречаются лишь трактора, далеко разносится тарахтение моторов, а тракторист сидит себе в кабине. Раньше возле строящегося дома суетились козоносы, на спине они тащили вверх кирпичи. Теперь мощная рука крана поднимает и переносит привезенные на стройку с завода огромные бетонные блоки.

В детстве нашим соседом был извозчик. До сих пор я помню его синие глаза и длинные пшеничные усы. Теперь, летя самолетом, я не вижу лиц тех, кто ведет лайнер. И по-настоящему познакомиться с людьми труднее, чем прежде, потому что телефон, телеграф, радио и телевидение приближают лишь звуки, краски, облик человека, но не его самого. Однако у советских людей есть такие черты, которые не приглушить никакой цивилизацией. Это их искренность и коллективизм.

В нашей стране не успел поезд проехать и первый семафор, а пассажиры, волею случая очутившиеся в одном купе, уже смотрят друг на друга, как на добрых старых знакомых, и уж настоящее знакомство начинается тогда, когда проводница приносит чай. За время дороги тебе становится близка и ясна не только жизнь самого попутчика, но и портреты его внуков, тестя, зятьев обрисовываются так точно, что кажется — с детства ты с ними знаком, хотя никогда и в глаза не видывал.

Приходишь в гости к другу. Предположить, когда уйдешь, нелегко. А когда наконец ты расстроился с хозяином, то он обязательно проводит до калитки или, если дело происходит в городе, вызовет лифт, захлопнет за тобой дверь...

Неужели такое гостеприимство — свойство простого человека?

...Долго и упорно искал я в Советском Союзе простых людей. Не нашел. У каждого человека лишь ему одному присущие взгляд, голос, походка. Жизнь каждого — никогда не повторяющаяся история мира. Человек не песчинка, из которых ветер наносит дюны, не капля воды, из которых складывается океан. Его внутренний мир несравненно сложнее, чем все галактики, собранные вместе.

И снова вспомнились слова резчика по дереву, художника Мартына Филипповича Фатьянова: «Я простой человек».

Может ли быть простым человеком тот, чья поэтическая мысль превращает сосновый брусок в фантастическую птицу, высоко возносящую на своих крыльях человеческую мысль?

Может ли быть простым человеком тот, кто сам себя считает таковым?

Вильнюс.

ВО ИМЯ МИРА

Немало времени прошло со дня открытия XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза, но ощущение озарения, подъема, грандиозности увиденных и глубоко прочувствованных мною событий не покидает душу. Никогда не забуду состояние радости и гордости, которое испытал в солнечное утро 23 февраля 1981 года, когда вместе с делегатами и гостями съезда шел по гулкой брусчатке Красной площади — главной площади нашей великой Родины. Помню, как хрустальной трелью рассыпался звон курантов и часы на Спасской башне пробили девять... Вскоре миновали вход, взгляду открылась древняя и вечно юная панорама Кремля. Рядом я видел ликующие лица представителей многонациональной семьи моей Отчизны — сынов и дочерей наших республик.

Трудно передать словами то ощущение счастья, которое наполняло мое сердце, когда я занял свое гостевое место во втором ряду партера Кремлевского Дворца съездов, что помогло мне рисовать с натуры многие эпизоды работы форума, портреты выступавших делегатов... Торжественная тишина ожидания на миг охватила огромный, поистине необъятный зал... И вдруг гром оваций сотряс дворец, когда все в едином порыве встали, чтобы приветствовать появление в Президиуме съезда членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Леонидом Ильичом Брежневым и гостей съезда.

Помню состояние, которое я испытал, слушая замечательное выступление верного продолжателя дела Ленина товарища Л. И. Брежнева. Будто широкие горизонты открылись всем. Перед каждым из советских людей встала конкретная, ясно очерченная задача. И я как художник ясно ощутил поставленную перед нами, представителями искусства, высокую цель — «Жить интересами народа, делить с ним радость и горе, утверждать правду жизни, наши гуманистические идеалы, быть активным участником коммунистического строительства...».

Прослушав доклад и на другой день тщательно перечитав его в газете, я нашел в нем цитату, которая как бы озарила передо мною тему, сюжет моей будущей картины. Вот эти мудрые, человечные слова: «...Нет сейчас ни для одного народа вопроса более существенного, более важного, чем сохранение мира, чем обеспечение первейшего права каждого человека — права на жизнь».

Еще раз повторю: эти слова глубоко проникли мне в душу, и все дни съезда я искал мгновения, которое как можно более выпукло, ярко подтвердило бы эту тему — тему созидания во имя мира. Задача была сложной, потому что каждый из дней работы съезда был поистине сама история, и я с какой-то особой силой и ясностью чувствовал, что являюсь свидетелем событий незабываемых.

Все дни съезда я рисовал с натуры, делал наброски, и наконец настал момент, который помог мне решить композицию картины.

На одном из заседаний съезда я стал свидетелем мгновения, которое дало мне лейтмотив будущего полотна — тему братства, мира, дружбы между народами земли.

Леонид Ильич Брежнев, проходя на свое место в президиуме, остановился и горячо приветствовал иностранных гостей. Они отвечали аплодисментами. Потом Брежнев подошел к Фиделю Кастро, дружески обнял его и крепко пожал ему руку. Их окружали члены Политбюро ЦК КПСС, руководители братских компартий социалистических стран, гости съезда... Овации зала долго не умолкали, все в едином порыве радушно приветствовали это символическое рукопожатие.

Это была страница истории восьмидесятых годов нашего бурного, насыщенного событиями XX века, века, когда миллионы и миллионы людей поднялись на борьбу за свою свободу, независимость и прогресс. Эти силы составляют могучий союз, способный остановить агрессивные планы империализма, спасти мир от атомного пожара, от угрозы гибели рода людского...

Я — коммунист, профессия — художник, живописец. Творческое кредо — принадлежать своей эпохе, поре созидания светлого грядущего. Более полувека отдаю все свои помыслы, все силы, чтобы стараться полнее, ярче отразить в своих полотнах неповторимое время, в котором живу, запечатлеть замечательные образы современников — строителей, зодчих коммунистического завтра — и те эпические события, свидетелем которых мне посчастливилось стать. Долго, упорно я работал над картиной. И главным творческим импульсом для создания этого полотна была та незабываемая атмосфера подъема, энтузиазма, уверенности в своих силах, которая царила на XXVI съезде ленинской Коммунистической партии Советского Союза, то могучее единство народа и партии, которое мы чувствуем всегда со дня создания нашего государства, невзирая ни на какие трудности и невзгоды. Эта великая вера в светлое завтра нашей Родины, в победу мирной политики Советского Союза, в созидание климата дружбы и сотрудничества между странами, мира без угрозы тотальной катастрофы ядерной бойни и вдохновила меня на создание картины «Созидание во имя мира».

Дмитрий НАЛБАНДЯН,
Герой Социалистического Труда

В эти дни в Государственной Третьяковской галерее развернута юбилейная выставка работ народного художника СССР, лауреата Государственных премий, академика живописи Дмитрия Аркадьевича Налбандяна, где представлено более пятисот работ, созданных за полувековой творческий путь этого замечательного мастера советского изобразительного искусства.

Д. Налбандян. Род. 1906. ПОРТРЕТ ЗНАТНОГО РАБОЧЕГО ЗАВОДА им. ЛИХАЧЕВА ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВА. 1966.

Д. Налбандян. СОЗИДАНИЕ ВО ИМЯ МИРА. XXVI СЪЕЗД ПАРТИИ. 1981.

XXVI
СЪЕЗД
КПСС

Д. Налбандян.
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1934.

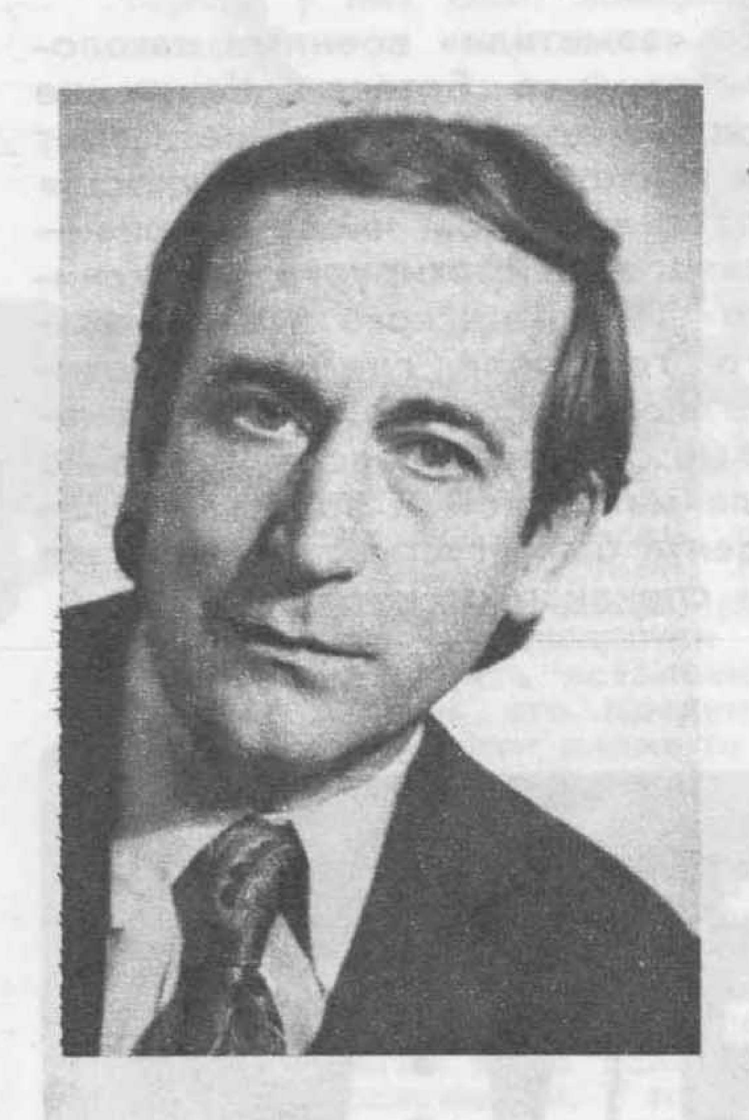
Поэзия имеет счастливое свойство родственно сближать людей. Поэма известного болгарского поэта Лучезара Еленкова вызвала во мне по прочтении многие чувства. Детство мое послевоенное прошло под Наро-Фоминском, там, где погиб герой поэмы Огнян Михайлов. Несколько моих товарищей подорвались на минах: эхо жестокой войны. Отец мой двадцатипятилетним сержантом сражался с фашистами на этом же направлении. Они с Огняном могли встречаться.

С понятным волнением работал я над переводом поэмы в канун всенародного празднования сороколетия Победы под Москвой.

А. ПАРПАРА

ПОЭМА ОБ ОГНЯНЕ МИХАЙЛОВЕ

Лучезар ЕЛЕНКОВ

ПРОЛОГ

Сейчас я думаю о тебе. Позади сентябрь 1923 года. Кнежа, город твоего детства, эмигрантский путь твоего отца. И проходит предо мною твоя жизнь. Родился в 1921-м. Болгария. Поэт. Студент. Доброволец. Защитник Москвы. И маленький памятник под Наро-Фоминском. Ноябрь 1941 года...

Ты идешь в шеренге первой,
и сержантские погоны,
словно бабочки, взлетают
при ударе барабана.
Солнце вздрагивает в окнах.
И в Москве еще так рано.
Бесконечно вытекают
батальоны,
батальоны...
Музыка тех лет и эхо
той войны, что нет
страшней,
в памяти земли остались,
в цепкой памяти ветвей.
В тишине над блиндажами
повернулись резко звезды.
И от касок отскочили
огоньки ночные косо —
так распарывают долгий
мрак ночной зеницы
кошки...
Вот гармоника вздохнула
о своем житье непросто...
Смерть опять перешагнули
и затопали в бессмертье,
чтобы горе уничтожить,
жизни ласковые дети.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Идем втроем по улице Горького. Два парня и одна девушка. Огнян, Галина и я. Галина придумана мною. Она может быть и Наташей, и Олей, и Светланой... И пусть ей будет двадцать лет. Среди шума троллейбусов Огнян ей шепчет свое новое стихотворение:

Там, где родился, снег идет
пушистый,
и солнце — золото на синеве.
Иду на юг. И на сердце так чисто
при мысли о неведомой стране.
Там лентами серебряными реки
разрезали все годы-времена.
Там песни, что близки уже навеки,
мне напевает долгая волна.

Иду на юг. Настойчивей, заметней
для слуха моего знакомый звон.
Но вот и море. Падает последний
поток живой в бескрайний синий
сон.

А море наклоняется печально
и лижет берег. Я за ним слежу...
Иду на юг. И слышу — наковальня.
И храп коней. Я в Кнежу прихожу.

МОНОЛОГ ГАЛИНЫ

Ты открываешь двери в тишине
и времени стираешь след.
Опять ко мне приходишь ты
во сне
сквозь столько горьких лет.
Любимый, мина тяжко стонет...
Какой-то страшный, как кошмары,
зов,
захлебываясь, тонет
страдающая моя любовь.
Жизнь движется земная
по спирали.
Пчела приносит мед,
ей радостно на воле.
Но остаешься ты в неволе,
где прервали
мою любовь,—
в том страшном поле
средь ржавых касок, гильз
лежишь в печали...
Я сна боюсь.
Меня бросает в дрожь,
я верить начинаю,
что ночами
стучишь ты в дверь —
на улицу зовешь.

МОНОЛОГ ОГНЯНА

Огонь раздую. В снежной яме
тленной
шаги оставлю. Перейду ночной
хребет.
Как много чувств!
Жду мысли сокровенной.
Расплавит время все,
когда пойду к тебе.
Дорогу я найду. Любовь ведет
меня.

Боль — это радость.
Облако, как лебедь,
в Москве раскрывший крылья
в чистом небе.
Зовет меня к себе,
зовет к себе, маня...

От Наро-Фоминска, как письма,
летит осенняя листва.
Будут звонить, как будильник,
в ладонях мои слова:
«Добрый вечер, Галя!
Добрый вечер, птицы, друзья
и города.
Кто меня возвращает к жизни
от гибели поутру?
Я с вами, улицы знакомые.
Звоните, телефонные провода.
Завтра я к вам, дорогие,
с залеченной раной приду.
Я видел ту грань, с которой
вновь зарождается вечность.
Я знаю, как в снах ледяных
навечно стихает пульс.
И неба кусочек вздрагивает,
будто бы змей бумажный,
привязанный к ветвям усталым,
которых уже не найти.
Почему твои руки влажные?
Почему, как циклоп,
на меня уставилась мина
стальным своим глазом
из далека протяжного...»

МОНОЛОГ АВТОРА

Самый значительный день.
Мина пищит сквозь него,
как флейта.
Смерть в невидимой одежде
неужели так придавила?
Возвращайся в Москву.
Я тебя на вокзале встречу,
и за встречу в буфете мы выпьем.
Вечно, сержант, мы с тобой
в надежде.
Ночь далека, миг от людей
далекий,
память, окопы, сражение —
лег вместо снега тот миг
на дома,
на небо,
на площади.

Поэт двадцатилетний, свою
шинель набрось
и в сумерках со мной
пройдись по этой улице
холодной,
дымящейся, как русская чайная.
О первой девушке, что тебе
приглянется,
мы сочиним стих озорной.
Но ты вдруг замолчишь. И я
замолчу,
чем развлекать не зная...
Ты спросишь небеспричинно:
живет ли Галина еще
на улице Неглинной...

МОНОЛОГ ФАШИСТСКОЙ МИНЫ

Замыкаю круг жестокий,
перед смертью все равны:
и студенты, и крестьяне,
и солдаты, и поэты...
Я в Огняна попадаю,
попадаю в цвет весны
жизни юной,
тишиною он прикроется.
Эй, ты!
Я ни в чем не виновата.
Будет жить он средь берез...
Что я значу в столкновенье
пороха, людей и дыма?
Лишь ожог, который с криком
по тебе уже прополз.
Да еще смертельный стон
матери твоей любимой.

КРАСНЫЕ СВЕЧИ

Первая строфа, которую я прочитала в сборнике Тамары Пономаревой, оказалась из тех, что захватывают, как говорится, сразу и навсегда.

Не зажигаю я красные свечи.
Видно, закончились красные дни.
Радости нежные, тихие речи,
Неосторожных порывов огни.

Экзотика Сибири и человеческая грусть, сумрак будней и радость праздников, аллегорическое осмысление в своей судьбе счастья и горя — и все это блещет оригинальным поэтическим решением:

Сад заколдован, мудр
и тайн хранит
Такое множество, что ходят
здесь с опаской
Все нищие, пришедшие
за сказкой,
А сказки нет: один костер горит.
. . . .
Не гневайся. Ведь я пришла
в твой сад,
Чтоб разбудить все то,
что в нем уснуло.
Его прохлада многих обманула,
Редчайшая, быть может,
из прохлад.
Ведь жриц так много было
у костра
Блистательного, а навек осталось
Лишь пламя, у которого
плясалось
Всем тем, кого забыли мы вчера.

Костер... огонь... пламя... — это лейтмотив обостренно музыкальных стихотворений, вошедших в сборник «Олень — золотые рога». Созданное человеком тепло плавит лед на любых перепутьях и помогает цвести калине, рябине, черемухе, так кратко и броско зарисованным поэтессой в самых задушевных стихотворениях.

Тамаре Пономаревой свойственно восхождение к фольклору — это особенно касается стихотворений о беззаботной юности и счастливой любви: «Сватовство», «Коромысло давит плечи», «Еле ноги ношу, еле песни пою», «Не клонись, ковыль, печально», «А я говорю: пускай сгорят» и др.

Произведения же о пережитом времени, то есть стихи-итоги, отличаются простой и вместе с тем изящной формой, лаконичным прозрачным содержанием, в них часты философские размышления: «Я в воскресенье не воскресаю», «Просишь стихов? Их во мне не убудет», «Неподотчетна сердцем никому», «О разум, как огонь, сжигаешь обветшалость!», «Человек и природа... Слова эти стали привычны», «Вот и все... Отболела душа», «И в час, когда кончается любовь», «Ты — боль моя: тебя я не задену» и некоторые другие.

Сборник стихов Тамары Пономаревой — книжка о русской жизни. Поэтесса как бы: вводит читателя в древнерусский терем, где он видит пленительную славянку, которой «корона идет и расшитые шелком наряды». Она «настояла бруснику на чае и калиной украсила дом», приготовила на ужин «молоко томленое в глиняном горшке», а под вечер, накинув на плечи расписной, как закат, полушалок, спела гостю одну из драгоценных своей народностью песен — о белом и красном гребнях.

Н. СЫСОЕВА

Тамара Пономарева. Олень — золотые рога. М., «Молодая гвардия», 1980, 62 стр.

Сергей ЛОСЕВ, Виталий ПЕТРУСЕНКО

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА:

РОЗЫСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Разворот самого Хьюмса на 180 градусов был своеобразным сигналом о том, что его заставили поступиться «научным подходом». Этот ответ словно предупреждал Даллеса, что рана на голове содержит немало такой информации, которая, получи о ней полные данные судебно-медицинские эксперты, превратится в «заряженное ружье». Именно так расценил «автодорожный» маневр Хьюмса изучавший его многие годы Лифтон. Независимый расследователь задается вопросом: либо Хьюмс не очень искусно лгал, либо же он искусно давал понять, что получил уже деформированный кем-то труп и что это наложило отпечаток на его действия? Именно оттого, что его раздирали противоречия, шел Хьюмс на свои уловки, считает Лифтон.

В показаниях перед самим председателем Комиссии — Эрлом Уорреном и сидевшим с ним рядом Арленом Спектром — юрисконсультом Комиссии, восходящей звездой американской юриспруденции, будущим прокурором Филадельфии и ныне членом сената США, Хьюмс перемежал речь житейскими оборотами и медицинской терминологией на латыни. Так, когда он, по его словам, приступил к осмотру черепа, то от его прикосновения «из затылка посыпались осколки костей»[1]. Когда же он обследовал мозг, то обнаружил (и здесь он пустил в ход латынь) «ряд стреловидных разрывов», «узкие длинные линейные повреждения». Эти очень аккуратные разрезы проходили из правого в левое полушарие мозга, которое, кстати, по официальным данным, не было повреждено.

Лифтон засел за учебники анатомии, за книги по нейрохирургии и понял, что именно хотел сказать Хьюмс. Такого рода повреждения не могли быть причинены пулей, тут работал скальпель хирурга. Лифтон проверил свою гипотезу у нескольких врачей. Познакомившись с показаниями Хьюмса, они в один голос заявили, что он вел речь о хирургическом рассечении мозга.

С какой целью, задается вопросом Лифтон. Либо вынуть пулю, либо вынуть пули, либо уничтожить пулевой канал или пулевые каналы. Лифтон — журналист, инженер-электронщик, честный человек, мечтатель. Он не боится упреков в том, что у него нет фактов, кроме случайно оброненных или сознательно высказанных Хьюмсом слов об аккуратно произведенных им разрезах в обоих полушариях мозга. Он не боится гипотез, не боится признать в своей книге, что у него их было довольно много, если говорить не об общей инфраструктуре заговора, а о частностях второго заговора-сговора.

Интересно и другое. Эксперт судебной медицины С. Вехт, которого мы цитировали выше, в той же статье в журнале «Модерн медисин» сообщал следующее. Оказывается, две недели спустя после вскрытия трупа Кеннеди тройка военных патологоанатомов — Хьюмс, Босуэлл и Финк — исследовала вновь тогда еще не похищенный злоумышленниками мозг Кеннеди, а также сделанные 22 ноября во время вскрытия срезы мозговой ткани для микроскопического анализа. Кроме них, этого всего никто уже больше (по крайней мере среди независимых судебно-медицинских экспертов и патологоанатомов) не мог видеть по причине похищения мозга.

Вехт в статье критиковал трех патологоанатомов за то, что они не произвели «параллельных разрезов через каждые два сантиметра от одного края мозга к другому, ибо только такое исследование могло выявить пулевой канал или пулевые каналы».

В частности, этим способом можно было выяснить и суть «темного серо-коричневого объекта размером 1,25 см $\times$ 2,89 см, видимого на цветном снимке мозга Кеннеди». Вехт критикует военных патологоанатомов и Комиссию Уоррена за невключение в протокол о вскрытии и доклад Комиссии упоминания об этом загадочном «объекте», который, по его словам, мог быть «и осколком пули, и мозговой опухолью, и неправильным сосудистым образованием».

Думается, что и без комментариев наших уважаемых московских медиков, читавших внимательно нашу рукопись, вскрылись корни кардинально разных констатаций Лифтона и Вехта о наличии секретных разрезов в мозге и о непонятном отсутствии их там.

Читатель помнит, как Лифтон остроумно интерпретировал описание Хьюмсом «поведения» пули в голове 35-го президента Соединенных Штатов Америки. На перекрестке площадью в несколько квадратных сантиметров она развернулась на 180 градусов. Вот пулю отлили! Ее можно сравнить разве только с отлитой волшебными специалистами первой пулей, которая сделала поворот не на 180 градусов, а примерно на 90 градусов, если интерпретировать диаграмму, составленную С. Вехтом, и, свернув от горла президента, шарахнула Коннэли в правую часть спины.

Шутка шуткой, а как же выбирался Лифтон из дремучего леса фальсификаций? Перед ним было заявление далласского нейрохирурга Кемпа Кларка: **«Снаряд вошел в голову и вышел сзади головы, оставив наружную рваную рану и вызвав потерю мозговой ткани. Я полагаю, это была тангенциальная, а не выходная рана».**

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН. Что такое тангенциальная (касательная) рана? Это такая рана, при которой входное и выходное отверстия находятся очень близко друг к другу по окружности и ранящий снаряд как бы вырывает участок костной ткани и вещества мозга, образуя рану обширную, зияющую, ужасную.

Ни Хьюмс, ни Босуэлл, ни «имевший большой опыт по изучению пулевых ран» подполковник Финк, ни эксперты Комиссии Уоррена не пожелали принять во внимание характеристику раны в затылочно-теменной и височной области, которую дал нейрохирург Кларк. Оставим это на их совести и последуем дальше.

Кларк, как, кстати, все без исключения его далласские коллеги, не заметил входной раны «поверх и вправо от наружного затылочного бугра». **Они недвусмысленно дают понять, что ее там не было.**

Ее «заметили» военные патологоанатомы в Бетесде. Какое же официальное объяснение дают они и иже с ними «близорукости» далласцев, в том числе Кларка — **главного нейрохирурга** знаменитого Парклэндского мемориального госпиталя, где за нейрохирургическую операцию платят немалые деньги? Объяснение: ранка была маленькой, а волосы у президента были густые, и к тому же они спеклись от крови.

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН. Можно просмотреть небольшую рану (входное пулевое отверстие), если она покрыта сгустком крови. Но в таких случаях врачи пользуются очень простыми приемами: снимают сгусток крови тампоном, смывают перекисью водорода или водой. В этом вопросе нет никаких проблем. Зачем же тогда ставить под вопрос компетентность главного нейрохирурга и других далласских врачей? Мы знаем высокий профессиональный уровень американских медиков, знаем, скольких лет учебы и практики стоит им, чтобы выдвинуться в ряды престижных врачей. Вряд ли кто-нибудь из нашей профессии независимо от различных политических и философских убеждений смог бы в здравом уме предъявить им обвинение, что они, спасая жизнь человека — кто бы он ни был, не говоря уже о президенте их страны,— «не заметили» в спекшихся от крови волосах рану. Я не в состоянии понять, почему необходимо было возводить на них напраслину?! И вообще во всей

[1] Лифтон опросил нескольких патологоанатомов и судебно-медицинских экспертов на предмет возможности того, что «из затылка могли посыпаться осколки костей». На основе анализа описаний раны на затылке, данных далласскими врачами и самими бетесдовскими патологоанатомами, они ответили отрицательно. Но Лифтон — человек настойчивый: что скрывается за словами Хьюмса? — допытывался он мнения специалистов. Те высказали две версии. Первая — он «пудрил мозги» своим собеседникам в Комиссии Уоррена. Вторая — он нес белиберду в силу своей неопытности.

Окончание. См. «Огонек» №№ 46—49.

этой ситуации, смахивающей на пьесы для «театра абсурда», так много «просчетов» и «неточностей» со стороны всех квалифицированных врачей, что у меня уже не как у медика, а как у простого человека складывается впечатление, что американские медики, оказавшиеся волей судьбы свидетелями и где-то даже участниками трагических событий, просто мешали кому-то. И кто-то постарался превратить многих из них, да простит мне читатель, в эдаких уличных зевак, случайно оказавшихся свидетелями трагических событий, хотя по всем понятиям человеческих прав и обязанностей к ним нужно было отнестись только как к опытным специалистам.

На основе раздумий своего «компьютерного» ума инженер-электронщик Лифтон высказывает предположение, что маленькую ранку в затылке «пробуравили» в течение того отрезка времени, когда мозг вынимался из черепа. Но если участники второго заговора-сговора сделали это, могли ли они уложиться в тот непродолжительный отрезок времени, который у них был? Американские специалисты, опрошенные Лифтоном, считают, что уложиться в отведенное им время заговорщики **могли.**

Заметки на полях

А. К. УМРИХИН. Нейрохирургические операции могут длиться сейчас в среднем около полутора-двух часов. Но они производятся на живом мозге, когда, помимо хирургических действий, связанных с распилкой кости, рассечением ткани, приходится много времени отводить остановке кровотечения или его предупреждению. А произвести какие-то действия в полости черепа на трупе можно значительно быстрее. В принципе можно даже взять чужие мозги и поместить их в череп. Говоря об этом конкретном случае, удивляет, повторяю, что на вскрытии не было специальных судебно-медицинских экспертов. Без них могли быть всякие ошибки и недоразумения. У нас, например, даже если травма черепа произошла в обычной автодорожной катастрофе и человек скончался, обследование и вскрытие раны производят только судебно-медицинские эксперты.

В начале 70-х годов Вехт высказал мнение, что военные патологоанатомы вели себя странно на вскрытии лишь потому, что они действовали по приказам вышестоящих военных. В 1975 году Вехт был приглашен дать показания в упоминавшейся выше Комиссии Рокфеллера. В течение пяти с половиной часов он объяснял членам и сотрудникам Комиссии Рокфеллера несостоятельность с научной и судебно-медицинской точек зрения выводов о том, что убийца-одиночка Освальд поразил двумя пулями Кеннеди и Коннэли. И что же сделала с его показаниями комиссия? Она их не опубликовала. Но это даже не самое главное. Комиссия заявила в своем докладе, что Вехт подтвердил выводы Комиссии Уоррена. «Отвратительной ложью» назвал Вехт эту выдумку, подчеркнув, что «все имеющиеся медицинские, физические и фотографические свидетельства указывают на факт осуществления убийства Кеннеди двумя стрелками».

На основе анализа движений головы Кеннеди, запечатленных в любительском кинофильме А. Запрудера (явное движение назад влево и малозаметное вперед), анализа описаний раны в левой височной части, анализа, насколько можно, сознательной путаницы, созданной вокруг ранения правой части головы, факта извлечения мозга из черепа в промежутке между Далласом и Бетесдой и других данных независимые расследователи высказывают мнение, что в голову президента попало **две пули.** Это произошло, как они считают, почти одновременно и с разных точек, прежде всего справа спереди.

«Два или даже три убийцы,— пишет Сильвия Мигер,— пустили в ход свое оружие в синхронном перекрестном огне».

«Мурашки бегали по коже,— пишет Дэвид Лифтон,— когда до сознания начала доходить изощренность и мощь обмана, совершавшегося при перекройке тела. Хьюмс мог говорить правду (Комиссии Уоррена.— **Прим. авт.**), описывая тем не менее **тело, на котором уже не было следов смертельных пуль**. Выводы одного из величайших криминальных расследований в истории мира основывались на словах одного человека, передававшего картину того, как выглядело тело, по сути, другого человека».

Во время второго заговора никого будто бы не убивали. Объект заговора уже был убит, уже были беспомощны его недавно еще могущественные родственники и друзья. Над военно-морским госпиталем в Бетесде стояли уже другие силы. Они отдали приказ изменить тело, переделать «лучшее свидетельство». Так был дан основной старт тому, что в Америке называют крупнейшим «кавер-ап», крупнейшим сокрытием фактов.

К Хьюмсу и его ассистентам Босуэллу и Финку присоединились в зловещем обмане общественности присутствовавшие на длительной процедуре вскрытия главный хирург ВМС США адмирал Эдвард Кенни, начальник национального военно-морского медицинского центра в Бетесде адмирал Кэлвин Гэллоуэй, начальник госпиталя ВМС в Бетесде, капитан Роберт Кэнад, начальник медицинской академии ВМС США капитан Джон Стоувер. К этой четверке примыкает по своему заговорщицкому отношению к происходившему врач Белого дома адмирал Джордж Беркли, присутствовавший на вскрытии.

Секретная служба собирала даже клочки бумаги, которые носили малейшие следы «предвскрытия» и вскрытия. Чины ВМС собирали подписки о неразглашении всего, что происходило за кулисами Бетесды. Какие чрезвычайные меры предосторожности! Какая ирония судьбы: почти полное отсутствие мер защиты живого президента в Далласе и строжайшие меры по охране мертвого президента в Бетесде!

Лифтон воздерживается от высказывания догадок, кто запустил эту машину. Но он приводит намеки, в том числе бывшего юрисконсульта Комиссии Уоррена Либелера, что это мог сделать Линдон Джонсон, ибо кто еще выиграл столько от выстрелов в Далласе. Наверно, было бы упрощением считать, что, кроме Джонсона, никто в США не получил крупной выгоды от смены караула в Белом доме. Но что касается Джонсона, то нет сомнения в следующем. Ему докладывали — и с разных сторон — о том, что Лифтон в конце 1966 года разгадал смысл хирургических манипуляций над покойным Кеннеди. Вскоре, **в начале 1967 года,** министр юстиции Кларк создал группу экспертов для **первого изучения фотографий и рентгеновских снимков вскрытия.** Поначалу «группа Кларка», как ее окрестили, действовала втайне. Ее выводы о соответствии показаний Хьюмса с этими документами лили воду на «мельницу Уоррена». Они были обнародованы за шесть дней до истечения срока пребывания Джонсона в Белом доме.

Словно Джонсону хотелось покинуть Вашингтон со справкой в руках, что никаких преступных хирургических манипуляций в самом начале его президентства не проводилось. Справка «группы Кларка» удостоверяла справку Комиссии Уоррена, справка Комиссии Уоррена удостоверяла справку капитана Хьюмса, которая, в свою очередь, говоря словами пожалевшего его Дэвида Лифтона, была «плодом неясной, двусмысленной и, возможно, зловещей ситуации».

Независимые расследователи поначалу надеялись, что работавшая в 1976—1978 годах специальная комиссия конгресса по расследованию убийств (СКРУ) рассеет эти неясности и двусмысленности. Лифтон долго беседовал с Бэлфордом Лоусоном, который в комиссии занимался секретной службой. Он убеждал его, что имеется достаточно подозрительных фактов для проведения заново расследования обстоятельств составления секретной службой пути следования президента в Далласе, того, как она обращалась с телом покойного, фотографиями и рентгеновскими снимками, пулей, осколками и пр. Лоусон сидел, как сфинкс, не проявляя никакого интереса, по крайней мере внешне. Специальную комиссию, как и Комиссию Уоррена пятнадцатью годами раньше, не заинтересовало таинственное поведение секретной службы.

СКРУ чисто формально подошла к собеседованию с главным патологоанатомом Джеймсом Хьюмсом, а также его ассистентами. Сотрудники и члены комиссии знали о выявленных Лифтоном и другими независимыми расследователями подозрительнейших обстоятельствах «перекройки» тела, «реконструкции» головы. Вместо того, чтобы заняться этими основными вопросами, медицинские эксперты СКРУ устроили головомойку Хьюмсу, Босуэллу и Финку за то, что они не уведомили в свое время Комиссию Уоррена об обнаруженной ими при вскрытии у Джона Кеннеди болезни Аддисона. Затеянный ими сыр-бор позволил скомкать вопросы о ранах. В результате СКРУ подтвердила в своем докладе выводы Комиссии Уоррена, основывавшейся на показаниях Хьюмса, Босуэлла и Финка, что президент был поражен выстрелами сзади.

А как же обстоит дело с выстрелом спереди, с травянистого бугра, который был установлен акустиками Вейсом и Ашкенази и принят как факт специальной комиссией по расследованию убийств? СКРУ свела концы с концами весьма оригинально: она провозгласила, что стрелявший спереди промахнулся. Изумительно! Бивший с шестого этажа сзади со 150 метров Освальд, числившийся в морской пехоте посредственным стрелком, попал, притом одним выстрелом поразил Кеннеди и Коннэли, а бивший спереди, с намного более близкого расстояния промахнулся!

Правда, надо отметить, что с бетесдовскими патологоанатомами представители СКРУ беседовали еще и в предварительном конфиденциальном порядке, а также на закрытых заседаниях комиссии. Что-то из этих бесед попало в доклад и 12 томов слушаний СКРУ. Но основная масса этих материалов засекречена конгрессом на 50 лет. Кто знает, может быть, Хьюмс и очистил свою совесть за закрытыми дверями? Но на публичных слушаниях он сохранял свою прежнюю позу и во многих случаях пускал в ход эзопов язык. Видимо, однако, он ждал на открытых заседаниях более острых вопросов, более профессиональных. Но не дождался. Когда он вернулся после показаний в зал, к нему подсел Лифтон, который освещал работу СКРУ для одной телевизионной станции. Он заметил, как дрожали руки Хьюмса, и спросил:

— Доктор Хьюмс, почему вы без адвоката?

— Мне не нужен адвокат. Мне нечего скрывать.

— Доктор Хьюмс, вы меня помните? Я звонил вам в 1966 году и спрашивал о заявлении в докладной двух агентов ФБР, что, когда труп был развернут, в области головы были обнаружены следы хирургического вмешательства.

— Нет. Я не знаю, кто вы. Я не знаю о подобной докладной.

Через два дня Хьюмса интервьюировал независимый расследователь Пол Хоч. Хьюмс, в частности, сказал: «Я желал, чтобы они задали мне больше вопросов... Члены комиссии меня поразили... Знаете, ведь им представился золотой случай. Я был перед ними, но они не захотели — и это меня нисколько не беспокоит. Что бы ни устраивало их, устраивало меня».

Работа СКРУ не обошлась без «маленького скандальчика». ЦРУ прикомандировало к комиссии в качестве связного офицера разведки Роджерса Блахута. Помимо выполнения официальных обязанностей, сей Блахут посредством недозволенных приемов вскрыл один из сейфов директората СКРУ, в котором хранились все документы, связанные с изучением экспертами СКРУ фотографий вскрытия тела покойного президента Кеннеди. Агент ЦРУ переворошил все папки, его поймали в самый неподходящий момент: он вырывал из папки фотографию головы покойного президента. Видимо, лазил туда Блахут не первый раз, так как в сейфе недосчитались еще нескольких фотографий. СКРУ возмутилась, но ЦРУ быстро ее успокоило: «Блахутом руководило простое любопытство...»

Инженер-оптик, эксперт СКРУ Роберт Гроден высказал убеждение, что фотографии вскрытия, представленные специальной комиссии правительством, являются фальсифицированными. «У ме-

За несколько секунд до выстрелов.

ня,— заявил он,— имеются серьезные основания сомневаться в идентичности материалов, которыми оперировала комиссия». Подвергнув черно-белые и цветные фотографии простреленного затылка президента анализу рентгеном, Гроден обнаружил, что пуля не вошла в затылок президента, а вышла из него.

Гроден считается одним из опытнейших американских экспертов в своей области. Именно ему принадлежит упоминавшееся выше открытие на основе неизвестного до второй половины 70-х годов любительского кинофильма, сделанного за 6 минут до покушения на Кеннеди.

Любитель сказал своей жене примерно следующее: смотри, вон наверху этого здания агенты безопасности с винтовками, все предусмотрено для охраны нашего президента. Навел на шестой этаж свою кинокамеру и нажал на рычажок. На пленке уже нет «агентов» с винтовками. Но Гроден на основе анализа киноленты утверждает, что в правом крайнем окне различимы одна человеческая фигура и тень другой.

Все эти важные для расследования обстоятельств данные убийства Кеннеди вскрылись под занавес работы комиссии в конце 1978 года. Независимые расследователи сожалеют, что так получилось, и подчеркивают, что за то время, которое было у Гродена, он смог — и не до конца — проанализировать лишь ту различимую фигуру в крайнем правом окне.

31 января 1975 года на конференции ИБППУ («Информационное бюро по проблемам политических убийств») в Бостоне — городе, ставшем политической колыбелью братьев Кеннеди, Гроден сделал впервые сообщение о своем длившемся 10 лет анализе кадр за кадром ленты Запрудера, который он производил под различной степенью увеличения кадров. Единогласно конференция решила поддержать центральный вывод Гродена, что «фильм Запрудера абсолютно демонстрирует имевший место перекрестный огонь».

Еще в 1965 году Лифтон обнаружил в ленте Запрудера, перестановку местами двух важнейших кадров. Он обратился с письмом к директору ФБР Эдгару Гуверу за разъяснением. Вначале ему отвечали мелкие сошки из ФБР, ссылаясь на «случайную ошибку». Но Лифтон допекал письмами самого Гувера, и тот соизволил ему ответить с «благодарностью» за то, что он обратил внимание на «непредумышленную оплошность».

Через несколько месяцев после бостонской конференции ИБППУ независимый расследователь Пол Хоч установил поистине сенсационную вещь. Через несколько часов после убийства Кеннеди пленка Запрудера оказалась в руках... ЦРУ. Ее доставили в Лэнгли — центральную штаб-квартиру ЦРУ под Вашингтоном. Там, по словам Хоча, находится «крупнейший в мире электронно-вычислительный центр для анализа визуальных материалов». Оттуда довольно скоро пленка «приехала» обратно к Запрудеру.

Мало кто из независимых расследователей заинтересовался сенсационной находкой. Дэвид Лифтон заинтересовался, но он не стал ломать голову над еще одним «грязным трюком» рыцарей «плаща и кинжала». У него хватало загадок с головой, изуродованной вампирами, спущенными на Кеннеди. Он лишь поставил вопросы для тех независимых расследователей, которые считают «осиное гнездо» Лэнгли одним из главных центров «тайной Америки». Эти вопросы звучат так: не обработали ли и киноленту Запрудера в Лэнгли?

Примерно через год после бостонской конференции ИБППУ Гроден выпустил книгу об убийстве Кеннеди и дал понять, что за исключением «непредумышленной оплошности» Гувера кинолента Запрудера не носит на себе следов подделки.

Противоречивая, порою просто двойственная позиция СКРУ отражает те размежевания в конгрессе и двух крупнейших буржуазных партиях Америки, которые существуют вот уже второе десятилетие и по делу об убийстве Джона Кеннеди и по делу об убийстве его брата — сенатора Роберта Кеннеди. Критика Комиссии Уоррена, которая дается в докладе СКРУ, результат натиска влиятельных сил в конгрессе, желающих найти ключ к разгадке тайн далласской трагедии.

В связи с этим обращает на себя внимание серьезный упрек, брошенный СКРУ в адрес министерства юстиции США за то, что оно не предприняло сразу же после выстрелов в Далласе продуманного, высокоэффективного уголовного расследования убийства, включая возможность заговора; что оно не использовало для этого своих колоссальных ресурсов, в том числе полномочий и возможностей федерального большого жюри, права предоставления этим жюри свободы и иммунитета всем лицам, которые пожелали бы сообщить известные им данные, относящиеся к убийству президента.

СКРУ выслушала объяснения по этому поводу занимавшего в 1963 году пост заместителя министра юстиции Николаса Катценбаха. Он ссылался на этическое неудобство вмешательства в следствие министра юстиции, поскольку министром тогда был брат покойного Роберт Кеннеди.

К чести СКРУ, оно не сочло серьезным такой ответ. Ибо нет, в частности, данных и о том, чтобы Роберт Кеннеди возражал против следствия силами его министерства. Но оно было убрано с шахматной политической доски Линдоном Джонсоном и заменено совершенно рептильной и беспомощной Комиссией Уоррена.

СКРУ в своем докладе выразила недоумение и по поводу того, что «в течение критически важных дней, предшествовавших созданию Комиссии Уоррена, официальные лица министерства юстиции не выполняли какой-либо значительной роли в формировании, проверке или оценке расследования, проводившегося ФБР, несмотря на административный статус ФБР как агентства в рамках министерства юстиции».

И вновь оправдывавшийся Катценбах говорил о «сомнительной и отвратительной уместности для Роберта Кеннеди председательствовать над расследованием смерти его брата».

СКРУ осталась верна своей двойственности и здесь. Она согласилась с «общим мнением» Катценбаха, но «тем не менее выразила сожаление, что министерство юстиции было исключено из расследования, какими бы причинами это ни было вызвано».

«Прискорбно,— заявляют конгрессмены,— что министерство юстиции сыграло такую маленькую роль в том, чтобы обеспечить тщательное расследование убийства президента Кеннеди».

Могло ли, в частности, министерство юстиции предпринять какие-либо шаги в отношении соблюдения всех правил судебно-медицинской экспертизы? Однозначного ответа на этот вопрос у американских юристов нет. С первого, поверхностного взгляда законы США — дремучий лес, в котором нетрудно запутаться даже Фемиде. Не будем осложнять наше повествование пересказом дебатов по этому вопросу, которые и по сей день идут за океаном. Ограничимся кратким замечанием.

Если власти могли нарушить правила штата Техас, предписывавшие обязательное вскрытие в Далласе, то неужели они не могли отойти от буквы других правил во имя выяснения тех явно жульнических пертурбаций с протоколом о вскрытии, которые были видны даже невооруженному глазу при сопоставлении показаний далласских врачей, доклада о вскрытии ФБР, сообщений «Нью-Йорк таймс» на этот счет и пр.? Вовсе не требовалось юридического гения для осмысления ситуации, которую обрисовал, например, в изданной в 1975 году книге «Они убили президента!» Роберт Сэм Энсон, известный публицист и ученый, многие годы бывший ведущим корреспондентом крупнейшего американского журнала «Тайм». «Отличные технические доводы,— пишет он,— баллистические испытания, свидетельские показания, даже кинофильмы были и, вероятно, всегда будут предметом спора. Если что-то должно было быть ясным об убийстве, этим «что-то» должны были быть раны. Сколько ран и где? В конце концов их видели, фотографировали, диаграммировали и описывали более дюжины квалифицированных экспертов. Они должны были бы дать ответы на все вопросы, успокоить всех сомневающихся. Вместо этого было произведено такое вскрытие, которое породило единственную в своем роде и самую ожесточенную полемику среди всех событий 22 ноября».

Энсон приводит сравнение, сделанное упоминавшимся выше судебно-медицинским экспертом Нью-Йорка Милтоном Гелперном, который, как подчеркнул Энсон, произвел 60 тысяч вскрытий, в том числе 10 тысяч вскрытий по поводу огнестрельных ран. Мы

писали выше, что, по мнению американских патологоанатомов, Хьюмс, Босуэлл и Финк не имели достаточной квалификации. Гелперн решил поставить точку над «i». «Участие таких медиков до вскрытия,— саркастически сказал он,— равносильно тому, что выпустить 7-летнего мальчика, сходившего на три урока игры на скрипке, на сцену нью-йоркской филармонии для исполнения пьесы Чайковского. Он умеет держать скрипку и смычок, но ему еще далеко до того, чтобы исполнять музыку»...

Гелперна можно понять. Ему виднее: можно ли было доверить «семилетним ребятам» в Бетесде скрипки и смычки, то бишь секционные ножницы и пилы? Видимо, с профессиональной точки зрения — нет. Но теперь главная претензия к «семилетним» со стороны многих американцев не в этом. Почему эти солидные люди позволили обращаться с собой, как со стадом баранов? Кто посмел превратить их в фальсификаторов американской истории? Но это уже претензия не к вытолкнутым на подмостки «театра абсурда» скрипачам в позолоченных эполетах, а тем, кто заказал им эту музыку.

И здесь мы возвращаемся к вопросу о том, является ли дремучим лесом юриспруденция Нового Света. Не совсем. Американская юридическая система, как и вся англосаксонская, это так называемое «прецедентное право». Именно поэтому американская система дает простор для всевозможных лазеек, позволяющих неоднозначно толковать те или иные юридические факты. И поэтому американская Фемида довольно часто непредумышленно или умышленно ведет дело к запутыванию вместо распутывания перипетий того или иного преступления.

Судебное уголовное расследование в США может возбуждаться только против **живого человека**. Но Ли Харви Освальд был убит, и возможность **судебного уголовного расследования** была выбита из рук американской Фемиды, чтобы не дать запустить судебную машину. Здесь, в частности, надо искать ключ и к разгадке беспомощности министра юстиции Роберта Кеннеди — юриста по образованию. Он знал, что в американском «прецедентном праве» не было в тот момент ни одного федерального закона, который можно было использовать, чтобы запустить в ход министерство юстиции с целью расследовать уголовное дело об убийстве в Техасе его брата-президента.

Это уже была не психологическая драма, а юридическая трагедия и фиаско заокеанской юридической системы!

Вот, в частности, причина, почему министерство юстиции вело себя настолько рептильно и инфантильно. Но даже все знающая и понимающая СКРУ нашла в себе силы сказать заместителю Кеннеди — Николасу Катценбаху, что, несмотря ни на что, министерство юстиции, мягко выражаясь, покрыло себя, в сущности, позором.

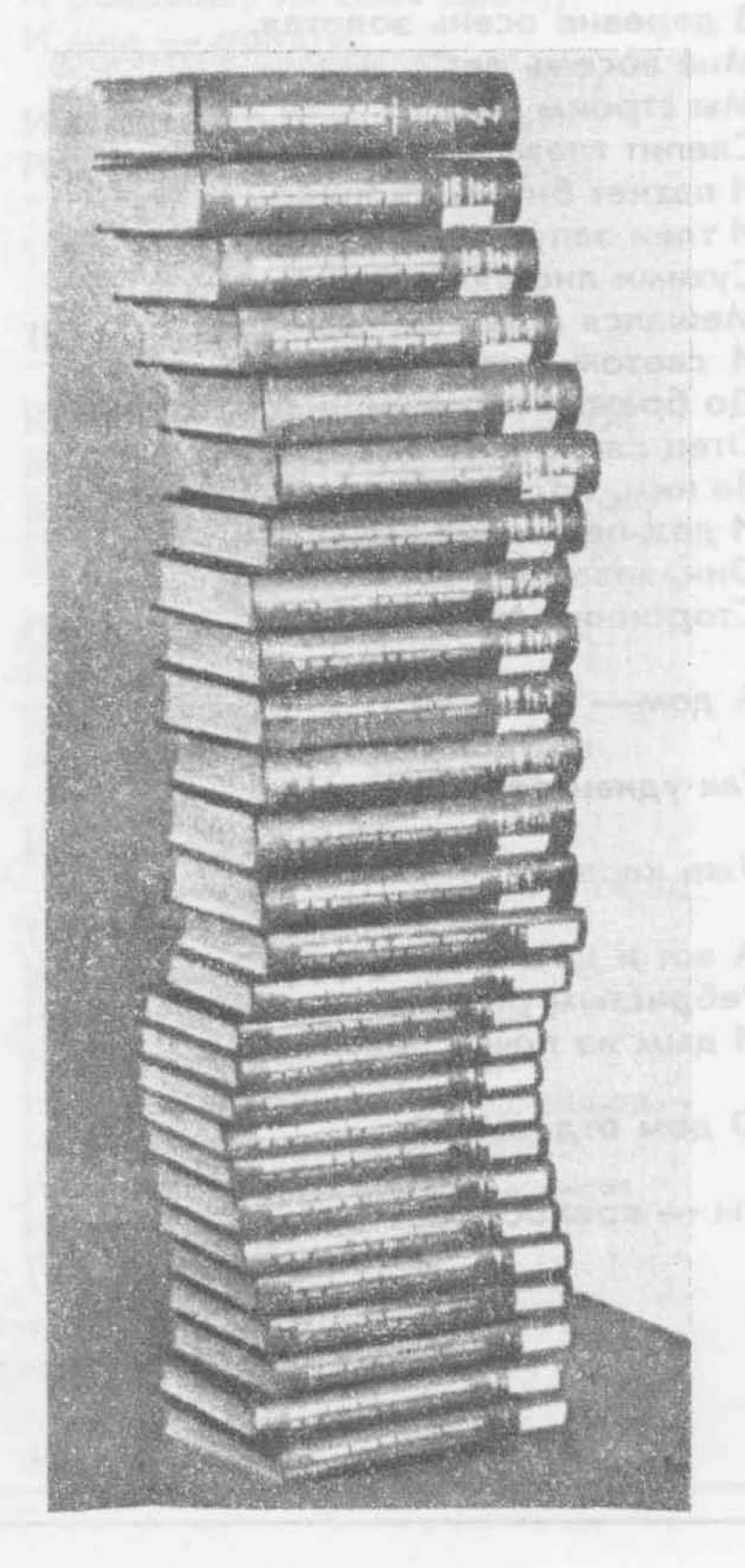
Какие-то силы определенно воспользовались — причем блестяще — лазейками «прецедентного права», которое великий борец за «гражданские права» экс-президент Джимми Картер и его нынешние преемники в Вашингтоне рекламируют на весь свет как «самое гуманное, справедливое и демократичное».

За фасадом «процветающего» общества хваленой демократии вот уже более 18 лет мощная машина американской юриспруденции находится словно в оцепенении, в почти парализованном состоянии, когда речь заходит об убийстве братьев Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и других менее известных политических и общественных деятелей.

Убийство президента в Далласе, убийство лауреата Нобелевской премии лидера американских негров Мартина Лютера Кинга в Мемфисе, убийство сенатора Кеннеди в Лос-Анджелесе, убийство более 50 прямых и косвенных свидетелей преступления века. И почти однозначные ответы: убиты одиночками; умерли «естественной смертью», погибли в «катастрофах», покончили жизнь «самоубийством» и т. п. И все это случайно! Все без исключения!

Нет, при желании «прецедентное право» может не быть дремучим лесом. В Америке юрист — одна из самых престижных, высокооплачиваемых профессий. Асы американской юриспруденции могут обходиться без лазеек, преодолевать лазейки, решать головоломные юридические ребусы, выигрывать процессы, особенно если за это они получают хороший гонорар. У клана Кеннеди с этой точки зрения были огромные возможности. Семейство миллионеров, оно никогда не жалело средств на достижение своих политических целей. Но их деньги, если допустить на мгновение идею о гонораре юристам, здесь были бессильны. Они натолкнулись, судя по всему, на более крупные деньги. И на недовольство — а может быть, и ненависть — обладателей более крупных капиталов.

26 томов Доклада Комиссии Уоррена. 26 томов, изданных для того, чтобы навечно скрыть правду.

ТАЙНЫ ПОДВОДНЫХ ГЛУБИН •

С. ГАЛКИН, аспирант МГУ, участник экспедиционного рейса научно-исследовательского судна «Академик Петровский»

Кто в детстве не мечтал побывать на далеких тропических островах, окунуться в лазурное море, понаблюдать за таинственной жизнью морских обитателей? Для нас, сотрудников университетской кафедры зоологии беспозвоночных, участников девятого экспедиционного рейса научно-исследовательского судна МГУ «Академик Петровский», эта мечта осуществилась.

Более четырех лет мы готовились к этой экспедиции. Готовились тщательно. Все было принципиально ново. Впервые в университете запланировали изучение коралловых рифов с помощью легководолазной техники. Многим из нас, участникам рейса, пришлось освоить смежную профессию — водолаза. Работа под водой в условиях кораллового рифа таит множество опасностей — здесь и сильные течения, и акулы, и ядовитые рыбы. Поэтому к погружениям допускались лишь научные сотрудники, имеющие профессиональные права водолазов-совместителей и большой опыт подводных работ.

В течение нескольких лет подбиралось и испытывалось снаряжение, разрабатывалась методика подводных исследований, шли тренировки на Белом и Японском морях. Большую помощь нам оказала лаборатория тропических морей Института биологии моря Дальневосточного научного центра.

Перед экспедицией были поставлены сложные задачи: изучение собственно кораллов, влияния течений, освещенности и других факторов на скорость роста коралловой колонии и ее форму; изучение сообщества кораллового рифа, населяющих его животных, их взаимоотношений. Основными районами наших работ были рифы южной части Красного моря близ Эфиопии и центральная часть Мальдивского архипелага в Индийском океане. В течение двадцати дней мы погружались в эти воды, собрали богатые коллекции тропической фауны. Под водой были отсняты десятки метров цветной пленки, чтобы потом, в лабораторных условиях, воссоздать естественную обстановку, в которой развивался тот или иной организм. Проводились и визуальные наблюдения за жизнедеятельностью кораллов и кораллобионтов (так называются животные, населяющие риф).

При высадках на берег мы собирали образцы наземной фауны и флоры для коллекций зоологического музея МГУ и Ботанического сада. В специально оборудованных аквариумах обрабатывался и систематизировался собранный материал, ставились опыты по изучению питания и роста кораллов.

Все задачи, стоявшие перед экспедицией, успешно выполнены. Большая заслуга в этом принадлежит начальнику рейса А. В. Смурову, научному руководителю Г. Б. Зевиной, начальнику водолазной станции В. Н. Кашо. Собранное экспедицией сейчас обрабатывается специалистами и скоро станет достоянием широкого круга ученых.

Может возникнуть резонный вопрос: а зачем, собственно, изучать коралловые рифы, какую практическую пользу можно тут извлечь?

Дело в том, что коралловое сообщество представляет собой сложнейшую систему, очень чутко реагирующую на любые внешние воздействия, в том числе и на антропогенное загрязнение океана. Коралловый риф может служить точным индикатором любого изменения состава воды, будь то нефтяное, биологическое или радиоактивное загрязнение. В последние годы резко увеличилось количество мертвых и умирающих коралловых рифов. Их гибель ведет к серьезным необратимым изменениям во всем балансе органических веществ на огромных пространствах океана. Тщательное изучение кораллов и населяющих их организмов позволит не только объяснить существующие закономерности, но и предсказать будущее тех или иных рифов. Именно на примере кораллов наиболее ярко видно, сколь пагубно сказывается нефтяное и особенно радиоактивное загрязнение океана на его живом населении.

Поэтому понятен интерес, который в последние годы вызывают коралловые рифы у ученых разных стран мира. Мы надеемся, что и наша экспедиция послужит пусть небольшим, но ощутимым вкладом в это общее дело.

А для нас, молодежи, остались незабываемыми дни, проведенные на борту «Академика Петровского», на коралловых атоллах и в портах, куда заходило судно. Почти всюду — в Адене и в Бомбее, в Мале и в Коломбо — мы встречали теплый и радушный прием местных жителей. Искреннее желание помочь нам еще раз заставляло задуматься о том, как важно для всех людей сохранить живым океан — это огромное богатство, данное нам природой.

СТЕНЫ, ОПАЛЕННЫЕ СТИХАМИ

Юный Николай Тихонов впервые переступил порог этого дома в далеком 1922 году. Отсюда начались все его дороги: в большую литературу и в дальние страны; здесь сходились тысячи путей и судеб многих собратьев по перу, встречавших самый радушный прием под гостеприимным кровом, о котором очень точно скажет потом А. Фадеев: «Стены этой квартиры опалены стихами».

А когда война окружила Ленинград, их опалил уже другой — безжалостный и страшный огонь артобстрелов и бомбежек. Но ни снарядам, ни бомбам не дано убить слово. Гимном мужеству непокоренных ленинградцев, всех славных защитников Родины прозвучали поэма «Киров с нами», «Ленинградские рассказы» и другие произведения, родившиеся в стылой угловой комнате нетопленого дома на Зверинской улице.

...Давно отгремели бои. Но победивший город свято чтит своего поэта, пламенного борца за мир Н. С. Тихонова. В память о нем на доме № 2 по Зверинской улице была открыта мемориальная доска. На митинге, посвященном этому событию, выступили председатель Ленинградского областного комитета защиты мира, Герой Социалистического Труда поэт М. А. Дудин, главный редактор журнала «Нева» Д. Т. Хренков, поэт и литературовед В. А. Шошин, член комиссии по литературному наследию Н. С. Тихонова, военный журналист И. Н. Глаголев, заместитель председателя Советского комитета защиты мира, народный артист СССР И. О. Горбачев, слесарь-сборщик объединения «Красногвардеец» В. В. Петров, студентка Института точной механики и оптики Татьяна Оленичева.

И вот спадает белое покрывало с массивной, серого гранита доски, на которой читаем: «Здесь с 1922 по 1944 год жил и работал Герой Социалистического Труда, писатель и общественный деятель Николай Семенович Тихонов».

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор «Огонька»

Владислав ШОШИН

ДОМ Н. С. ТИХОНОВА В ЛЕНИНГРАДЕ

Слова прощанья трудно произнесть.
У них отнимем правды постоянство!
Есть жизнь и смерть. Но рядом с ними есть
Бессмертья заповедное пространство.

Оно — как Джомолунгмы синева.
Его лучом народ героев метит.
Жила здесь песня. Песня здесь жива.
Ей вечно жить, покуда солнце светит!

Ее тропой в историю идет
Шестиэтажный, скромный, на Зверинской,
Вот этот дом, который, словно дот,
Стоял в годину битвы исполинской.

Стоял фашистской мгле наперекор,
И в строфах, трепетавших, словно пламя,
Отсюда на истории простор
Шагнул наш Киров, чтоб остаться с нами.
Остаться с нами, как отваги честь,
Как мужества скупое постоянство.
Есть жизнь и смерть. Но рядом с ними есть
Бессмертья заповедное пространство.

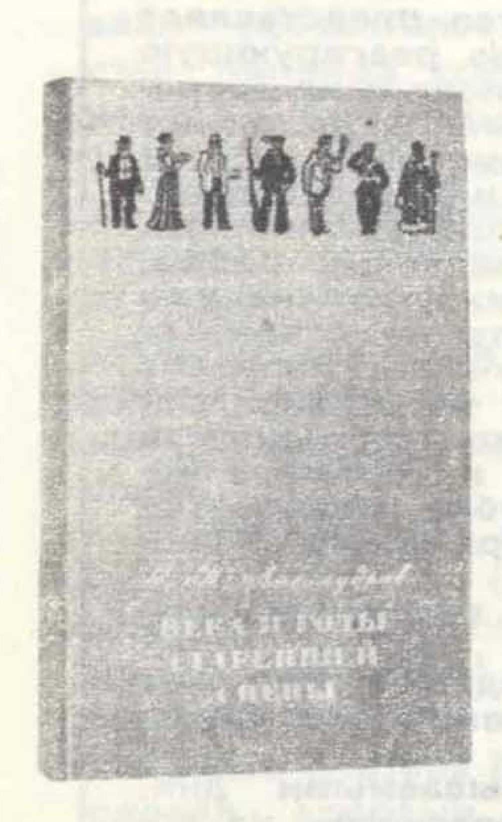
Оно рождает молнии огня
Романтики, не признающей тленья,
Ведет тебя к победам, и меня,
И новые в грядущем поколенья.

Пусть будет непрерывна нить времен!
Но, если даже рухнут дома стены,
Светить всегда отважным будет он,
Романтике не ведая измены.

Над пропастью сомнений бытовых,
Над всем, что искони узкоголово,
К рассвету категорий мировых
Ведет, как вера, Тихонова слово.

Ведет, как торжествующая весть,
Что не напрасно песни постоянство!
Есть жизнь и смерть. Но рядом с ними есть
Бессмертья заповедное пространство.

СУДЬБА ТЕАТРА

Книга М. Н. Любомудрова «Века и годы старейшей сцены» посвящена истории Ярославского академического драматического театра имени Ф. Г. Волкова, который в минувшем году отметил 230-летие. Автор задался целью проследить и по возможности полно осветить все этапы становления и развития театра. И при этом Любомудров выступает не как бесстрастный летописец, фиксирующий факты истории, а как интересный собеседник, дающий волю чувствам и эмоциям. Особенно красноречив он, когда повествует об «отце русской сцены» Волкове и творческом подвиге его.

«В Федоре Волкове взметнулась природная одаренность россиянина, раскрылись прекрасные черты, свойственные русскому человеку в великих, особо трудных начинаниях»,— пишет Любомудров в начальной главе книги, сравнивая «самородка с берегов Волги» с другим его великим современником, «бывшим архангельским мужиком» Михайлой Ломоносовым: тот же дерзостный замах, та же неукротимая энергия, те же разносторонние дарования... Что с того, что жизнь его оборвалась огорчительно рано, в самом истоке начинаний? Человек смертен — бессмертны дела его, продолженные последователями,— таков пафос рассуждений автора. «Гении отечественного театра, являвшиеся на поверхность из недр России, несли с собой свет и силу народных идеалов, мощь национального самосознания, органическое чувство патриотизма».

В истории Ярославского театра Любомудров усматривает типичную судьбу большинства отечественных театров. «Нелегка была дорога провинциального театра,— подчеркивает он.— Сквозь мрак невежества и предрассудков пробивалось и крепло сценическое искусство».

На протяжении всего дооктябрьского периода театру приходилось постоянно бороться за свое существование, за утверждение традиций, завещанных Волковым, свет гения которого, «пронизывая века, освещал дорогу, укреплял призвание отечественного театра, вселял надежды на его будущее». Драматизм борьбы ясно слышен в самих названиях глав книги: «Упрочение театрального дела», «Будни театральной провинции», «Революция», «На переломе»... Каждый раздел — как этапная веха на долгом и трудном пути и театра и всего театрального дела России. Опорой и поддержкой в этой борьбе для театра было творчество корифеев отечественной драматургии — Фонвизина и Крылова, Пушкина и Гоголя, Островского и Горького, мастерство многих прославленных актеров, выступавших на его сцене,— и Щепкина, и Стрепетовой, и Москвина, и Станиславского, и многих, многих других, чьи краткие характеристики и емкие творческие портреты даны в книге Любомудрова.

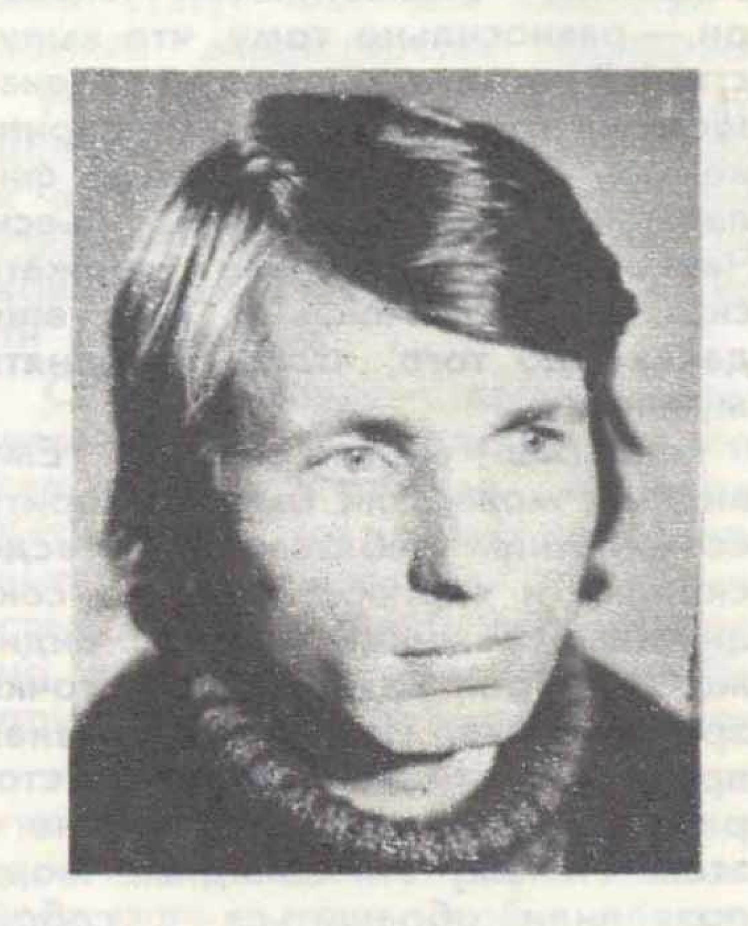
«Велики возможности Ярославского театра. Велик и спрос с него,— пишет Любомудров в заключение.— Первородство обязывает ярославцев...»

Иван ИСАЕВ

М. Н. Любомудров. Века и годы старейшей сцены. Москва, «Советская Россия», 1981. 256 стр.

Николай НИКИШИН

ПОЭМА

Для горьких дум приходят сроки—
Кто ты такой?
Откуда ты?
Из глубины ль земли истоки
Или они
из пустоты?
И, растекаясь кровью ртутной
По темным избам всех сторон,
В печали светлой или смутной
Какому богу бьешь поклон?
И на горе своей поклонной
Удачу ждешь или беду
Или в туманной родословной
Ты ищешь яркую звезду?..
Отец и мать —
Иван да Марья,
Два русских имени во мне.
И соловьев залетных пара.
И два портрета на стене.
Два бубенца на свадьбе давней—
Два бубенца,
Два бубенца!..
Седая пыль дороги дальней.
И листопады у крыльца!..

I

В деревне осень золотая.
Мне восемь лет.
Мы строим дом.
Слепит глаза щепа сырая.
И пахнет битым кирпичом.
И тлен запущенного сада,
Сухими листьями звеня,
Мешался с дымом самосада
И светом солнечного дня.
До бражки праздничной охотник,
Отец слонялся по углам...
За ним, подмигивая, — плотник
И дед-печник из Белых Ям.
Они, казалось, от безделья
Сторонний думали вопрос.

А дом—
на грани новоселья:
Так удивительно —
но рос!
Уже карниз
над самым садом.
А вот и дранка со стропил
Ребристым ринулась каскадом.
И дым из печки повалил!

О дом отдельный,
пятистенный!..
Ты — крепость,
таинство,
простор.

КРУТОМОСТ

К тебе с надеждой сокровенной
Я свой причаливаю взор.
Быть может, скоро, очень скоро,
Себя ломая на корню,
У почерневшего забора
Я с грустью голову склоню.
Забуду недруга и друга —
Среди лесов,
Среди болот.
И вьюга,
вьюга,
вьюга,
вьюга
Огни вокзала заметет.
И будет жутко поначалу,
И будет страшно по ночам.
Но я последнему причалу
И страсть,
и боль,
и жизнь отдам.
Изголодавшись по уюту,
По одиночеству и сну,
Я раздавлю былую смуту—
Мучителя и сатану!

И в темноте глухой,
обвальной,
Из-под просвеченной руки
Старинной песней величальной
Мне загудят колосники.
И знаю, знаю, всколыхнется
И побежит река,
река
Из потаенного колодца,
Из папоротника-родника!
И в звездный рой,
кошмарно ясный,
Потоком сердце понесет,—
Лишь рыбиной,
тугой и красной,
Оно потоку вспять забьет!
И роковому не быть сроку,
И мне — понять,
что цели нет:
Или к подземному истоку—
Или в кошмарно ясный свет!

II

Как бы в ракушечные створки,
Меж двух Почаевских озер
Вбежали избы Красной Горки—
Пошел на сруб янтарный бор.

Озера эти кочевали,
И странен их кипучий ход:
Они, бывало, исчезали
И возвращались через год.

К ним подобраться—
дохлый номер:
Плавучий мох,
Узлы осин...
Но и никто еще не помер,
Не утонул среди трясин:
Нырнуть в окошко умудришься—
Не то чтобы коснуться дна,
А мигом наверх устремишься:
Не принимает
Глубина.

Зато какая тут черника,
Зато какие караси!
А воздух —
Чуточку хлебни-ка,
Вовеки больше не проси!..
На глушь и холод разозленный,
В декабрьский лед
Ударил крик:
Озерной сталью осененный,
Мой день рождения возник.

Он пламенел в избе у деда
Семилинейным ночником,
А мир не знал,
а мир не ведал
О дне рождения моем.
А мир кипел,
а мир клубился
В иных страстях,
в ином огне.
Вставал, работал, спать ложился...

И ладно—
Речь не обо мне.

III

Безумно в технику влюбленный,
Отец—механик МТС —
Мотался долго по району,
Пока не окопался здесь.
На улице для местных «мэтров»,
На большаке, где глина — воск.
До Крутомоста —
Двести метров.
До Красной Горки—
Восемь верст.
Своей смекалкой,
русской хваткой
В округе славился Иван.
И лишь тянул вино украдкой
От непонятных в сердце ран.
Тогда он плакал:
— Эх, Есенин!..
И пел про липу и кабак.
Он и в меня печаль посеял,
И я люблю равнинный мрак;
Люблю безлюдную дорогу
И тень густую от луны,
Коня,
приникнувшего к стогу,
И песни нашей старины!
Наверно, счастье в том, что ловишь
Неуловимую звезду...
Бывает,
и цветок не сломишь,
А лес
Валяешь на ходу...
Бывает, вспомнится нежданно
(Сначала — сразу не поймешь!)
То стог,
то речка,
то поляна,
То молоко луны у стана,
Процеженное через рожь;
Квадрат окна, забитый мраком—
О, нет, не тот равнинный мрак!—
И столб крыльца с искусным
знаком
И одинокий лай собак...

(Да, вот какой порядок странный:
В деревне заводили псов
Не для охоты и охраны—
И так не вешали замков!—
Скорее, по привычке древней:
Мол, без собаки —
не жилье...)
Тревожил вой —
Ночной, напевный—
Воображение мое.
Душа готовилась излиться
И переплавить
Зло в добро,—
И дернул черт меня
вцепиться
В сентиментальное перо!
И, выбрав час,
туманный, скрытный,
Я уходил на Крутомост.
И попадал в прицел магнитный
Травы,
деревьев,
звуков,
звезд.
Не разгадал никто секрета:
О чем пою и что таю?
И вдруг районная газета
Затею выдала мою.
О, Федоров-первопечатник!
От славы
Спрятаться нельзя.
Я стал в деревне, как начальник.
И даже лучшие друзья
С какой-то робостью смотрели:
В пятнадцать лет —
авторитет!
Был даже
Зван я на форели
К главе совхоза в кабинет.
Отец же в светлые моменты
Меня насмешками сражал.
Он говорил:
— Интел-ли-генты!..
Он говорил...
Но уважал!
Отец...
От снега ли,
росы ли —
Мой гимн тебе еще не спет.
Ты — ум крестьянский,
Сын России,
Партийный стаж —
под тридцать лет.

А трудовой...
Чуть не в двенадцать
Водить ты начал трактора.
На ноги помогла подняться
Картофельная кожура...
Твоя судьба...
Она похожа
На жуть оврага —
Крутомост.
Он между двух равнин,
и все же
Подъем тяжел.
И спуск непрост!

IV

От юной песенной рябины,
От высоты, где тьма и синь,
От няни Пушкина — Арины,
И от некрасовских княгинь,
От бабушки моей Лукерьи —
Взяла ты сердце,
душу,
стать;
В сомненье,
Вере и безверье
К тебе я обращаюсь,
мать!
Как сберегла и как взрастила
Нас, братьев,
Трех богатырей?
У Родины такая сила —
Василий,
Николай,
Сергей!
Мы тоже голод испытали,
Мы тоже армию прошли.
Но столько горестей едва ли
Мы пережили бы,
Снесли,
Чем наша труженица,
Мама!..
О женщины российских сел,
С изломанными
Руками,
С глазами, кроткими от зол.
Все меньше вас в толкучке рынка...
В метро,
На улицах Москвы
Мелькнет немодная косынка
Или платок сундучный,—
Вы!..
Переменились мы — умнее,
Богаче стали;
Вместе с тем —
Нет у страны теперь сложнее,
Чем деревенские,
Проблем.
Земля ошибок не прощает...
Я вижу
в редкий свой приезд,
Как зарастают и дичают
Поля и пастбища окрест.
Но поколения растений,
Заполонившие простор,
Бесцветнее от удобрений,—
При виде трав
Грубеет взор.
И там,
на сумрачных полянах,
Где вечно ландыши цвели,
В извивах радостных и пьяных
Дурманы к солнцу поползли!..
Но будут,
будут перемены,
Переоценка,
перелом.
И вновь бревенчатые стены
Сомкнутся в крепкий,
Шумный дом.
Рванутся к станциям дороги —
Пора,
пора,
пора,
пора!
Ведь дело делают не боги —
Хозяева
И мастера.

НА ПЕНЗЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Владимир ЕНИШЕРЛОВ,
фото Михаила САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Удивительно заботливо и бережно относятся к памяти о прошлом на пензенской земле. Мы проехали по самым отдаленным уголкам области, встречались со многими людьми, казалось бы, далекими от проблем сохранения памятников истории и культуры, и убедились, как много сделано здесь для создания музеев, увековечения памяти о великих людях России, живших и бывавших на Пензенщине. Недавно в статье, опубликованной журналом «Коммунист» (№ 14, 1981 г.), говорилось о настоящем «музейном ренессансе», который происходит в Пензенской области. В этом определении нет преувеличения. Музей А. Н. Радищева; музей В. Г. Белинского в бывшем Чембаре (ныне г. Белинский); музей-заповедник Тарханы, где покоится прах великого Лермонтова; только что открытый, первый в нашей стране музей А. И. Куприна на его родине в крохотном Наровчате; мемориал А. Блока и Бекетовых близ Алферьевки — эти бесценные памятные места стали не только средоточием совершенно уникальных материалов, но и настоящими центрами нравственного воспитания.

Небольшой, любовно отреставрированный домик, в котором родился А. И. Куприн, стоит на тихой улочке отдаленного Наровчата. Куприн не раз вспоминал Наровчат в своих произведениях. В рассказе «Храбрые беглецы», например, он писал, что «...город Наровчат, где всегда происходило действие и откуда Нельгин был увезен трехлетним ребенком, стоит, забытый богом и людьми, ежегодно выгорая, среди плоской безводной и пыльной равнины, и что старшие братья, главные действующие лица великолепных историй, поумирали, не дожив двухлетнего возраста, задолго до рождения рассказчика, и что отец его служил скромным письмоводителем у мирового посредника, и что от бабушкиных великолепных имений, деревни Щербаковки и села Зубова, проигранных и прокученных буйными предками, остались всего лишь три спорных, кем-то самовольно запаханных десятины».

Внимательный исследователь литературного прошлого пензенского края А. В. Храбровицкий в статье «Пензенская кровь», посвященной Куприну, замечает, что многое в этом отрывке соответствует документам и фактам биографии писателя. Прадеду по материнской линии Александра Ивановича земли в Наровчатском уезде Пензенской губернии были пожалованы еще в XVII веке. Но буйный нрав Колунчаковых, предков писателя, их расточительный образ жизни неуклонно вели к разорению. В исчерпывающей статье А. В. Храбровицкого приводится любопытная заметка, свидетельствующая о разорении «буйных предков» писателя. Она опубликована в газете «Пензенские губернские ведомости» за 1866 год, № 19: «От Наровчатского уездного суда объявляется, что по определению сего суда, состоявшемуся 23 марта сего года, назначен в продажу деревянный дом с разным строением, усадебным местом и плодовитым садом, состоящий Наровчатского уезда в селе Зубове, принадлежащий отставному юнкеру Аркадию Алексеевичу Колунчакову, за неплатеж им разным лицам денег...» Этот образ жизни предков позволил не получившему и копейки наследства Куприну позже грустно иронизировать: «Мои пензенские земли не дают мне никакого дохода». Мать Куприна Любовь Алексеевна, бывшая последним потомком семьи Колунчаковых, вышла замуж за Ивана Ивановича Куприна, канцелярского служащего. В 1870 году родился их сын Александр, а спустя менее года Иван Иванович умер от холеры, оставив семью в крайне бедственном положении. Через бесконечные унижения прошла мать писателя, вынужденная переехать из Наровчата во Вдовий дом в Москву, где три года жил с ней и сын. Рассказывая в своей прекрасной книге «Куприн — мой отец» о ключевых моментах биографии Александра Ивановича, влиявших на формирование его характера, Ксения Александровна Куприна подчеркивает, что именно переезд из Наровчата и жизнь с бесконечно любимой матерью в совершенно неподходящей обстановке постоянного унижения во Вдовьем доме зародили у Куприна бешеное, болезненное самолюбие.

Мы переступили порог его наровчатского дома, когда еще не была готова музейная экспозиция, в комнатах в беспорядке лежали старинные картонки, чемоданы, рамки с выцветшими фотографиями, книги и даже скрипка — подобная была когда-то в доме Куприных. Конечно, за сто лет, прошедших со дня рождения писателя, в Наровчате не сохранилось или почти не сохранилось подлинных вещей, принадлежавших его семье. Сам дом неоднократно менял хозяев, перестраивался, и требовались немалые усилия реставраторов и исследователей, чтобы придать ему облик того дома, в котором век назад родился Александр Куприн. Но пензенские энтузиасты и знатоки-музейщики сделали, казалось бы, невозможное. Они поистине возродили этот уголок старого Наровчата, разыскали несколько купринских вещей и старых книг, принадлежавших писателю, и, взяв их за основу, выстроили музейную экспозицию. Слов нет, надо еще затратить немало сил на поиск вещей писателя и его близких, ведь любой музей — это очаг памяти, материализованной в подлинных реликвиях. Верится, что многие автографы, книги Куприна, трагически разбросанные по миру (к несчастью, часть их пропала в блокадном Ленинграде), постепенно будут собираться в маленьком Наровчате.

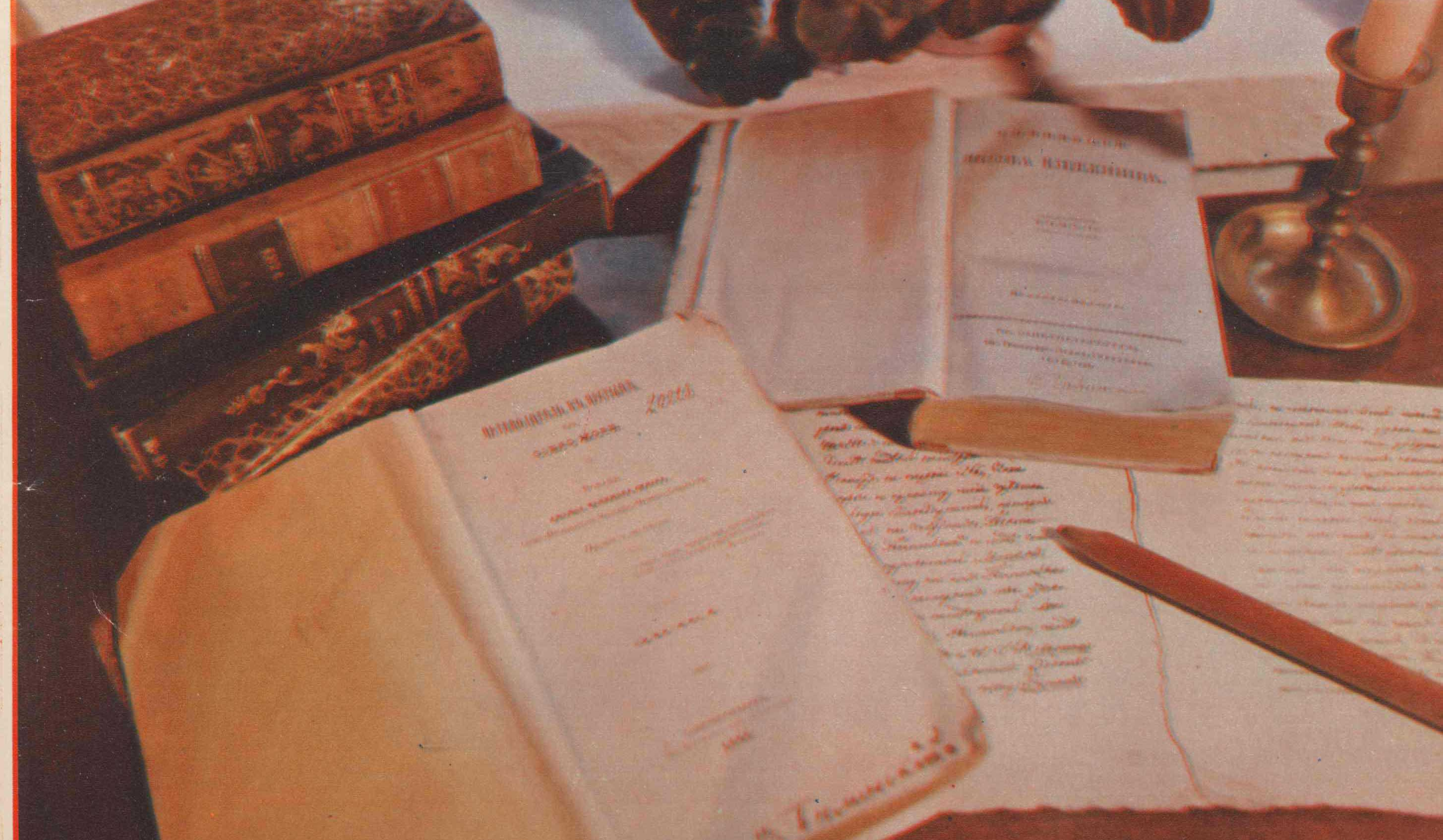
Перспективен поиск и в самом городке. Немало бесценных для музея находок можно сделать в его небольших домиках, уютно скрывающихся за красивыми зелеными палисадниками. И если это не будут реликвии самого писателя, то материалы, свидетельствующие о жизни Наровчата XIX века. К собирательской работе можно привлечь и жителей городка и, конечно, школьников. Музей только тогда заживет активной, деятельной жизнью, когда вокруг него сплотится коллектив местных краеведов-энтузиастов. Очень многим могут помочь новому музею и коллекционеры. Сейчас модно собирать коллекции книг, состоящие из автографов классиков, иллюстраций к их произведениям, личных вещей писателей. В принципе такого рода собирательство можно только уважать, известны случаи, когда коллекционеры спасали реликвии культуры, в силу тех или иных причин обреченные на гибель. Можно привести и ряд примеров, когда частные собрания не только вливались в государственные хранилища, значительно пополняя их фонды, но и становились основой создания совершенно новых музеев. Но, увы, еще часто реликвии национальной культуры находятся в руках лиц, для которых коллекция так или иначе добытых раритетов является лишь способом самоутверждения и обогащения. В частных собраниях Москвы, Ленинграда и других городов есть еще немало купринских материалов. Сосредоточить их в первом музее на родине писателя достойная задача и для музейных работников и, конечно, для коллекционеров. Безусловно, новому музею в Наровчате нужна помощь. И эта помощь найдет благодарный отклик. Ведь с открытием музея Куприна и сам городок Наровчат приобретает качественно другое значение. Уже есть идея организовать после реставрации в неплохо сохранившемся комплексе Троице-Сканова монастыря близ Наровчата туристический центр, заканчивается строительство хорошей дороги от Пензы — до недавнего времени отсутствие современной дороги сказывалось и на экономике и на культуре Наровчатского района. В конечном счете открытие музея скажется на всех сторонах жизни Наровчата. Это отлично понимают партийные и советские руководители и области и района, где родился Куприн. Здесь мы уже не в первый раз стали свидетелями неразрывной связи, существующей во всех областях культурной и экономической жизни, для действенного развития которой не должно быть упущено ни одно звено, в том числе память о прошлом.

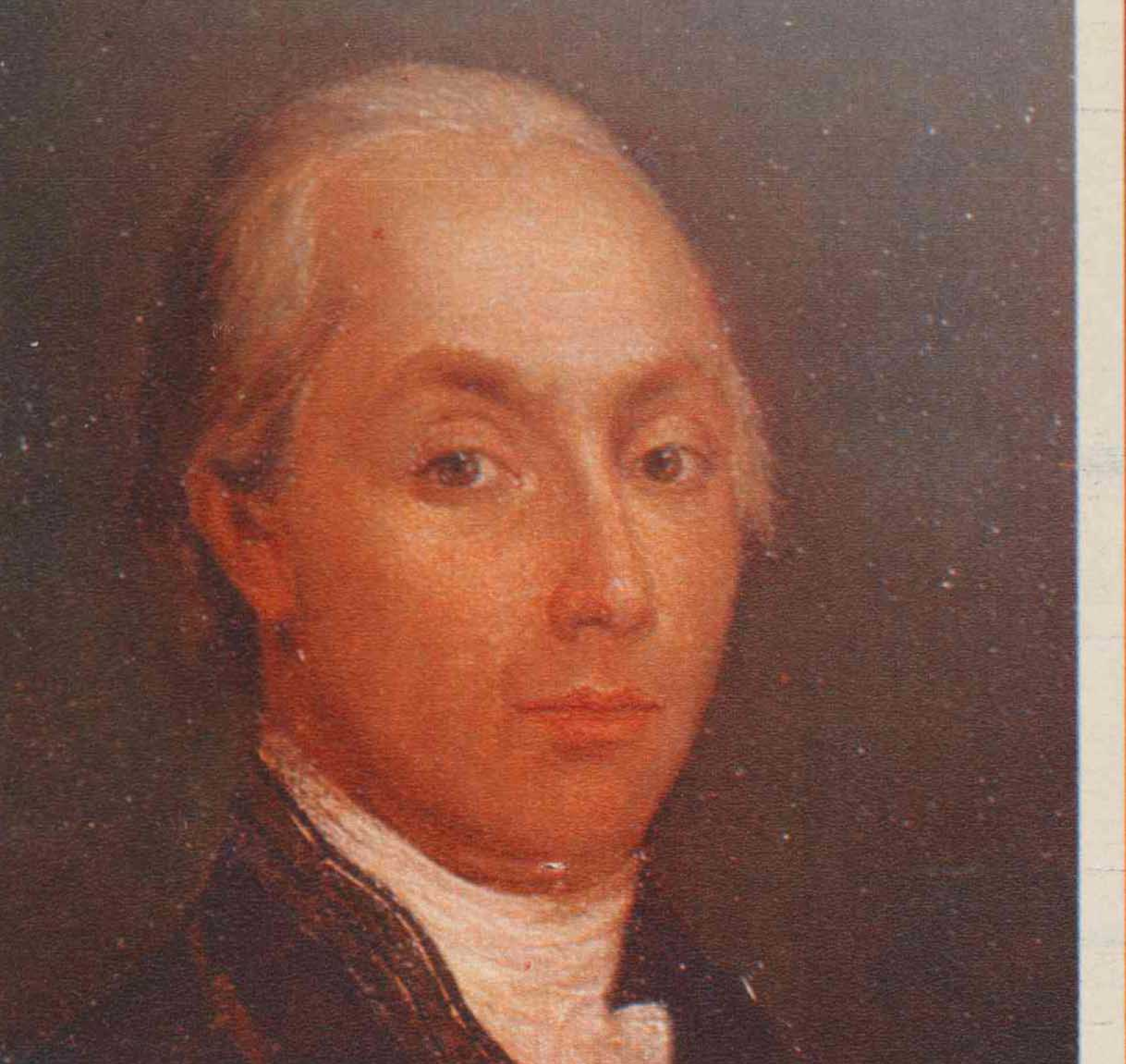
В Пензенской области интересные планы развития музеев и заповедников. Одним из сложнейших из намеченных дел будет полное восстановление усадьбы Павла Петровича Шан-Гирея Апалиха, включенной в состав Государственного лермонтовского заповедника «Тарханы».

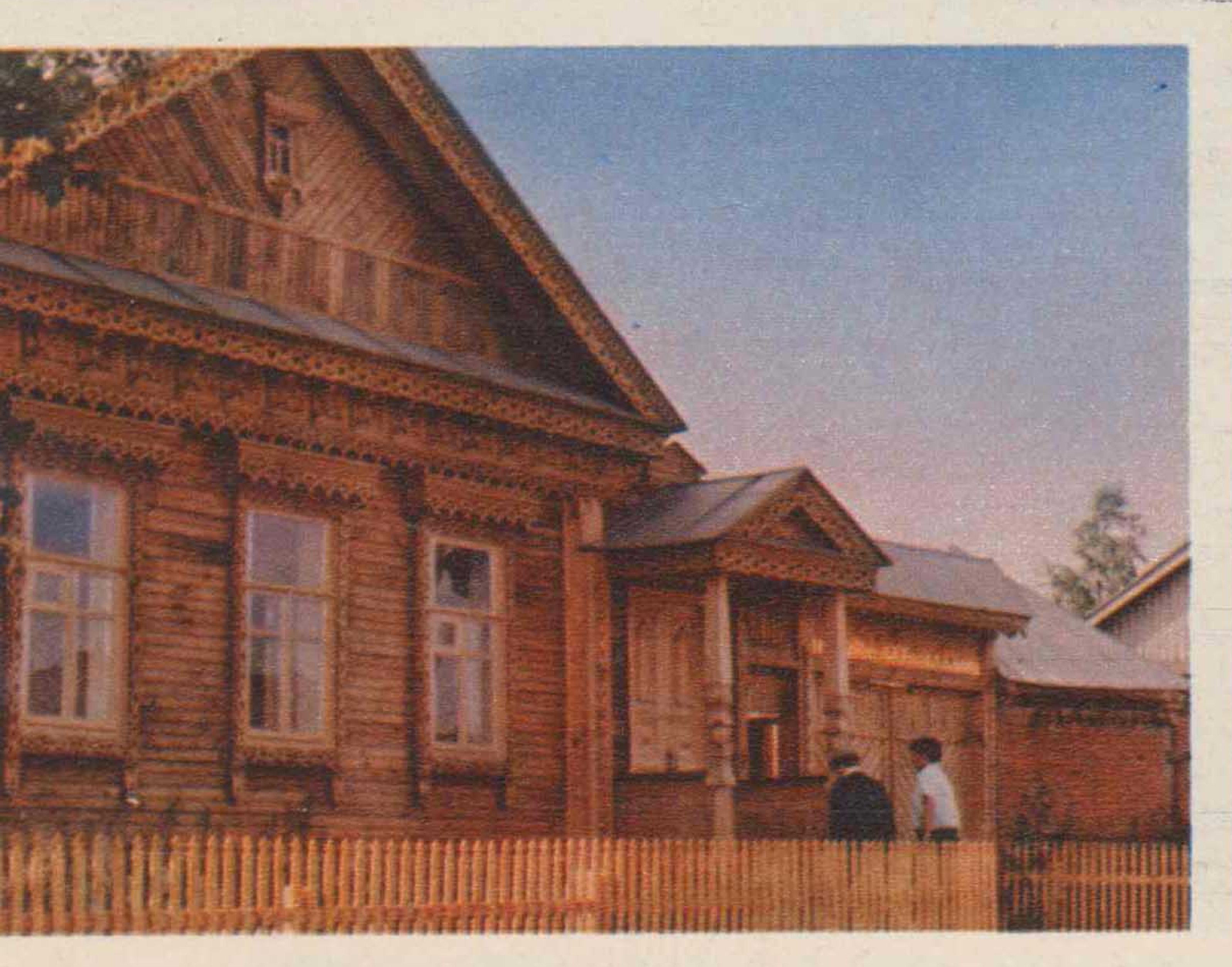
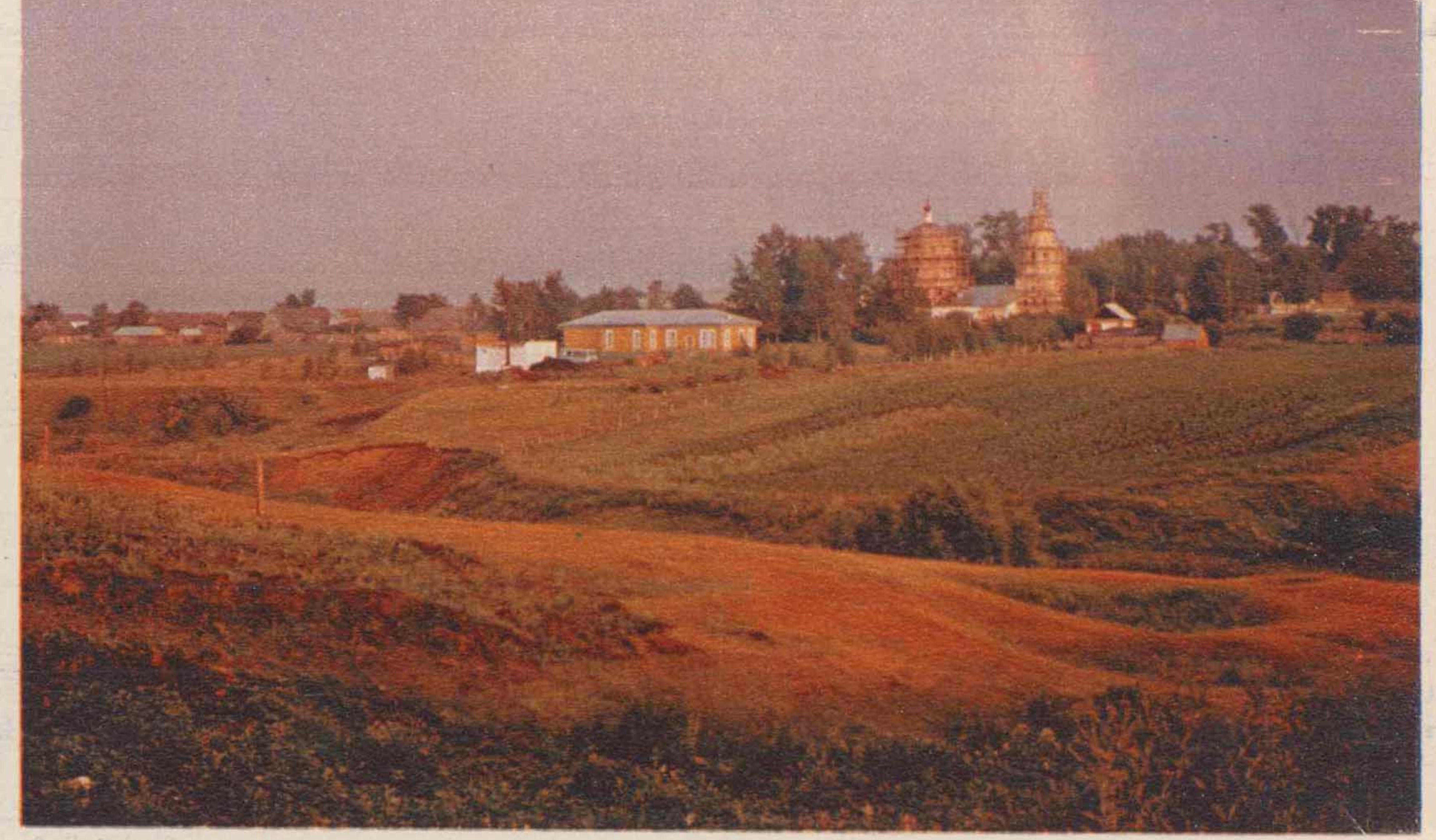
Усадьба Апалиха была куплена племянницей бабушки Лермонтова М. А. Шан-Гирей в 1826 году. Лермонтов был дружен с семьей Шан-Гиреев, он делился с Марией Акимовной многими мыслями об учебе, писал ей дошедшие до нас интересные письма об искусстве. Влияние М. А. Шан-Гирей на развитие и формирование вкусов и личности юного Лермонтова несомненно. Ближайшим другом поэта был ее сын Аким Павлович Шан-Гирей. Его воспоминания о двух годах, проведенных с Лермонтовым в Тарханах,— важнейший источник сведений о детстве Михаила Юрьевича. Шан-Гиреи живо интересовались литературой, искусством. О характерном факте сообщает П. А. Вырыпаев в книге «Лермонтов»: когда в 1837 году была объявлена подписка на сочинения А. С. Пушкина, только два человека в Пензенской губернии приобрели по билету. Один из них — П. П. Шан-Гирей, владелец Апалихи, далекой усадьбы, затерянной в пензенском захолустье. В Тарханах, возле могилы Лермонтова, и погребены любившие его Марья Акимовна и Павел Петрович Шан-Гирей.

С генеральным директором литературно-мемориальных музеев Пензенской области В. П. Арзамасцевым пришли мы на пологий апалихский холм на берегу речки Милорайки, где была усадьба, имевшая такое большое значение в жизни Лермонтова. Наш

Близ Тархан была усадьба друзей и родственников Лермонтова Шан-Гиреев — Апалиха * Книги из библиотеки В. Г. Белинского и автограф критика.

провожатый уверенно ориентировался в этом начинающем новую жизнь парке. Место дома, аллеи, специальный круг для прогона лошадей, многие особенности старинного парка уже тщательно исследованы и описаны. Подошли мы и к гигантскому, уникальному красавцу ясеню — по определению специалистов, ему 300 лет Конечно, помнят это дерево, старый парк и липовые куртины и юного Михаила Лермонтова, и семью Шан-Гиреев, и самого Павла Петровича, которого Лермонтов называл «настоящим кавказцем». По воспоминаниям современников, П. П. Шан-Гирей пленял юношу Лермонтова рассказами о Кавказе, о его полной романтических надежд и мечтаний молодости.

Предстоит реставраторам восстановить и дом Шан-Гиреев. Это задача очень непростая. Не сохранилось почти никаких документов, описывающих Апалиху, усадебные постройки и парк. Мало гостей добиралось до уединенной крохотной усадьбы на берегу Милорайки. Пожалуй, единственный документ — рисунок троюродного брата Лермонтова А. П. Петрова, на котором изображен апалихский дом, каким он был в 1840 году. В основном же музейные работники будут полагаться на свой опыт, знания и интуицию. Работа в усадьбе Апалиха уже начата. Расчищаются аллеи, дорожки, восстанавливаются липовая пасека и площадка перед домом. Постепенно парк приобретает вид, какой имел при жизни Лермонтова. Видимо, вскоре на пензенской земле еще одно звено будет вплетено в цепь памяти. И примет первых посетителей парк, где бывал Лермонтов, увидят наши современники дом, где любили поэта и где десятки лет с великой бережностью хранились лермонтовские рукописи.

Работают реставраторы и в селе Радищево, называвшемся ранее Верхнее Аблязово. Здесь родовое гнездо семьи писателя. Немало копий было сломано вокруг проблемы, где же родился и провел детство А. Н. Радищев. Теперь следует считать установленным, что писатель родился и провел детство не в Верхнем Аблязове, но с этим селом связано очень многое в его биографии. Так, почти целый год жил он в Аблязове в 1798 году после сибирской ссылки. Здесь он усердно занимался агрономическими исследованиями, ставил химические опыты над аблязовской почвой, которую считал «отменно к плодородию способной». В Верхнем Аблязове Радищев пристально наблюдал жизнь крестьян и окрестных помещиков. Одного из них, жестокого крепостника В. Н. Зубова, напоминают коллежский асессор в главе «Зайцево» и рачительный хозяин-помещик в главе «Вышний Волочек» в «Путешествии из Петербурга в Москву».

Двухэтажный каменный дом, в котором жил А. Н. Радищев, не сохранился, но есть рисунки этого дома, сделанные с натуры внуком Радищева художником А. П. Боголюбовым. Уже проведены археологические раскопки, вскрыт фундамент дома, который намечено восстановить. А сейчас реставраторы работают в сохранившейся старинной церкви, помнящей Радищева. Здесь похоронены отец и мать писателя, а также его сыновья. А. В. Храбровицкий в рукописи исследования «От Радищева до Короленко» приводит сообщение Боголюбова о его посещении Аблязова: «Поехал я осматривать старый радищевский дом... около него каменная древняя церковь... времен Елизаветы Петровны. В церкви я заметил превосходный резной иконостас... такой работы, что я ахнул, когда туда взошел... Крытый ход был туда через галерею из барского дома, а на хорах до сих пор видна еще раззолоченная барская ложа».

Когда мы были в музее Радищева, там работал студенческий строительный отряд. Ребята с энтузиазмом готовились к восстановлению церкви, и было радостно видеть, как заинтересованно помогали им земляки великого писателя-демократа, руководители совхоза, расположенного на радищевской земле, как внимательно вникали в жизнь и нужды музея партийные работники города Кузнецка, в двенадцати километрах от которого находится село Радищево.

В Пензе и ее окрестностях создавались многие шедевры отечественной словесности. «Пенза — моя вдохновительница,— писал Денис Давыдов Языкову,— холм, на котором лежит этот город,— есть мой Парнас с давнего времени; здесь я опять принялся за поэзию». Зимой 1833/34 года Давыдов познакомился на балу в Пензе с юной Евгенией Золотаревой, вдохновившей пятидесятилетнего поэта-гусара на замечательные стихи. Он сообщал Пушкину: «Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими. Право, я думал, что рассудок во мне так разжирел, что вытеснил поэзию; не тут-то было, встрепенулась небесная, а он дай бог ноги! так, что и по сю пору не отыщут его».

Я вас люблю так, как любить вас должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю,— не от того, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышет,
Уста роскошствуют и взор востоком пышет,
Что вы — поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы,—
Я мог бы вас любить глухим, лишенным
зренья...
Я вас люблю затем, что это — вы!..

О своей последней любви стареющий поэт восклицает и в письме Вяземскому: «Да и есть ли старость для поэта? Я, право, думал, что век сердце не встрепенется и ни один стих из души не вырвется. Золотарева все поставила вверх дном: и сердце забилось, и стихи явились, и теперь даже текут ручьи любви, как сказал Пушкин». «Шутки в сторону, а я под старость чуть было не вспомнил молодые лета мои; этому причина бродящий еще хмель юности и поэзии внутри головы и черная краска на ней снаружи; я вообразил, что мне еще по крайней мере 30 лет от роду». Не за горами двухсотлетие со дня рождения Дениса Давыдова, и история любви поэта-гусара и молоденькой пензенской девушки не должна быть забыта в юбилейной круговерти. Ведь вылюбовь эта дала русской литературе стихи высокой пробы, сравнимые со стихами Пушкина, посвященными Анне Керн, и Блока, обращенными к Дельмас-Кармен.

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех!— Я счастлив, я любим!
Приветливость даруется тобою
Соперникам моим...
Но теплота души, но все, что так люблю я
С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
Не им, а мне!

Евгения Золотарева была племянницей братьев Бекетовых, чья усадьба Алферьевка стояла на высоком берегу над крутой излучиной Хопра. Дмитрий Алексеевич Бекетов, один из героев-партизан 1812 года, «подкомандующий» Давыдова, и его брат Николай Алексеевич, прадед А. Блока, принимали в своем пензенском имении многих замечательных современников. Вяземский с восторгом писал из Пензы Пушкину о просвещенности и гуманности братьев Бекетовых. В Алферьевке родились у Николая Алексеевича три сына: Николай, будущий крупнейший русский ученый, академик, основатель отечественной школы физической химии; Андрей — профессор ботаники, ректор С.-Петербургского университета, крупный общественный деятель второй половины XIX века, дед А. Блока, и Алексей — верный сын свободолюбивых сороковых годов, известный пензенский земский деятель. В его далекое пензенское имение Урлейку приезжал в конце XIX века А. Блок. В честь поэта и его славных предков в чудесной, будто сошедшей с полотен Куинджи березовой роще, издавна носящей название Бекетовской, близ дороги Пенза — Сердобск воздвигнута мемориальная скульптурная группа, кстати, единственный в нашей стране памятник великому русскому поэту, открытый в нашей стране в год его столетнего юбилея.

На пензенской земле, заботясь о прошлом, думают о будущем. Мечтают и о новых музеях, новых экспозициях, новых интересных находках. Генеральный директор объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области В. П. Арзамасцев долго и увлеченно рассказывает о планах развития музейного дела в области, о научных разработках и идеях, открывающих новые перспективы в этих многотрудных, серьезных начинаниях. В своей работе исследователи прошлого пензенской земли опираются на изыскания известных краеведов, литераторов, историков. Они выпустили уже не одну интересную книгу о пензенском крае. Здесь можно назвать труды А. Храбровицкого «Русские писатели в Пензенской области», О. Савина «Пенза литературная», работы В. Арзамасцева, П. Моксяшева, Г. Мясникова и других. Интересные сведения содержит и новая книга литературоведа А. В. Храбровицкого «От Радищева до Короленко». (Из литературного прошлого Пензенской области.) Этот труд (к сожалению, уже слишком долго остающийся в рукописи) — результат многолетних тщательнейших архивных и литературных изысканий — открывает многое в прошлом пензенского края и истории русской культуры.

Мы рассказали о музеях Пензенской области и среди них имеющих не только местную, но и всесоюзную, да и мировую известность. Не просто было их создавать в отдаленных, часто труднодоступных уголках обширной области. И не один десяток лет ушел на их организацию. А рядом со всемирно известными памятниками постоянно восстанавливаются на Пензенщине места, славные именами самых различных деятелей, когда-либо связанных с этой землей. Много говорили мы о проблемах сохранения памятников истории и культуры, об их значении в патриотическом воспитании настоящего гражданина нашей великой Родины, человека, внимательного к прошлому земли, на которой он живет, с секретарем Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясниковым. Трудно переоценить роль Георгия Васильевича, прекрасного знатока истории пензенского края, в том высокотрудном деле, каким является восстановление и охрана памятников истории и культуры.

— Мы хотим воспитать у людей истинное, глубинное чувство Родины, в том числе и малой родины,— говорит Г. В. Мясников.— Но как можно быть патриотом, не зная истоков, не зная своего прошлого? Поэтому мы такое большое значение придаем воспитанию у наших земляков глубокого уважения и интереса к деяниям предков. Мы поставим свой «камень» каждому великому земляку: и отличившемуся в революционных битвах, и павшему на полях сражений Великой Отечественной войны, и проявившему чудеса трудового героизма в мирное время. Мы будем свято хранить и утверждать память о живших на пензенской земле, бывавших здесь деятелях отечественной литературы и культуры. Мало областей в России, которые могут похвастаться таким созвездием имен, связанных с их краем. Судите сами: А. Радищев и М. Салтыков-Щедрин, В. Белинский и М. Лермонтов, Д. Давыдов и А. Куприн, Н. Лесков, Н. Огарев, А. Полежаев, М. Загоскин, А. Блок, В. Мейерхольд и многие другие. О них рассказывают и существующие уже музеи и музеи, которые мы сейчас создаем,— литературный музей Пензы и музей истории театрального искусства, который будет расположен в доме, где родился В. Э. Мейерхольд.

В Пензе и области восстанавливаются многие исторические здания. Не так давно установлена в городе скульптурная композиция, посвященная первому поселенцу Пензы, возрождены некоторые пензенские заставы, успешно работает музей народного творчества (заметим, что это прекрасный, с большим вкусом и знанием дела организованный музей.— **В. Е.**).

— Мы стремимся как можно шире показать духовную красоту родной земли,— продолжал Г. В. Мясников.— И два аспекта видим в этой работе — политический и экономический. Ведь чем красивее земля, чем крепче и разветвленней корни, тем мощнее и прекрасней дерево. И все затраты на охрану и восстановление памятников, открытие музеев и заповедников окупаются сторицей. Люди, видя доброе отношение к прошлому, понимают, что и их дела, их достижения не канут со временем в Лету, а останутся в памяти потомков. Вот такая выковывается неразрывная цепь.

А. Н. Радищев. Портрет неизвестного художника * В этом доме в Наровчате родился А. И. Куприн * Уголок крестьянского быта в музее А. Н. Радищева * Праздник поэзии в Тарханах * В музее В. Г. Белинского * Усадьба Радищевых в Верхнем Аблязове (ныне Радищево) * Мемориал А. Блока и Бекетовых.

К 125-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. И. ТАНЕЕВА

СЕРДЦЕ ЧИЩЕ

Андрей ЭШПАЙ,
народный артист СССР

Среди зеленых холмов за подмосковным Звенигородом укрылась деревенька Дюдьково. Ведет туда извилистая дорога через овраги, поросшие пахучим черемушником и строгими темными елями. Знакомый всем левитановский мостик — тоже здесь, на этой дороге; и, кажется, в самом воздухе держится задумчивая, уважительная тишина... Любили эти места Чехов и Левитан; каждое лето проводил в Дюдькове и композитор Сергей Иванович Танеев.

...В 1866 году привезли из Владимира в недавно открывшуюся Московскую консерваторию Сережу Танеева, очень серьезного малыша. Впервые там услышал его на концерте молодой профессор Петр Ильич Чайковский и на всю жизнь сохранил чувство бережной ответственности за талант своего ученика, утверждая в нем постоянное стремление к саморазвитию, не по годам мудрое понимание сочинений Брамса, Листа, Шопена, Бетховена...

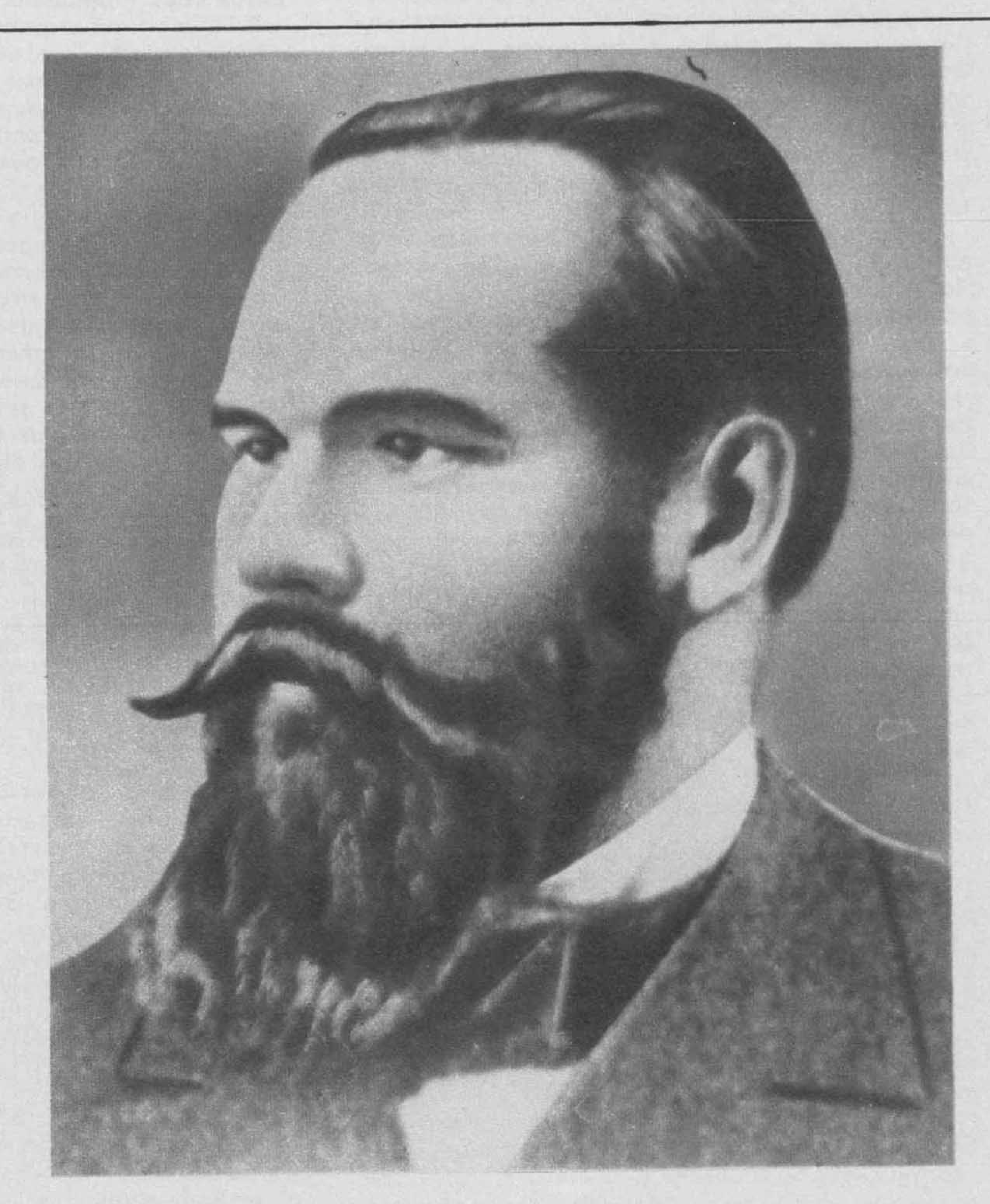
Казалось, с рождения была уготована Танееву судьба виртуоза; мальчика в Русском музыкальном обществе сравнивали с Моцартом.

Все, кто его знал в молодые годы, удивлялись многостороннему сплаву этой натуры: художник, музыкант, философ, ученый — он торопился жить; всегда берег время, до предела наполняя его работой.

Блестяще завершил Танеев учебу, получив Большую золотую медаль. Николай Григорьевич Рубинштейн, первый директор и основатель консерватории, в награду взял выпускника в заграничное путешествие. Окружающий мир будоражил Танеева удивительной красочностью и богатством звуков. Подолгу он бродил по узким, пыльным улицам Константинополя, внимая гортанным крикам торговцев; поразила его шумная жизнерадостная Италия; на всю жизнь запомнил величие храма Афины Паллады, пожалуй, впервые заставившего юношу думать о гармонии и красоте мира, о деянии рук человеческих... Мысли эти тогда бродили в голове, еще не обретая конкретных форм, но позднее пришла к нему и форма, воплотившись в оперу «Орестея».

В 1879 году из состава профессоров Московской консерватории вышел П. И. Чайковский, оставив по себе достойную замену: двадцатидвухлетний Танеев взял часть его фортепьянных классов. С того времени педагогическая деятельность стала способом существования Танеева. Способом жить.

После смерти Н. Г. Рубинштейна консерватория переживала смутные времена: покинули заведение несколько известных профессоров, усложнилось финансовое положение. Снизилась роль консерватории в музыкальной жизни Москвы. Озабоченный всем

ИСТИНА ПОБЕЖДАЕТ

Книга журналиста, побывавшего в разных странах-государствах, окунувшегося в гущу событий и рассказывающего о них,— всегда открытие для читателей.

Книга «Об истине и дымном шлейфе» принадлежит перу именно такого автора. Петр Федорович Алексеев, известный советский журналист, выступает на этот раз в очень нелегком жанре контрпропаганды, рассказывая о событиях последнего времени, о том, что происходит в нашей стране и за рубежом, о делах друзей и грязных махинациях врагов. В краткой аннотации к книге сказано, что она «...состоит из ярких публицистических статей и очерков на внутриполитические и международные темы». Но хотелось бы отметить и еще одно немаловажное достоинство только что появившейся на книжных прилавках книги — ее внутреннюю органическую связь. Это не отдельные яркие статьи и очерки, а единое публицистическое повествование о тех самых важных меридианах и параллелях, которые пересекают наиболее острые проблемы и невралгические узлы современной жизни.

Начинается книга с разоблачения трескучей и назойливой кампании, развернутой на Западе,— о «нарушениях» прав человека в Советском Союзе. Автор не только исследует историю вопроса, не только громит антисоветских кликуш и идеологических диверсантов с ленинских позиций (В. И. Ленин в свое время писал: «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия *везде и всегда* прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»), но и приходит к четко сформулированному выводу о том, что «...от попрания прав человека у себя дома к попранию международного права — таков путь развития империализма, и прежде всего американского». П. Ф. Алексеев широко использует для доказательства этого тезиса и выводы самих американцев, тех, которые еще не потеряли чувства реализма. Небезынтересно, например, звучит высказывание профессора Гарвардского университета Э. Гуиньера: «Мне кажется, что Соединенные Штаты не имеют оснований объяснять другим людям, что такое права человека, когда в США отсутствуют сами основы этих прав».

«Мы живем в такое время,— заканчивает первую главу автор книги,— когда правда смело пробивает себе дорогу, не так-то просто ставить ей преграду. Люди мира знают и видят, где находится обитель права и где гнездится бесправие. Адреса, как говорится, известны».

Но наш адрес—Советский Союз. П. Ф. Алексеев знает свою страну, изъездил ее вдоль и поперек и как журналист и как депутат Верховного Совета СССР. Он глубоко разбирается в проблемах советской действительности, обстоятельно рассказывает о работе Советов, народных депутатов, о том, как широки их полномочия. «Наша рабоче-крестьянская власть,— отмечает автор,— родилась не по чьему-либо декрету, а по желанию и велению трудящихся. В лице Советов Владимир Ильич открыл государственную форму диктатуры пролетариата, увидел в них политический орган — живой, сильный, обладающий кипучей революционной энергией. В. И. Ленин назвал Советы властью, открытой для всех, делающей все на виду у массы. Принадлежность власти народу и осуществление ее самим народом — такова основная сущность нашей демократии».

В истории нашей страны есть страницы, которые неподвластны времени. Святое место в ней занимает ратный подвиг советских людей в Великой Отечественной войне и трудовой подвиг в годы возрождения социалистического государства. Это поистине легендарное время — высочайший пик народного духа. Кто мог написать наиболее ярко об этих незабываемых страницах истории? Конечно же, человек, прошедший с первого до последнего дня через все рубежи жесточайшей из войн, человек, участвовавший на всех своих постах в возрождении нашей Отчизны. Эта глава названа кратко и емко: «Время героев и герои времени». Она посвящена трилогии воспоминаний Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». «Это книги,—

П. Ф. Алексеев. Об истине и дымном шлейфе. М., «Советская Россия», 1981, 152 с.

ЗЛАТА

этим Чайковский просил Сергея Ивановича Танеева принять на себя обязанности директора консерватории. «Учителем учителей» называли Сергея Ивановича современники: Римский-Корсаков, Бородин, Глазунов; 39 лет стены Московской консерватории озарялись светом его интеллигентной деятельной натуры.

При участии Танеева Московская консерватория превратилась в высшую школу музыкантов-педагогов. Разнообразнее, глубже стало изучение специальных предметов. Расцвело творчество самих учащихся — со сцены консерватории прозвучала оперная классика, в том числе моцартовские «Волшебная флейта» и «Дон Жуан», «Водовоз» Керубини...

В Москве, на улице Танеева, доселе сохранился приземистый, о двух крылечках домик; сохранился и широкий спокойный двор, поросший зеленой травой и цветущей по весне сиренью... В этом доме жил композитор, окруженный заботами нянюшки Пелагеи Васильевны. В невысоких комнатах всегда было жарко натоплено, пахло домашними пирогами, пыхтел старый медный самовар. Композитор работал, стоя за высокой конторкой; из темных шкафов (память о Рубинштейне) брал партитуры своих сочинений, снова и снова что-то в них переделывал, потом садился к роялю. Старенький верный «Беккер» оживал под руками Танеева, и перемещались по горнице причудливые тени: в доме не было электричества, горели свечи... По вторникам здесь горячо спорили о судьбах России и русской музыки молодые взволнованные голоса: Танеев любил молодых. Он не оставил работу даже после 1905 года, когда ушел из консерватории в знак протеста против административных притеснений учащихся. Впоследствии Танеев учил музыке рабочую молодежь в Народной консерватории...

Настоящие учителя живут в своих учениках. У Сергея Ивановича их было много. Великолепное его мастерство никого не подавляло — напротив, каждый находил свою дорогу. Своеобразные композиторы и талантливые исполнители, критики и педагоги — они высоко подняли музыкальную культуру России. Сергей Рахманинов и Александр Скрябин, Метнер и Ляпунов, Гречанинов и Глиэр, Палиашвили и Гольденвейзер... И всегда все они вспоминали, как перед уроками Танеева у них появлялось особое, волнующее настроение, словно ощущение праздника. Это ощущение усиливалось с приходом Сергея Ивановича в класс. Высокий, чуть полноватый, с окладистой бородой, он дружелюбно оглядывал своих молодых друзей спокойными темными глазами, садился за рояль и начинал творить чудеса, сливаясь с музыкой всем существом.

Когда при Танееве говорили, что вдохновение — залог творчества, он только лукаво посмеивался. Вспоминают, что однажды, накануне экзамена по сонатным формам, он спросил, а готовы ли темы его учеников.

— Разве темы к сонате можно готовить произвольно? Они обыкновенно сами приходят в голову!— ответил кто-то.

— Хорошо, если так,— иронически возразил композитор.— Но вдруг они придут в голову лишь после экзамена?..

Сам Танеев работал годами. Долго жил замыслами будущих произведений. Свои задумки таил даже от близких друзей, уверяя, что пишет «для упражнения».

Почти десять лет волновали Танеева образы древнегреческой трагедии «Орестея» при создании оперы на сюжет великого Эсхила.

Пожалуй, самая яркая особенность этой оперы — ее многоголосные хоры. Хор-народ и становится героем. Он свидетель трагических событий, он и грозный их судья... Хоры в «Орестее» мощны и лиричны, горестны и величавы... Композитор — мастер полифонии — был тут в своей стихии! Великолепны в опере музыкальные пейзажи: дикий, пустынный берег моря; свистит и воет ветер... Ужас и отчаяние, бесконечная усталость, тоска заставляют метаться несчастного Ореста: «Ты — матереубийца!» — кричат вслед ему злобные фурии. Это голос совести. Терзаемый горем и страхом, Орест достигает священного храма богини Афины Паллады: тут милосердная богиня нисходит на землю и дарует Оресту прощение. Разум и любовь побеждают стихию...

Однако первая постановка «Орестеи» в Мариинском театре была неудачна для Танеева. После премьеры композитор не подписал с дирекцией театра контракта о дальнейшей постановке, не согласившись с требованием сократить некоторые сцены.

Новая постановка «Орестеи» состоялась только через двадцать лет, когда автора уже не было в живых.

В наше время опера-трагедия «Орестея» занимает почетное место среди сокровищ исторической классики.

Танеев глубоко изучил природу человеческого голоса, его богатые возможности, волнующую выразительную силу. Он создал много хоровых произведений для «а капелльного» исполнения. Грандиозен его пятиголосный «Прометей».

Долгий творческий самоотверженный путь Танеева в музыке увенчала кантата «По прочтении псалма». Композитор завершил ее в 1915 году. На автографе рукописной партитуры краткое посвящение: «Памяти матери моей, Варвары Павловны Танеевой»... Кантата написана на стихи любимого матерью поэта Алексея Хомякова по мотивам библейских мифов о сотворении Земли. Исполняемая хором и оркестром — до 300 певцов и музыкантов — кантата звучит мощно и торжественно:

Мне нужно сердце чище злата
И воля крепкая в труде.
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде.

У композитора было именно такое сердце: отзывчивое и чистое...

Ранней весной 1915 года постигло Танеева неожиданное горе: умер Скрябин... Молчаливо, печально, не замечая порывов холодного ветра, шел Сергей Иванович за гробом своего ученика. Рядом, бледный, внутренне сжатый, шагал Рахманинов...

Простудившись на похоронах, Танеев тяжело заболел крупозным воспалением легких. Едва оправившись, он поехал в свое любимое Дюдьково. Этот приезд был последним: 6 июня 1915 года Сергей Иванович умер во время сердечного приступа.

Рахманинов сказал об учителе: «Своим личным примером он учил нас, как жить, как мыслить, как работать, даже как говорить... Его советами, указаниями дорожили все... Дорожили потому, что верили»...

пишет П. Ф. Алексеев,— не лично о себе. Они— о времени и только лишь потом о себе. Они — о рядовых людях — солдатах Великой Отечественной и тружениках послевоенных лет, о строителях и хлебопашцах, об их преданности Отечеству, самым светлым и праведным идеалам. И в этом — главная воспитательная сила книг, ставших настольными».

...7 октября 1977 года. Этот день — веха в истории нашего Отечества. От него начался отсчет времени Конституции развитого социализма, Конституции, которая есть творение разума партии и народа, которая есть величественный гимн вечно живому Октябрю. В главе «Власть, открытая для всех» автор книги подробно знакомит с тем поистине безбрежным морем возможностей, которые открывает Конституция развитого социализма для трудящихся нашей страны, для Советов— высшей формы власти, выражающих коллективную волю народа. Не обходит П. Ф. Алексеев и острых проблем. Одна из них — проблема продовольственная. Родилась она не вчера. И об этом автор книги говорит честно и открыто. Мне хотелось бы подробнее процитировать несколько абзацев из этой главы:

«Велика роль Советов народных депутатов в решении продовольственной проблемы, в улучшении снабжения продуктами питания. Речь, в частности, идет о психологическом климате вокруг такого резерва улучшения обеспечения населения продовольствием, как развитие приусадебных хозяйств сельских тружеников, горожан.

В одном из печальной памяти выступлений 1963 года, пропитанном махровым волюнтаризмом, резкой критике был подвергнут, например, совхоз «Добровский» Липецкой области. За что же? Да за то, что у рабочих и служащих этого хозяйства имелось 2280 коров, 1200 свиней, 4108 овец, много птицы. Лихо тогда прошлись по личным хозяйствам как этого совхоза, так и других в стране. Мол, негоже с коровой идти в коммунизм. И вот к чему это привело. В том же «Добровском» сейчас осталось в личном пользовании лишь 522 коровы, 201 свинья, 72 овцы—или меньше соответственно: коров—на 1758 голов, свиней — на тысячу голов и овец — на 4035 голов.

Вот каких благ лишился наш продовольственный рынок! Люди, которые снабжали его, разумеется, и себя, теперь сами из производителей превратились в потребителей.

Экономика — вещь серьезная, сложная. За неуважение к ее законам она мстит. И жестоко. Насилие над законами экономики имело далеко идущие последствия. Несмотря на огромные усилия партии и государства по исправлению вредной во всех отношениях линии, мы все еще сталкиваемся с проблемами, которые решить не так-то просто».

Конечно, партия и правительство предпринимают должные меры, чтобы исправить положение в сельском хозяйстве, еще более поднять материальный уровень народа. Но ведь много зависит и от самих тружеников города и села. Все, что они едят и надевают на себя,— дело их рук, их таланта. Страна Советов открывает всем равные возможности, наперекор всем испытаниям и бурям она уверенно идет в будущее. Ее ведут коммунисты, люди, аккумулировавшие в своих сердцах и умах самые сокровенные мечты и чаяния народа. Они — ум, честь и совесть эпохи, они самые последовательные, самые самоотверженные борцы за мир, за вечный мир на нашей планете.

И следующие главы — о тех впечатлениях, которые вынес П. Ф. Алексеев из своих поездок за рубеж. Вместе с автором читатели побывают на дружественной земле Югославии: и в столичном Белграде и в древнем Сараеве познакомятся с интересными людьми, добрыми друзьями Советского Союза; они посетят пятый континент — загадочную для многих Австралию, находящуюся на противоположной для нас точке планеты; они увидят Америку такой, как она есть, страну, администрация которой прилагает немалые усилия, чтобы превратить свое государство в «мирового жандарма», чтобы еще опаснее закрутить спираль гонки вооружений и поставить народ мира под дамоклов меч ядерной катастрофы; они пройдут по парижским улицам в ночь под рождество, встретятся с истинными друзьями и злобными противниками нашими; они поймут благодаря автору всю сложность обстановки, сложившейся в Египте, и пожмут дружескую руку героическому народу Афганистана.

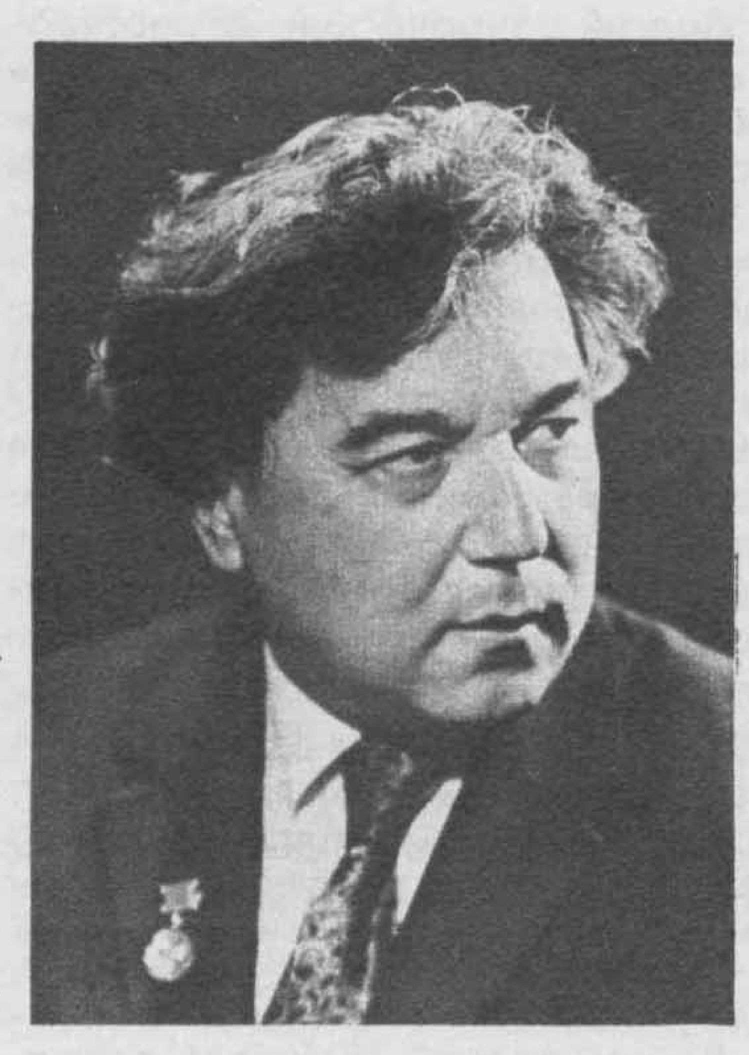
И где бы мы ни побывали вместе с автором книги, везде мы услышим голос людей разных стран, разного социального положения и взглядов на жизнь. Мы услышим голоса австралийских фермеров и интеллигентов, американских сенаторов и простых шоферов, французских коммерсантов и парламентариев разных направлений, сторонников предателя египетского народа Садата и их противников, выступающих за дружбу с Советским Союзом, мы познакомимся через интервью с Бабраком Кармалем с теми задачами, которые ставит перед собой афганский народ, строящий новую жизнь на своей древней земле.

И еще. О языке книги «Об истине и дымном шлейфе». Автор рассказывает о трудных и сложных проблемах, а книга написана языком легким, изящно, с большим вкусом. Это хороший и нужный подарок читателям.

В. КОРОВИН

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
РАМЗА БАБАДЖАНА

«И нет конца мечтам моим...»

Дед его был строителем по призванию, коммунистом с семнадцатого года. Он видел и слышал Ленина, как самый драгоценный дар передав детям и внукам воспоминания о вожде.

Отец, человек суровый и трудолюбивый, всю жизнь боровшийся за укрепление Советской власти в Узбекистане, хотел, чтобы старший сын стал врачом.

Сын стал поэтом, продолжателем традиций Г. Гуляма, Айбека, К. Яшена и других основоположников новой узбекской литературы.

На глазах Рамза Бабаджана сжигали ненавистную чадру и орошали засушливые степи. Он оказался свидетелем грандиозных преобразований в своей родной республике, во всей стране, и это определило характер его многоплановой лирики.

В стихах Р. Бабаджана прослеживаются настойчивые поиски новых форм и приемов, которые дают ему возможность свободно, в полный голос говорить о волнующих поэта явлениях и событиях. Так рождаются стихотворения «Да, я — азиат!», «Творец Интернационала», «Баллада о сердце Лумумбы», где чувствуется плодотворное влияние русской гражданской лирики.

Наряду с этим Р. Бабаджан наполняет новым содержанием классические формы восточной поэзии. Лирико-философский цикл «Новые рубаи» показывает красочность образного мышления поэта, широту его тематического диапазона.

Более тридцати поэтических сборников, переведенных на языки народов СССР, создал за сорок лет Рамз Бабаджан. Его перу принадлежат поэмы «Дорогие друзья», «Живая вода», за которую автор был удостоен Государственной премии СССР.

Широко известны песни на стихи Р. Бабаджана — «Мой город» (композитор Б. Гиенко), «Песня о Ташкенте», совместно с Л. Ошаниным (музыка Д. Тухманова). На сценах театров Узбекистана и за его пределами с успехом идут комедии Р. Бабаджана «Дядя и племянники», «Цыгана не обманешь».

Творческий путь известного советского узбекского поэта, драматурга и публициста, секретаря правления Союза писателей Узбекистана Рамза Бабаджана органично включает в себя также переводы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, Есенина, Твардовского...

Лирический герой программного стихотворения Р. Бабаджана «Всегда в пути» восклицает:

И нет конца путям моим,
И нет конца мечтам моим...

Пожелаем же поэту, чтобы его поиски всегда были плодотворными и чтобы на избранном им пути его ждали новые творческие открытия.

О. ЮРЬЕВ

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«ОСТОРОЖНО: ЗАПОВЕДНЫЙ ОСТРОВ»

Под таким заголовком в журнале «Огонек» (№ 31 за 1981 год) была опубликована статья В. Каджая о грубейших нарушениях режима Государственного историко-культурного заповедника на острове Хортица. В плавневом лесу, то есть в наиболее заповедной зоне, вопреки установленному режиму построена база отдыха. Всего на Хортице функционируют четырнадцать таких баз отдыха и профилакториев. На месте курганного могильника развели огород, на славянском поселении раскинулись избы и огороды, сооружены теплицы, гаражи, сараи и т. д.

Редакция получила письмо за подписью заместителя председателя исполкома Запорожского областного Совета народных депутатов тов. И. И. Марусенко, в котором он сообщает, что «исполком Совета народных депутатов внимательно рассмотрел статью В. Каджая. Факты нарушений законодательства на территории историко-культурного заповедника на о. Хортица и государственного заказника «Днепровские пороги», изложенные в статье, соответствуют действительности. В последнее время состояние историко-культурной и природной среды о. Хортица ухудшилось».

Вопрос нарушения режима заповедника и заказника стал предметом обсуждения на заседании облисполкома 9 сентября 1981 года, где было принято решение по этому вопросу.

Облисполком потребовал безусловного выполнения ранее утвержденных мероприятий по соблюдению режима заповедной территории. Строго указано руководителям предприятий и учреждений, виновным в нарушении режима.

Утверждена комиссия для разработки конкретных мероприятий по охране, контролю и дальнейшему развитию заповедника и заказника на XI пятилетку и до 1990 года. Выполнение решения взято на контроль.

Пришло письмо и от директора Государственного историко-культурного заповедника на острове Хортица А. Л. Сокульского. Выступление «Огонька» обсуждено ученым советом заповедника. Факты грубейших нарушений режима заповедной территории, сообщается в письме, при проверке в основном подтвердились. Администрацией заповедника разработаны и областным органом предложены мероприятия по устранению нарушений и упорядочению хозяйственных нагрузок на заповедный остров.

КИНО

ПРАВДА ФАКТА—ПРАВДА ИСТОРИИ

Кадр из фильма.

Подвигу советских воинов, всего советского народа в Великой Отечественной посвящено множество фильмов; наш кинематограф начал осваивать эту поистине безграничную тему еще в дни, когда шла битва не на жизнь, а на смерть с гитлеровскими захватчиками.

В киноленгах о войне нашли воплощение многие крупные операции наших войск против фашизма. Однако почти не было фильмов о завершившем вторую мировую войну разгроме японских милитаристов. Этот пробел восполняет новая двухсерийная художественная лента «Через Гоби и Хинган». Постановку ее осуществил Василий Ордынский по сценарию, написанному им вместе с Вадимом Труниным при участии монгольского писателя Лодонгийна Тудэва (производство киностудий «Мосфильм» и «Монголкино», при участии киностудии ДЕФА (ГДР).

На долю героев картины выпадает немало испытаний. Мы впервые встретимся с ними в жарком бою, за тысячи километров от тех военных дорог, которые им еще предстоит пройти.

А потом следует заключительный штурм... Победа... Но, увы, героям, которых мы узнали и полюбили, предстоит еще столкнуться на другом конце света с такими же человеконенавистниками, готовыми на любые злодеяния.

Неподалеку от Харбина палач с тремя докторскими степенями, японский генерал-лейтенант Исии ставит НА ПРОМЫШЛЕННУЮ ОСНОВУ выведение чумных крыс, сусликов, сурков... Тут в массовых масштабах совершают преступные опыты над живыми людьми. По заданию правящей клики лихорадочно готовится «тихое и бесшумное» оружие, «преимущество» которого в том, что, уничтожая людей, оно в целости и сохранности оставляет технику, дома, промышленные объекты...

Как тут не вспомнить нынешних людоедов с их нейтронным оружием!.. Не мешало бы им призадуматься над плачевной судьбой предшественников, тоже заривщихся на чужое добро и деловито обрекавших миллионы людей на мучительную смерть...

Герои нового фильма в момент нашей встречи с ними не подозревают о существовании генерала Исии. Они пока еще не знают, что в самые ближайшие дни военные эшелоны умчат их на восток, за тысячи километров от поверженной Германии...

Широкая сценарная экспозиция позволяет создателям нового фильма, раскрывая суть глобальных — и нынче важных — проблем, рассказывать о живых, конкретных человеческих судьбах. В многофигурной кинематографической композиции действуют и личности исторические: И. В. Сталин (А. Кобаладзе), Х. Чойбалсан (Ч. Наргуй), Ю. Цеденбал (Ц. Тимурбатор)... Мы видим здесь и прославленных советских военачальников: маршалов Василевского (Л. Золотухин), Малиновского (В. Ларионов), Мерецкова (В. Езепов), генерала Плиева (А. Бекмурров)...

Привлечение документального материала способствует углублению смысла и таких важных событий истории, как поражение японской военщины на Халхин-Голе и озере Хасан, как парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года, как первые испытания американской атомной бомбы, как бомбардировка Хиросимы...

Впечатляет тема братской дружбы, неразрывно связывающей советский и монгольский народы. Органично вписывается в фильм новелла о русском докторе Анне Соколовой (С. Тормахова), спасающей жизни аратов. Образ не выдуман: тут тоже есть вполне реальный, жизненный прототип...

Именно эта искренность лирических, почти камерных сцен, сплавленных с эпическими событиями, отличает стилистику нового незаурядного кинопроизведения. В нем от начала до конца сохраняется напряженный ритм. Возникают многие интересные события, детали.

Особенно интересен образ Героя Советского Союза майора Матвеева. «Военный путь» артиста Владимира Ивашова, начатый уже давно исполнением роли Алеши Скворцова в «Балладе о солдате», получает достойное продолжение... Четкие индивидуальные характеристики дают своим героям и другие актеры.

Все эпизоды в Монголии снимались с активным участием монгольских кинематографистов. Режиссер Б. Сумху, оператор Ж. Осаябай, художник-постановщик О. Могмар — все они рука об руку с советскими коллегами стремились достоверно отразить в фильме события сурового военного времени. И хотя отдалено от нас оно более чем тремя десятилетиями, выход фильма «Через Гоби и Хинган» как нельзя более актуален в наши дни.

Новой картине, несомненно, предстоит теплый зрительский прием... Она волнует; заставляет думать о вчерашнем и сегодняшнем дне мира.

Феликс АНДРЕЕВ

РЫЦАРЬ ПЯТОГО ОКЕАНА

В столице необычное оживление. Ранним утром восьмого сентября 1910 года жители Петербурга проснулись с мыслью: сегодня они наконец увидят полеты русских авиаторов. Весной, 8 марта, газеты сообщили о первом публичном полете Михаила Ефимова. Но это было в Одессе. В мае на международной авиационной неделе увидели полеты иностранцев и несколько удачных полетов Николая Попова — единственного соотечественника среди заезжих авиаторов.

А теперь огромные афиши зовут всех на Коломяжский ипподром. Аршинные портреты в витринах магазинов, на вагонах трамваев, на страницах газет и журналов кричат: на праздник российского воздухоплавания собирается весь цвет русской авиатики — Ефимов, Лебедев, Попов, Сегно, Уточкин, Руднев, Мациевич, Ульянин, Кузминский... Трудно поверить: русской авиации без году неделя, но летчиков уже много.

М. Ефимов, лучший русский летчик, выглядит скромно и просто. Околоточный даже не пустил его к ангару. Не поверил, что человек в простой куртке и серой кепке с открытым лицом мастерового — знаменитый авиатор. Потребовал документ, записал имя и звание.

...Смоленщина дала России первого летчика, а миру — первого космонавта. Родился Михаил Никифорович Ефимов 13 ноября 1881 года в селе Аполье Духовщинского уезда. Трудно жилось семье бедного крестьянина-полесовщика Никифора Ефимова. В поисках лучшей доли он увозит жену и детей в Одессу. В южном городе тоже не сладко. С трудом удалось устроить старшего, Владимира, в техническое училище, а Михаила и Тимофея — в школу. С первой получки Владимир купил Михаилу подержанный велосипед. Так началось его увлечение спортом. Призы тогда были денежные. Михаил откладывал эти деньги, пока не накопилась сумма, достаточная для того, чтобы приобрести мотоцикл. В 1908 и 1909 годах Михаил становится чемпионом России по мотогонкам.

Начало века. Мир увлечен авиацией. Газеты ежедневно приносят потрясающие известия: человек продержался в воздухе 12 секунд, пролетел 36 метров, версту, перелетел из города в город, пересек Ла-Манш! Но все это в Европе. Передовые люди России не хотят отставать от веяний времени, создают воздухоплавательные кружки, общества. В Одессе открывается аэроклуб. Там читаются лекции по воздухоплаванию, совершаются полеты на воздушных шарах, строится планер.

Михаилу Ефимову, электрику-телеграфисту железной дороги, доступ в него закрыт. Членами аэроклуба состоят богатые, титулованные особы, финансисты, офицеры. Но им не удается поднять в воздух аэроклубовский планер. Михаилу разрешили попробовать: дескать, все равно не сможет. А он полетел! С первой попытки. И вскоре стал рекордсменом по числу полетов.

Потом М. Ефимов учится в Мурмелоне у самого Анри Фармана! Диплом об окончании школы у М. Ефимова был под номером 31 и первый в России. О русском авиаторе стали писать газеты. Он установил мировой рекорд продолжительности полета с пассажиром, удостоен золотой медали, обучает полетам французских офицеров, испытывает военные аэропланы, побеждает на международных состязаниях в Реймсе, Ницце, Вероне, Будапеште.

Но в России его успехи никого не интересуют. С горечью пишет он военному министру: «Выдвинутый судьбой в ряды первоклассных авиаторов, жду с нетерпением того момента, когда освобожденный от всякого рода контрактов и нравственных обстоятельств по отношению к фирме и некоторым лицам, давшим мне возможность занять нынешнее положение среди авиаторов, я предложу свои услуги моей дорогой Родине...»

Наконец его голосу вняли и пригласили шеф-пилотом летной школы в Севастополе.

Девять лет отдал обучению авиаторов Ефимов в Севастополе. Он был единственным гражданским человеком в офицерской школе.

Ни разу в жизни Михаилу Никифоровичу не пришлось пожалеть о своем выборе. Он мог стать авиатором-гастролером, совершающим полеты по городам России. Но он хорошо знал, что авиация делает свои первые шаги, и перспективы по ее применению практически безграничны. И здесь первому русскому авиатору многое пришлось делать впервые. В Севастопольской школе он занимается испытаниями ранцевого парашюта Котельникова, опробует беспроволочный телеграф для связи аэропланов с землей, участвует в опытах по фотографированию с воздуха, совершает первый ночной полет, отрабатывает методы взаимодействия авиации с другими родами войск.

Февральская революция застала Ефимова в гидроотряде Черноморского флота. Он произведен в прапорщики инженерных войск и служит главным инструктором на авиационной базе. Когда был создан солдатский комитет, в состав его избрали М. Ефимова.

После Октябрьской революции Севастопольский военно-революционный комитет назначил комиссаром воздушных сил летчика Качинской школы Ремезюка, заместителем комиссара гидроавиации — Н. П. Зеленова. По согласованию с ревкомом Михаил Ефимов стал флагманским летчиком-пилотом для особых поручений. Для борьбы с контрреволюцией в Севастополе был создан революционный отряд в составе 2500 человек с артиллерией и двумя аэропланами. Так известный летчик оказался в гуще гражданской войны.

Михаил Ефимов (справа) и его учитель Анри Фарман — 1909 год.

Вскоре над Крымом нависла угроза интервенции. Скрыться М. Ефимову не удалось. Из застенка его освободила Красная Армия. В Севастополе оставаться нельзя — на Крым наседал Деникин. Ревком срочно эвакуируется. За машинами автоколонны поручили следить Ефимову. В Симферополе погрузиться в эшелон не смогли, и колонна двинулась к Перекопу своим ходом. Машины пришлось сжечь, а документы и ценности перегрузили на подводы.

М. Ефимов пешком добирается до Одессы. Во время высадки белогвардейского десанта летчика опознал офицерский патруль. Арестованного доставили на крейсер «Кагул». По городу поползли слухи, что его били, жестоко пытали. Отец комиссара авиации флота Ремезюка служил коком на одном из судов, стоящих у мола. В иллюминатор он видел, как М. Ефимова вывезли на шлюпке на середину бухты и утопили.

Так в начале августа 1919 года погиб первый русский летчик.

Потомки не забыли героя. Историки разыскали сотни документов, собрали воспоминания очевидцев, восстановили по дням и годам всю жизнь замечательного летчика. В Одессе на месте первого публичного полета, на здании железнодорожного техникума, на улице его имени установлены мемориальные доски. Созданы экспозиции в музее 66-й школы Ленинграда, музее ВВС в Монине. Днепропетровский скульптор Н. Г. Майборода создал памятник летчику. Столетие со дня рождения М. Н. Ефимова отметили на своих заседаниях историки авиации и космонавтики в Киеве, Ленинграде, Одессе и других городах.

В. СМЕЯН,
член секции авиации и космонавтики АН УССР

ГОЛОС ПРОСВЕТИТЕЛЯ

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Ранним зимним утром 1756 года из Петербурга в Москву отправлялся небольшой обоз. Несколько саней стояло во дворе типографии на Васильевском острове. Провожал его Михайло Васильевич Ломоносов. На санях везли два печатных стана да 60 пудов литер на сумму 1254 рубля, — все это для университета, созданного его, сына поморского крестьянина, радением...

Остановился обоз во дворе университетского дома на Моховой улице. Прибывшие с обозом наборщик Семен Полянинов и два ученика принялись за устройство типографии.

А уже 25 апреля того же года были напечатаны первые издания: ода и речь, которые раздавались гостям, присутствующим на празднике годовщины университета.

На следующий день вышел первый номер газеты, основанной тоже университетом, — «Московские ведомости». Газета выходила два раза в неделю «по почтовым дням», то есть во вторник и пятницу. «Московские ведомости» систематически помещали материалы о жизни университета, сведения о готовящихся изданиях.

За год работы типография выпустила четырнадцать книг.

Корректорами здесь работали университетские студенты и ученики гимназии, получавшие 100 рублей в год. Редактировали книги, учебники, периодические издания профессора университета. Обязанности художника выполняли преподаватели рисования. Один из современников писал тогда: «Сия типография со временем изданием своих ученых книг в немалую славу превзойтить может».

— Слова эти сбылись быстро, — говорит директор Издательства МГУ, кандидат филологических наук Александр Константинович Авеличев. Мы сидим в его кабинете, который находится в здании, что в трех шагах от первого места расположения типографии. Александр Константинович — сам питомец Московского университета, здесь же заканчивал аспирантуру, защищал диссертацию.

— Уже с первых шагов существования университетской типографии поражает размах издательской деятельности университета и тщательно продуманное тематическое разнообразие, — продолжает он свой рассказ. — Русские профессора, открывая непознанное, показывали западному миру ту самую «способность и остроту в науках», ту достойную похвалы доблесть в «рассуждении высоких знаний», о которой писал Ломоносов. «Честь и назначение университета требуют того, чтобы он всеми мерами способствовал к скорейшему доставлению учебных пособий, принятых уже везде и ожидаемых единственно от Московского университета»,— говорилось в наказе издательству. Издавал Московский университет и художественную, и научно-популярную, и просветительскую литературу. Именно здесь были опубликованы труды французских просветителей Вольтера, Дидро, Руссо, Монтеня...

Я слушаю директора и словно перелистываю летопись издательской деятельности Московского университета, продолжающуюся уже 225 лет.

Вслед за первой газетой в 1760 году русский поэт М. М. Херасков выпускает первый номер первого московского литературного журнала «Полезное увеселение». В 1763 году русский читатель опять же впервые видит произведения Сервантеса на русском языке, изданные Московским университетом. Николай Иванович Новиков, один из славных деятелей русского просвещения, выпускает здесь свои журналы...

— Даже не перечтешь всего, что было издано впервые с марками нашего университета, — говорит Александр Константинович. — Кроме чисто научных трудов и учебников, это и «Записки охотника» Тургенева, и «История Российская с самых древнейших времен» Татищева, и «Сказки тысячи и одной ночи», и «Сонеты» Адама Мицкевича, и «Видимый свет» Яна Амоса Коменского, и «Аббат Сугерий» Грановского, и «Опыт исторической грамматики русского языка» Буслаева, и исследование Циолковского «Аэроплан, или птицеподобная (авиационная летательная машина)»...

— ...«Похождения Чичикова, или мертвые души», — вспоминаю я, — да еще единственный некролог в России на смерть Гоголя, его опубликовал Тургенев в 1852 году в «Московских ведомостях», за что был сослан, а редактор наказан...

...Служение великому триединству — науке, образованию, культуре — прослеживается в издательской деятельности университета вплоть до сегодняшнего дня.

1917 год, 29 декабря. Принят декрет ЦИК РСФСР о государственном издательстве. Этим декретом Наркомпросу, в ведении которого находился тогда Московский университет, предлагалось «немедленно приступить к широкой издательской деятельности», и в первую очередь к выпуску дешевых изданий русских классиков и массовому изданию учебников.

Сейчас издательство Московского университета выпускает ежегодно свыше тысячи названий учебной, научной и научно-популярной литературы, девятнадцать научных журналов. Авторский коллектив издательства — это почти восемь с половиной тысяч профессоров, преподавателей, научных сотрудников МГУ. Научные работы и учебные пособия, изданные здесь, способствуют совершенствованию учебного процесса, пропагандируют результаты исследований, стимулируют сам научный поиск. Ежегодный тираж книг, брошюр и журналов превышает три с половиной миллиона экземпляров.

В издательстве семь больших книжных редакций. Какие же книги сейчас готовятся к печати? На столе у Нины Михайловны Глазковой, заведующей одной из редакций естественных наук, лежит верстка книги «Общество и природа».

— Это сборник работ видных советских ученых под редакцией академика Т. С. Хачатурова. Выступления посвящены проблемам охраны природы и рациональному использованию ресурсов. В работе ставится важнейший вопрос о необходимости подготовки кадров специалистов-экологов, в которых так нуждается наше хозяйство, — рассказывает Нина Михайловна.

Проблемы окружающей среды стоят сейчас в мире очень остро, и над разрешением их работают многие ученые Московского университета: почвоведы, биологи, химики. Результаты их исследований, практические рекомендации издаются оперативно. Возьмите, например, строительство БАМа.

Нина Михайловна достает из шкафа несколько томов: «Природные условия Западной Сибири», «Исследования в зоне БАМ»...

— В этих работах ученых университета содержатся практические рекомендации для строителей, хозяйственников. Даже не просто рекомендации, — добавляет Глазкова, подумав, — а жесткие требования — чудесную природу края сохранить в чистоте...

...В XVIII веке, когда университет обзавелся собственной типографией на Моховой, в том же доме открылась университетская книжная лавка. Сюда приходили, чтобы подписаться на «Московские ведомости», поговорить с приятелем, обменяться новостями (книжные лавки в то время — это еще и своеобразные клубы). Помните старинную гравюру: на ней изображены литераторы у книгопродавца, среди них Жуковский, Пушкин, Вяземский... Здесь можно было купить собрание сочинений Ломоносова, книги профессоров университета. И вот после большого перерыва традиция возобновилась. На Ломоносовском проспекте появилась «Университетская книжная лавка», где можно купить издания МГУ.

НАСТОЯЩИЙ РЫБАК

Владимир СВИРИДОВ

Самым лучшим днем недели Алешка считал воскресенье. Обычно именно в этот день он отправлялся с отцом на рыбалку. Ну, а рыбалка для Алешки — настоящий праздник. Чтобы не получить отказ, он уже с субботы завоевывал расположение родителей: прилежно себя вел и ел все подряд.

— Был бы ты всегда таким, сынок,— гладила его по головке мама.

— Пойдешь в школу, куплю спиннинг,— подбадривал папа.

До озера они добирались на автобусе. Потом находили свое излюбленное местечко под ивой и забрасывали удочки.

Алешка знал почти все виды наживки, умел пользоваться складной удочкой-телескопом, отличать поклевку карася от поклевки плотвы. И даже, несмотря на то, что порой он, глядишь, и окунька побольше, чем у папы, поймает, отец по-прежнему не считал его настоящим рыбаком.

— Это, брат, целая наука, а то едва червяка на крючок насаживать научился — и уже рыбак.

Алешка обижался и, надув губы, спрашивал:

— Ну, а когда стану?

Отец разводил руками и хитро улыбался.

И вот однажды отца, прилегшего после очередной рыбалки отдохнуть, растормошила жена.

— Какой ужас! До чего мы дожили! Ты преспокойненько дрыхнешь, когда твой родной сын...

— Что случилось? — всполошился отец.

— Иди сам послушай...

Отец тихонько подошел к окошку.

Мальчишки расположились на скамейке и внимательно слушали размахивающего руками Алешку. Рассказывал он про рыбалку громко и с большим увлечением:

— Смотрю, нет поплавка. До самого дна утонул. Тащу, а там сазан! В-в-о-о-т такущий!— Алешка для наглядности раскинул руки в стороны, продемонстрировав величину рыбы.— Килограммов на пять!

— Ты зачем меня звала? — удивленно пожал плечами отец.

— Разве ты не слышишь, как врет твой сын?! Поймали семь пескарей — под микроскопом не разглядишь,— а он, гляди, о чем речь ведет. С малых лет обманом заниматься... В озере и рыбы такой нет.

Но отец ее не слушал.

— Рыбак! — счастливо улыбнулся он.— Настоящим рыбаком парень стал...

РАССКАЗ ДРУГА

Есть писатели, книги которых, прочитанные однажды, остаются в памяти надолго, незримо сопровождают тебя через перевалы лет.

К числу таких писателей принадлежит Ефим Пермитин.

Его романы и повести, созданные за сорок лет неустанной работы в литературе, отразили сложный, изобилующий трагическими поворотами путь русского крестьянства и русской интеллигенции с начала века по пятидесятые годы, запечатлели революционное творчество масс.

Для многих читателей, и для меня в том числе, такие талантливые вещи Пермитина, как повести «Друзья» и «Когти», романы «Капкан», «Враг», «Любовь», «Ручьи весенние», наряду с точными картинами гражданской войны, коллективизации и социалистического переустройства деревни, открыли окно в незамутненный мир таежной природы, простых сильных чувств живущих там людей.

И хорошо, когда рассказать об ушедшем писателе может не просто вдумчивый критик, но и человек, близко знавший его долгие годы, разделявший с ним горести и победы.

Возможно, поэтому книга Михаила Шкерина получилась столь взволнованной и непосредственной, очень личностной и откровенно пристрастной.

Уже первая глава — «Пыльный город» — заставляет забыть, что перед нами литературоведческое исследование, она погружает читателя в атмосферу уездного Усть-Каменогорска, где прошло детство писателя. Здесь встретил он революцию и гражданскую войну, «взялся за плуг, потом увлекся охотой».

Наверное, самое трудное в биографическом очерке — показать истоки литературной судьбы, становление характера художника. Показать не фактологически, а в живом движении времени.

Письмо П. Бажова, будущего автора «Малахитовой шкатулки», о необходимости разумного освоения алтайского «мягкого золота», сенсационный успех самочинного издания на оберточной бумаге литературно-художественного журнала «Охотник Алтая», побудительный толчок к творчеству под влиянием повести Л. Сейфуллиной в «Сибирских огнях» — все это вехи судьбы, которые обрастают в книге зримыми подробностями, приближающими к нам фигуру начинающего писателя.

С неменьшим увлечением прослеживает исследователь дальнейшие шаги Е. Пермитина на литературном поприще, делая нас свидетелями рождения его творческих замыслов и сомнений. И тогда вновь оживают в нашем воображении голоса деревьев и птиц из чудесной «Поэмы о лесах», вспоминается чернобородый кряжистый старик раскольник, глухой ночью тайно, с заклинаниями ковавший медвежий капкан, в котором он потом, не дрогнув, оставит собственную ногу.

Свободно оперируя широким историческим материалом, М. Шкерин не обходит стороной острые моменты писательской биографии своего героя. Мужество и достоинство, с которыми он переносил вульгаризаторские нападки рапповской критики, обвинявшей его во многих грехах, также добавляют важные штрихи к облику того, кто никогда не изменял высокому предназначению советского писателя. Ну, а время, как известно, все ставит на свои места.

Этот очевидный вывод убедительно подкрепляется анализом художественных произведений Ефима Пермитина, органично включенным в ткань повествования о его жизни и творчестве. Мы видим героя и автора книги в гостях у М. Шолохова, узнаем, как помог писателю в трудную минуту А. Макаренко. Круг житейских обстоятельств и литературных привязанностей самобытного сибирского прозаика, перекликающегося с мотивами М. Пришвина и К. Паустовского, по-новому высветляет колоритные образы его повестей и романов.

М. Шкерин написал интересную, содержательную книгу, которая, несомненно, привлечет внимание читателей и послужит достойной памятью другу.

Ю. ОСИПОВ

М. Р. Шкерин. Время в лицах: Ефим Пермитин и его романы. М., «Современник», 1981. 239 с.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

УВАЖАТЬ КЛИЕНТА

В № 42 журнала «Огонек» под заголовком «История без географии» был опубликован обзор писем с комментариями. Речь шла о неуважительном отношении к заказчикам в мастерских завода «Мосремэлектробытприбор». В ответ на это выступление редакция получила письмо за подписью генерального директора производственного объединения «Мосгорремрбыттехника» С. Н. Лупаца и секретаря парткома Б. А. Мастрюкова. Выступление журнала было обсуждено на расширенном заседании парткома завода «Мосремэлектробытприбор». Критика в адрес завода признана правильной.

«Приказом по заводу начальнику цеха № 35 коммунисту тов. В. Я. Сереброву за отсутствие контроля за работой подведомственной мастерской № 51 объявлено замечание. За низкую производственную дисциплину, пренебрежительное отношение к заказчику заведующему мастерской № 51 тов. В. Н. Маломеду объявлен строгий выговор. Статья «История без географии» была обсуждена на общем партийном собрании коммунистов всего объединения. Заводом «Мосремэлектробытприбор» принесены извинения заказчику».

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Хлопчатобумажная техническая ткань. 7. Командная спортивная игра с мячом. 8. Складная тренога, подставка. 9. Повесть о Куликовской битве. 13. Птица отряда куликов. 14. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Без вины виноватые». 16. Озеро в Северной Америке. 17. Собственноручная надпись. 18. Древнегреческий философ. 19. Корпус самолета. 21. Драгоценный камень. 23. Южное плодовое дерево. 25. Деталь стрелочного измерительного прибора. 28. Наука о природе. 29. Флажок, вручаемый победителям соревнования. 30. Областной центр в РСФСР.

По вертикали: 1. Вьючное или упряжное животное. 2. Город в Румынии. 4. Рассказ А. П. Чехова. 5. Русский писатель. 6. Очертание предмета. 9. Марка советского автомобиля. 10. Объектив. 11. Устройство для прыжка с самолета. 12. Школьная работа для упражнения в правописании. 14. Кровельный материал. 15. Инертный газ. 20. Крытый балкон, портик. 22. Приток Днепра. 24. Вязаная фуфайка. 26. Командующий соединением военных кораблей. 27. Художник-передвижник, пейзажист.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 1. Кассета. 4. Печорин. 7. Асеев. 8. Бриз. 9. Фтор. 10. «Черевички». 13. Регби. 14. Львов. 15. Демпо. 17. Дефис. 20. «Вечеринка». 23. Ринг. 24. Унжа. 25. Ларек. 26. Нервюра. 27. Нарбада.

По вертикали: 1. Каламбур. 2. Спиннинг. 3. Альтаир. 4. Попович. 5. Рахметов. 6. Нестеров. 10. Чирков. 11. Висмар. 12. «Илиада». 15. Державин. 16. Манометр. 18. Фонетика. 19. Ставрида. 21. Челеста. 22. Никитин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Хамзинский заготовительный пункт.
(См. в номере материал «Узбекистан: 6 000 000 тонн хлопка».)
Фото И. Тункеля

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сингапур. Тайгар-парк — музей восковых фигур * Атолл Северный Ниланду * Коралл-мозговик * Доверие... * Одна из центральных улиц Бомбея * Научно-исследовательское судно «Академик Петровский» в Красном море * Разбор проб на борту судна * Первые трофеи.
(См. в номере материал «Тайны подводных глубин».)
Фото С. Галкина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.11.81. Подписано к печати 8.12.81. А 00474. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2843. Заказ № 1527.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Словно попали они сюда из давней, позабытой песенки: мандолина, гитара и бас. Не по одному инструменту, не по два. Десяток гитар едва разместился на стеллажах, мандолины и до поры помалкивающие трехструнные балалайки «прима» пристроились рядом. А солидный, густого голоса контрабас занял подобающее ему место — неподалеку от двух пианино. Геликон и труба попроще, бандуры и скрипки, флейта-пикколо и кастаньеты — до чего же лихие! Только возьмешь в руки — сами отбивают ритм, зовут в круг.

Вот-вот отворится дверь, войдут оркестранты, и... Дверь и впрямь открылась, но в зал шагнул не дирижер и не первая скрипка, а покупатель.

Василий Петрович Ныч, человек в Устье Зеленом известный, депутат районного Совета, художественный руководитель Дома культуры.

— У нас неплохой вокально-инструментальный ансамбль. В нем восемь человек. Бываю в этом магазине, присматриваю им инструменты...

В. П. Ныча в этом сельском магазине знают не первый день. Он покупал здесь электрогитары, сейчас придирчиво пробует какой-то тоже громкий, шумный инструмент.

— Гремит село электрической музыкой? — спрашиваем Василия Петровича.

— Не обошло и нас это музыкальное увлечение, молодежь охотно играет в современных ансамблях, охотно и слушает их.— Василий Петрович соглашается: да, попали в зону общего поветрия. И продолжает: — Но все более заметна тяга к народным мелодиям, к народной музыке. Значит, и к народным инструментам. Мы вовсе не собираемся противопоставлять одно другому— найдется в селе место и электромузыкальному ансамблю и народному оркестру.

Работники сельского музыкального магазина подтверждают: так оно и есть. Все чаще увозят отсюда домры и бандуры, гитары. Не электрические, а простые, в шесть или семь струн, мягкие и напевные, ладные в оркестре и сольную партию умеющие повести.

— Прежде гитару украинское село знало меньше, а вот прислушалось к ней и полюбило.

Гитар в магазине немало: совсем простые и оркестровые; скажем, чехословацкая «кремона», ленинградские изделия. И все же спрос превышает предложение.

— Предприятие наше в общем-то невелико, его не сравнить с большим городским. Но ассортимент стараемся поддерживать. Музыкальный магазин для села — дело в общем-то новое, и если с первых шагов будем спотыкаться, что же получится? Придет покупатель за баяном, а выбора нет. Ехать ему в город, как прежде?

Любовь Владимировна Сорока, заведующая магазином, что стоит на взгорье в Монастыриске Тернопольской области, рассказывает охотно и с подробностями:

— Прежде о подобном магазине село и подумать не могло. Работал небольшой музыкальный отдел в раймаге, гармошками торговал, грампластинками. Сейчас разбогатело село. Если нужен кому тот же баян или пианино, стал покупатель обходить раймаг — прямиком в город. Не сразу и у нас поняли, что появилась в спросе такая новизна. Музыкальный товар особый. Через него многое видно. И достаток и культура. Прошло время, когда то же пианино покупали «для мебели». В те дома, где любят музыку и занимаются ею, везут теперь пианино и бандуры, аккордеоны, скрипки и, понятно, магнитофоны. «Маги» в ходу особом.

Любовь Владимировна деликатно заглядывает в блокнот: успеваем ли записать названия всех товаров? Продолжает:

— Пять лет назад весь оборот составил десять тысяч рублей в год. А в восьмидесятом мы наторговали на двадцать пять тысяч. Почти столько же получили за девять месяцев нынешнего года. Ощущаете прибавку? Такой вот музыкальный момент.

Неподалеку от нашего магазина живет семья Жилавых — не семья, оркестр. Сам Иван Ярославович — мастер почти на все инструменты, одна дочь — в музыкальном училище, вторая — тоже хорошо играет; сын Володя увлекается флейтой.

Сельский музыкальный прилавок недостатка в покупателях не испытывает. И стар сюда наведывается, и млад не обходит; особенно после того, как открыли музыкальную школу. В начале каждого учебного года приходят сюда мамы, папы, бабушки тех, кто прошел по конкурсу.

— Есть у нас такая педагогическая «нагрузка» — преподаватели помогают подбирать инструменты, — говорит нам заведующий учебной частью школы Михаил Михайлович Алисов. — Но вот тут-то и начинаются неожиданности, которые, увы, теперь и неожиданностями не назовешь — повторяются они из года в год. В магазин поступают такие инструменты, которые порекомендовать не можем. Возьмите-ка в руки этот, например, баян. Слышите, едва дотронешься — сам играет. Явный брак. И скрипку, прежде чем найдешь подходящую, переберешь-попробуешь не одну.

Страдает от бракованного товара не только монастырисский магазин. Мы объехали несколько универмагов и специализированных торговых предприятий Тернопольской и Хмельницкой областей: всюду сетовали на то, что нередкими стали фальшивые, непригодные для доброй игры инструменты. Самые разные — от пианино до простейшей балалайки. Позже, попав в Тернополь, зашли в облпотребсоюз, спросили: может, нам не везло, может, мы попадали в магазины, куда бракованные гармошки привезли случайно? «Какое там!»—не без огорчения отвечали кооператоры. И дали справку, вот строки из нее: «Имеют случаи поставки музыкальных инструментов низкого качества, ненадлежащего оформления... Это относится к продукции Молодеченской фабрики музинструментов (а поставляет она инструменты для детей.— **К. Б., И. Т.**), производственного объединения «Аккорд», Житомирской фабрики музинструментов (баяны), Одесской фабрики музтоваров (пианино), Московской экспериментальной фабрики музинструментов (баяны)».

Такой вот немузыкальный момент. Фальшивая нота... И мы вносим предложение: собрать по магазинам отмеченную браком продукцию и передать оркестрам предприятий, выпустивших эти изделия.

Пусть играют марши и полонезы — специально для бракоделов!

К такому снимку подпись не нужна.

Дети в школу собирались. В музыкальную.

МУЗЫКАЛЬН

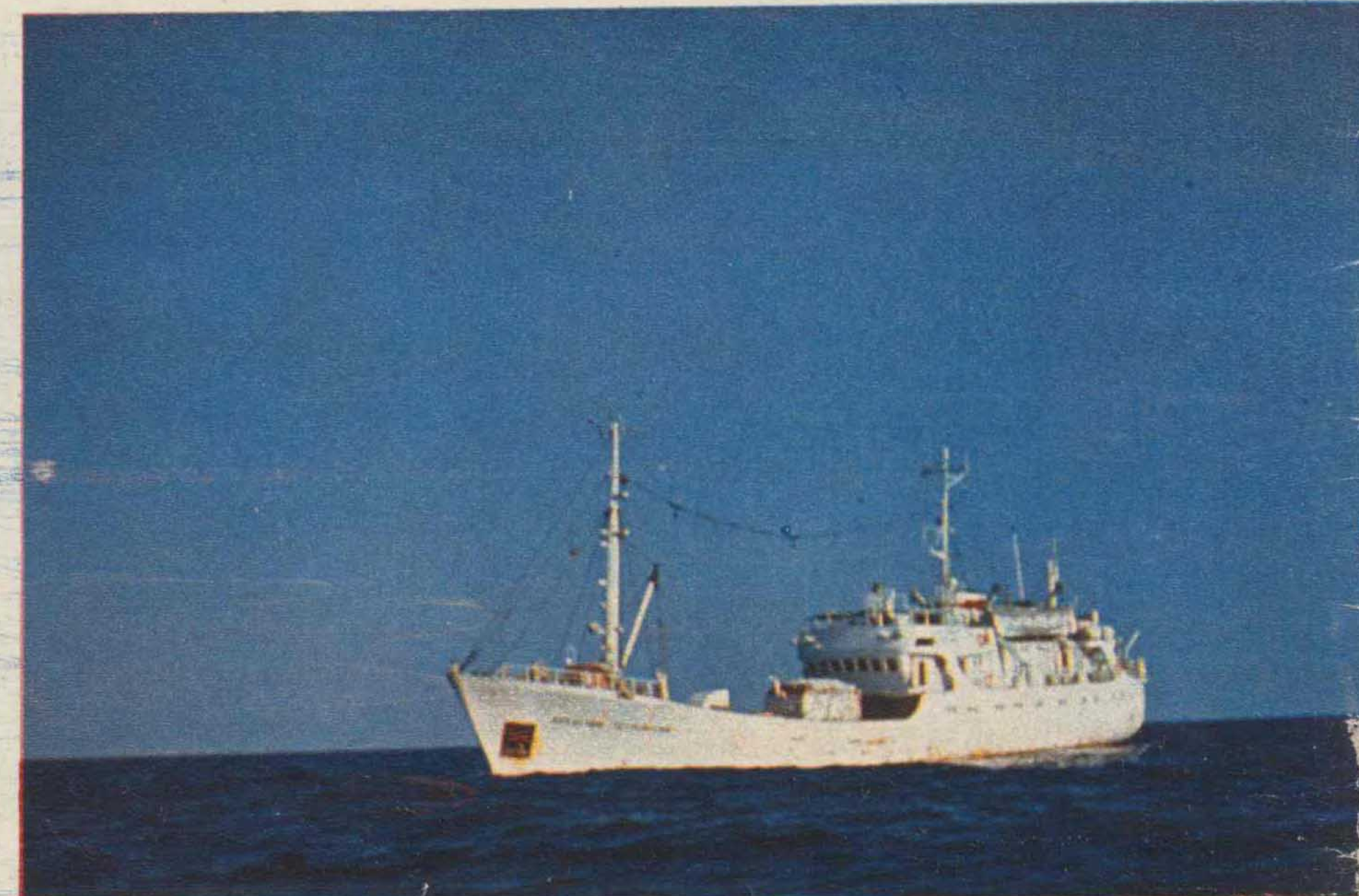
Мандолина, гитара и бас. А еще — аккордеоны с баянами.

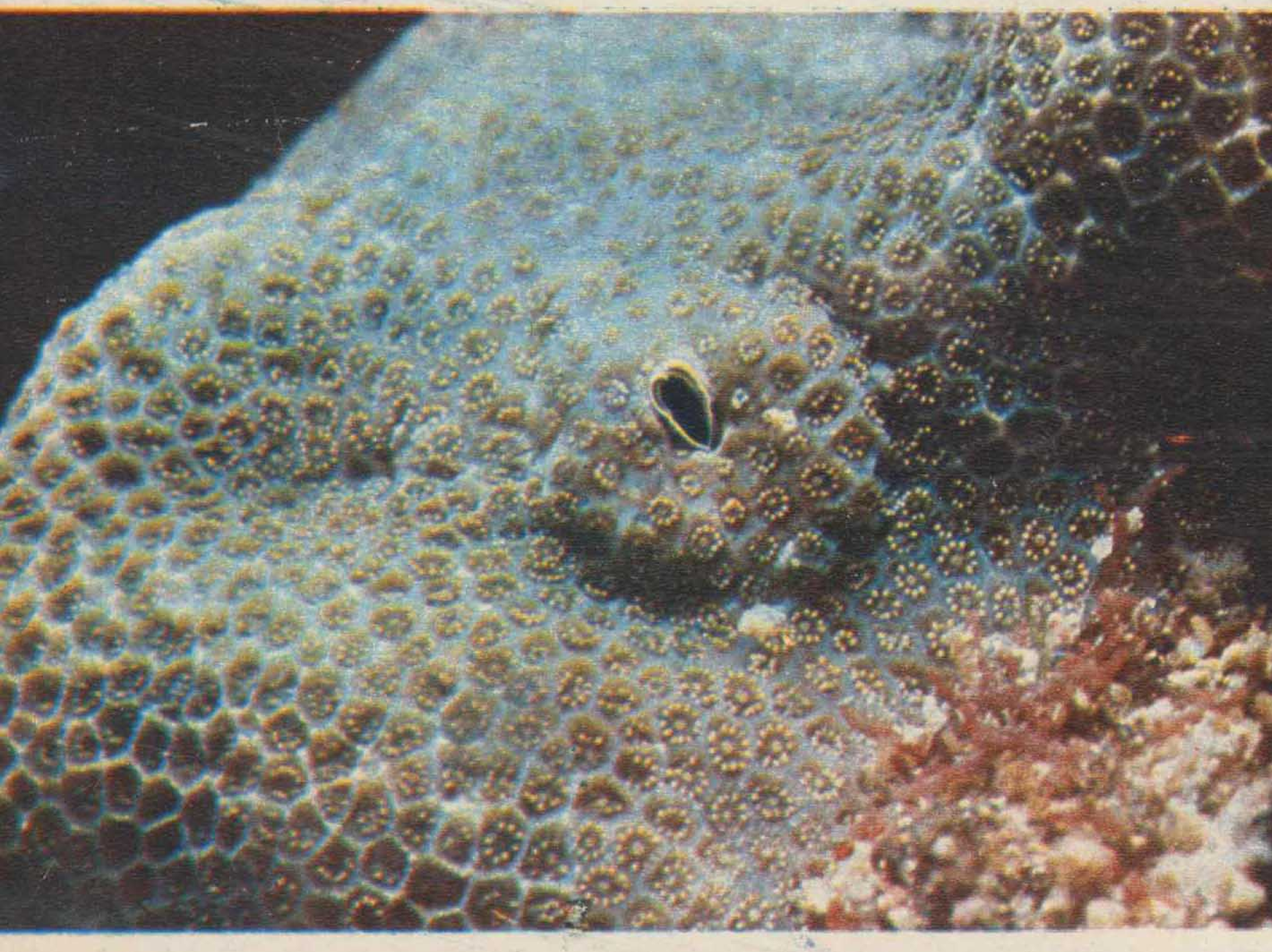
ЫЙ МОМЕНТ

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663